ФЕДОР СОЛОГУБ

7

Федоръ Сологубъ.

Федор Сологуб.

ЛАЗУРНЫЕ ГОРЫ

ИЗ

Собрание сочинений

том седьмой

Федор Сологуб

Собрание сочинений

Лазурные горы

7

Стихотворения

Москва
НПК «Интелвак»
2003

УДК 882 Сологуб 2
ББК 84 (2Рос=Рус)1
С 60

Составитель и автор примечаний *Т.Ф. Прокопов*

Художник *В.М. Мельников*

Руководитель проекта *В.Н. Кеменов*
Зам. руководителя проекта *И.И. Изюмов*

ISBN 5-93264-022-7
ISBN 5-93264-044-8 (т. 7)

ЛАЗУРНЫЕ ГОРЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ

(к книге «Пламенный круг»)

Рожденный не в первый раз и уже не первый завершая круг внешних преображений, я спокойно и просто открываю мою душу. Открываю, — хочу, чтобы интимное стало всемирным.

Темная земная душа человека пламенеет сладкими и горькими восторгами, истончается и восходит по нескончаемой лестнице совершенств в обители, навеки недостижимые и вовеки вожделенные.

Жаждет чуда, — и чудо дастся ей.

И разве земная жизнь — Моя жизнь — не чудо? Жизнь такая раздробленная, такая разъединенная и такая единая.

«Ибо все и во всем, — Я, и только Я, и нет иного, и не было, и не будет».

«Вещи есть у меня, но ты — не вещь Моя; ты и Я — одно».

«Приди ко Мне, люби Меня».

Январь 1908 года

ПРЕДИСЛОВИЕ

Стихотворения, собранные в этой книге, написаны в 1884—1898 годах; но далеко не все стихотворения тех лет помещены здесь. Выбор обусловлен желанием сохранить некоторую общность настроения. Стихи расположены в порядке, который для внимательного читателя покажется не случайным. <...>

* * *

Где ты делась, несказанная
Тайна жизни, красота?
Где твоя благоуханная,
Чистым светом осиянная,
Радость взоров, нагота?

Хоть бы в дымке сновидения
Ты порой явилась мне,
Хоть бы поступью видения
В краткий час уединения
Проскользнула в тишине!

5 января 1885

* * *

Чиста любовь моя,
Как ясных звезд мерцанье,
Как плеск нагорного ручья,
Как белых роз благоуханье.

Люблю одну тебя,
Неведомая дева,
Невинной страсти не губя

Позором ревности и гнева.
И знаю я, что здесь
Не быть с тобою встрече:
Твоя украшенная весь
От здешних темных мест далече.

А мой удел земной —
В томленьях и скитаньях,
И только нежный голос твой
Ко мне доносится в мечтаньях.

29 сентября 1898

* * *

Морозная светлая даль,
И низкое солнце, и звезды в снегу...
Несут меня сани. Забыта печаль.
Морозные грезы звенят надо мной на бегу.
Открытое поле все бело и чисто кругом.
Раскинулось небо широким и синим шатром.
Я вспомнить чего-то никак не могу,
Но что позабылось, того и не жаль.
Пуста и безлюдна морозная даль.
Бегут мои кони. Ямщик мой поет.
Деревни дымятся вдали...

Надо мною несется мечта и зовет...
Плещут волны, летят корабли...
Рассыпается девичий смех перекатной волной...
Ароматная ночь обаяла своей тишиной...
Мы крылаты, — плывем далеко от земли...
Ты, невеста моя, не оставишь меня...

Нет, опять предо мною зима предстает,
Быстро сани бегут, и ямщик мой поет,
И навстречу мне снежная пыль мимолетного дня.

20 октября 1892

* * *

Я не спал, — и звучало
За рекой,
Трепетало, рыдало
Надо мной.

Это пела русалка,
А не ты.
И былого мне жалко,
И мечты.

До зари недалекой
Как заснуть!
Вспоминал я жестокий,
Долгий путь.

А русалка смеялась
За рекой, —
Нет, не ты издевалась
Надо мной.

8 сентября 1897

* * *

Покрыла зелень ряски
Пустынный, старый пруд, —

Я жду, что оживут
Осмеянные сказки:

Русалка приплывет,
Подымется, нагая,
Из сонной глади вод
И запоет, играя

Зеленою косой,
А в омуте глубоком
Сверкнет огромным оком
Ревнивый водяной...

Но тихо дремлет ряска;
Вода не шелохнет, —
Прадедовская сказка
Вовек не оживет...

6 апреля 1886

* * *

На лбу ее денница
Сияла голубая,
И поясом зарница
Была ей золотая.

Она к земле спускалась
По радуге небесной
И в мире оставалась
Блаженно-неизвестной.

Но захотела власти
Над чуждыми телами,

И нашей буйной страсти
С тоской и со слезами.

Хотелось ей неволи,
И грубости лобзаний,
И непомерной боли
Бесстыдных истязаний, —

И в темные, плотские
Облекшися одежды,
Лелеяла земные,
Коварные надежды.

И жизнь ее влачилась
Позором и томленьем,
И смерть за ней явилась
Блаженным избавленьем.

18 апреля 1896

* * *

На песке прихотливых дорог
От зари догорающей свет
Озарил, расцветил чьих-то ног
Тонкий след...

Может быть, здесь она проходила,
Оставляя следы на песке,
И помятый цветок проносила
На руке.

Поднимая раскрытую руку,
Далеко за мечтой унеслась

И далекому, тайному звуку
        Отдалась.

Тосковали на нежной ладони
Молодой, но жестокой руки
По своей ароматной короне
        Лепестки...

Молодою и чуждой печалью
Не могу я души оживить
И того, что похищено далью,
        Воротить.

Мне об ней ничего не узнать,
Для меня обаяния нет.
Что могу на земле различать?
        Только след.

1 июня 1896

* * *

Молода и прекрасна,
Безнадежно больна,
Смотрит на землю ясно
И бесстрастно луна.

Отуманились дали,
И тоскует земля,
И росою печали
Оросились поля.

Простодушные взоры
Подымает жена

На лазурные горы,
Где томится луна.

Что не спит и не дремлет,
Все скорбит о луне
И лучам ее внемлет
В голубой тишине.

Но не плачет напрасно
Золотая луна,
Молода, и прекрасна,
И смертельно больна.

Умирая, не плачет,
И уносится вдаль,
И за тучею прячет
Красоту и печаль.

29 августа 1998

* * *

Туман не редеет,
Молочною мглою закутана даль,
И на сердце веет
Печаль.

С заботой обычной,
Суровой нуждою влекомый к труду,
Дорогой привычной
Иду.

Бледна и сурова,
Столица гудит под туманною мглой,

Как моря седого
Прибой.

Из тьмы вырастая,
Мелькает и вновь уничтожиться в ней
Торопится стая
Теней.

6 ноября 1888

* * *

Короткая радость сгорела,
И снова и грустен и нищ,
И снова блуждаю без дела
У чуждых и темных жилищ.

Я пыл вдохновенья ночного
Больною душой ощущал,
Виденья из мира иного
Я светлым восторгом встречал.

Но краткая радость сгорела,
И город опять предо мной,
Опять я скитаюсь без дела
По жесткой его мостовой.

7 июля 1896

* * *

Запах асфальта и грохот колес,
Стены, каменья и плиты...
О, если б ветер внезапно донес
Шелест прибрежной ракиты!

Грохот на камнях и ропот в толпе, —
Город не хочет смириться.
О, если б вдруг на далекой тропе
С милою мне очутиться!

Ясные очи младенческих дум
Сердцу открыли бы много.
О, этот грохот, и ропот, и шум —
Пыльная, злая дорога!

21—30 марта 1896

* * *

Иду я влажным лугом,
Томят меня печали.
Широким полукругом
Развернутые дали,

Безмолвие ночное
С пленительными снами
И небо голубое
С зелеными краями, —

Во всем покой и нега,
Лишь на сердце тревога.
Далеко до ночлега.
Жестокая дорога!

27 января 1894

* * *

Закрывая глаза, я целую тебя, —
Бестелесен и тих поцелуй.

Ты глядишь и молчишь, не губя, не любя,
	В колыханье тумана и струй.

Я плыву на ладье, — и луна надо мной
	Подымает печальный свой лик;
Я плыву по реке, — и поник над рекой
	Опечаленный чем-то тростник.

Ты неслышно сидишь, ты не двинешь рукой, —
	И во мгле, и в сиянии даль.
И не знаю я, долго ли быть мне с тобой
	И когда ты мне молвишь: причаль.

Этот призрачный лес на крутом берегу,
	И поля, и улыбка твоя —
Бестелесное все. Я забыть не могу
	Бесконечной тоски бытия.

28 августа 1897

* * *

Под холодною властью тумана,
Перед хмурой угрозой мороза,
На цветках, не поблекнувших рано,
Безмятежная, чистая греза.

С изнемогшей душой неразрывны
Впечатленья погибшего рая,
И по-прежнему нежно-призывны
Отголоски далекого мая.

* * *

Не ужасай меня угрозой
Безумства, муки и стыда,
Навек останься легкой грезой,
Не воплощайся никогда,

Храни безмерные надежды,
Звездой далекою светись,
Чтоб наши грубые одежды
Вокруг тебя не обвились.

7 марта 1897

* * *

Я от мира отрекаюсь,
Облекаюсь темной схимой
И душою устремляюсь
В тот чертог недостижимый,

Где во мгле благоуханий,
В тихом трепете огней,
Входит бледный рой мечтаний
В круг больных и злых теней, —

И к сокрытому престолу
С необычными дарами
Мы подходим, очи долу,
С необутыми ногами,

И приносим жертву Богу
Службу ясную поем,
Но к заветному порогу
Человека не зовем.

25 февраля 1896

АРИАДНА

Сны внезапно отлетели...
Что ж так тихо все вокруг?
Отчего не на постели
С нею мил-желанный друг?

Смотрит, ищет — и рыдает,
И понятно стало ей,
Что коварно покидает
Обольщенную Тезей.

Мчится к морю Ариадна, —
Бел и легок быстрый бег, —
И на волны смотрит жадно,
Голосящие о брег.

Легким веяньем зефира
Увлекаемы, вдали,
В синем зареве эфира
Исчезают корабли.

Парус черный чуть мелькает, —
И, за милым вслед спеша,
Улетает, тает, тает
Ариаднина душа.

30 апреля 1884

* * *

Из мира чахлой нищеты,
Где жены плакали и дети лепетали,
Я улетал в заоблачные дали
В объятьях радостной мечты,
И с дивной высоты надменного полета
Преображал я мир земной,
И он сверкал передо мной,
Как темной ткани позолота.
Потом, разбуженный от грез
Прикосновеньем грубой жизни,
Моей мучительной отчизне
Я неразгаданное нес.

11 августа 1896

* * *

Для чего в пустыне дикой
Ты возник, мой вешний цвет?
Безнадежностью великой
Беспощадный веет свет.

Нестерпимым дышит жаром
Лютый змей на небесах.
Покоряясь ярым чарам,
Мир дрожит в его лучах.

Милый цвет, ты стебель клонишь,
Ты грустишь, ты одинок, —
Скоро венчик ты уронишь
На сухой и злой песок.

Для чего среди пустыни
Ты возник, мой вешний цвет,
Если в мире нет святыни,
И надежды в небе нет.

17 октября 1898

* * *

Этот сон — искуситель,
Он неправдою мил.
Он в мою роковую обитель
Через тайные двери вступил, —

И никто не заметил,
И не мог помешать.
Я желанного радостно встретил,
И он сказочки стал мне шептать.

Расцвели небылицы,
Как весною цветы,
И зареяли вещие птицы,
И пришла, вожделенная, ты.

Этот сон — искуситель,
Он неправдою мил.
Он мою роковую обитель
Безмятежной мечтой озарил.

* * *

Скоро солнце встанет,
В окна мне заглянет,

Но не буду ждать, —
Не хочу томиться:
Утром сладко спится, —
Любо сердцу спать.

Раннею порою
Окон не открою
Первому лучу.
С грезою полночной,
Ясной, беспорочной,
Задремать хочу.

Дума в грезе тонет.
На подушку клонит
Голову мою.
Предо мной дороги,
Реки и чертоги
В голубом краю.

16 июня 1896

* * *

Просыпаюсь рано.
Чуть забрезжил свет,
Темно от тумана, —
Встать мне или нет?
Нет, вернусь упрямо
В колыбель мою, —
Спой мне, спой мне, мама:
«Баюшки-баю!»

Молодость мелькнула,
Радость отнята,

Но меня вернула
В колыбель мечта.
Не придет родная, —
Что ж, и сам спою,
Горе усыпляя:
«Баюшки-баю!»

Сердце истомилось.
Как отрадно спать!
Горькое забылось,
Я — дитя опять,
Собираю что-то
В голубом краю,
И поет мне кто-то:
«Баюшки-баю!»

Бездыханно, ясно
В голубом краю.
Грезам я бесстрастно
Силы отдаю.
Кто-то безмятежный
Душу пьет мою.
Шепчет кто-то нежный:
«Баюшки-баю!»

Наступает томный
Пробужденья час.
День грозится темный,
Милый сон погас,
Начала забота
Воркотню свою,
Но мне шепчет кто-то:
«Баюшки-баю!»

1 декабря 1896

* * *

Запоздалый ездок на коне вороном
Под окошком моим промелькнул.
Я тревожно гляжу, — но во мраке ночном
Напряженный мой взор потонул.
Молодые березки печально молчат,
Неподвижны немые кусты.
В отдалении быстро копыта стучат,—
Невозвратный, торопишься ты.
Одинокое ложе ничем не согреть,
Бесполезной мечты не унять.
Ах, еще бы мне раз на тебя посмотреть!
Ах, еще б ты промчался опять!

26 июля 1895

* * *

Ангельские лики,
Светлое хваленье,
Дым благоуханий, —
У Творца-Владыки
Вечное забвенье
Всех земных страданий.

Ангел вопрошает:
«Бледный отрок, ты откуда?
Рано дни тебе наскучили».
Отрок отвечает:
«На земле мне было худо.
Мать с отцом меня замучили».

У Творца-Владыки
Вечное забвенье

Всех земных страданий, —
Ангельские лики,
Светлое хваленье,
Дым благоуханий.

«Целый день бранили,
Ночью руки мне связали,
На чердак свели раздетого,
Долго палкой били,
Долго розгами терзали, —
Вот и умер я от этого».

Ангельские лики,
Светлое хваленье,
Дым благоуханий, —
У Творца-Владыки
Вечное забвенье
Всех земных страданий

13 октября 1898

* * *

Отвори свою дверь,
И ограду кругом обойди.
Неспокойно теперь, —
Не ложись, не засни, подожди.

Может быть, в эту ночь
И тебя позовет кто-нибудь.
Поспешишь ли помочь?
И пойдешь ли в неведомый путь?

Да и можно ли спать?
Ты подумай: во тьме, за стеной
Станет кто-нибудь звать,
Одинокий, усталый, больной.

Выходи к воротам
И фонарь пред собою неси.
Хоть бы сгинул ты сам,
Но того, кто взывает, спаси.

30 декабря 1897

* * *

Суровый друг, ты недоволен,
Что я грустна.
Ты молчалив, ты вечно болен, —
И я больна.

Но не хочу я быть счастливой,
Идти к другим.
С тобой мне жить в тоске пугливой,
С больным и злым.

Отвыкла я от жизни шумной
И от людей.
Мой взор горит тоской безумной,
Тоской твоей.

Перед тобой в немом томленье
Сгораю я.
В твоем печальном заточенье
Вся жизнь моя.

24 августа 1897

МЕДНЫЙ ЗМИЙ

Возроптали иудеи:
«Труден путь наш, долгий путь.
Пресмыкаясь, точно змеи,
Мы не смеем отдохнуть».

В стан усталых иудеев
Из неведомой земли
Вереницы мудрых змеев
Утром медленно ползли.

Подымался к небу ропот:
«Нет надежд, и нет дорог!
Или нам наш долгий опыт
Недостаточно был строг?»

Рано утром, в час восхода,
Голодна, тоща и зла,
В стан роптавшего народа
Рать змеиная ползла.

И, раздор меж братьев сея,
Говорил крамольник злой:
«Мы отвергнем Моисея,
Мы воротимся домой».

Чешуей светло-зеленой
Шелестя в сухой пыли,
По равнине опаленной
Змеи медленно ползли.

«Здесь, в пустыне этой пыльной,
Мы исчахнем и умрем.

О, вернемся в край обильный,
Под хранительный ярем».

Вдруг, ужаленный змеею,
Воин пал сторожевой, —
И сбегаются толпою
На его предсмертный вой.

И, скользя между ногами
Старцев, жен, детей и дев,
Змеи блещут чешуями,
Разевают хищный зев

И вонзают жала с ядом
В обнаженные стопы
Их враждебно-вещим взглядом
Очарованной толпы.

Умирали иудеи, —
И раскаялись они.
«Моисей, нас жалят змеи! —
Возопил народ, — Взгляни:

Это — кара за роптанье.
Умоли за нас Творца,
Чтоб Господне наказанье
Не свершилось до конца».

И, по слову Моисея,
Был из меди скован змей,
И к столбу прибили змея
Остриями трех гвоздей.

Истощили яд свой гости
И, шурша в сухой пыли,

Обессиленные злости
В логовища унесли.

Перед медным изваяньем
Преклоняется народ
И смиренным покаяньем
Милость Божию зовет.

15 марта 1896

* * *

Твоих немых угроз, суровая природа,
Никак я не пойму.
От чахлой жизни жду блаженного отхода
К покою твоему,
И каждый день меня к могиле приближает,
Я каждой ночи рад,
Но душу робкую бессмысленно пугает
Твой неподвижный взгляд.
Лесов таинственных ласкающие сени,
Немолчный ропот вод,
И неотступные, и трепетные тени,
И неба вечный свод,
Враждебно все мечте и чувству человека,
И он ведет с тобой
От самых древних лет доныне и до века
Непримиримый бой.
Но побеждаешь ты, — последнего дыханья
Подстерегая час,
Огнем томительным напрасного страданья
Ты обнимаешь нас.

5 июня 1896

* * *

В поле не видно ни зги.
Кто то зовет: «Помоги!»
        Что я могу?
Сам я и беден и мал,
Сам я смертельно устал,
        Как помогу?

Кто-то зовет в тишине:
«Брат мой, приблизься ко мне!
        Легче вдвоем.
Если не сможем идти;
Вместе умрем на пути,
        Вместе умрем!»

18 мая 1897

* * *

Опять сияние в лампаде,
Но не могу склонить колен.
Ликует Бог в надзвездном граде,
А мой удел — унылый плен.

С иконы темной безучастно
Глаза суровые глядят.
Открыт молитвенник напрасно:
Молитвы древние молчат, —

И пожелтелые страницы,
Заветы строгие храня,
Как безнадежные гробницы,
Уже не смотрят на меня.

1 октября 1898

* * *

Забыв о родине своей,
Мы торжествуем новоселье, —
Какое буйное веселье!
Какое пиршество страстей!

Но все проходит, гаснут страсти,
Скучна веселость наконец;
Седин серебряный венец
Носить иль снять не в нашей власти.

Все чаще станем повторять
Судьбе и жизни укоризны,
И тихий мир своей отчизны
Нам все отрадней вспоминать.

30 сентября 1898

ОТ ЗЛОЙ РАБОТЫ ПАЛАЧЕЙ

Баллада

Валерию Брюсову

Она любила блеск и радость,
Живые тайны красоты,
Плодов медлительную сладость,
Благоуханные цветы.

Одета яркой багряницей,
Как ночь мгновенная светла,
Она любила быть царицей,
Ее пленяла похвала.

Ее в наряде гордом тешил
Алмаз в лучах и алый лал,

И бармы царские обвешал
Жемчуг шуршащий и коралл.

Сверкало золото чертога,
Горел огнем и блеском свод,
И звонко пело у порога
Паденье раздробленных вод.

Пылал багрянец пышных тканей
На белом холоде колонн,
И знойной радостью желаний
Был сладкий воздух напоен.

Но тайна тяжкая мрачила
Блестящей славы дивный дом:
Царица в полдень уходила,
Куда, никто не знал о том.

И, возвращаясь в круг веселый
Прелестных жен и юных дев,
Она склоняла взор тяжелый,
Она таила темный гнев.

К забавам легкого веселья,
К турнирам взоров и речей,
Влеклась тоска из подземелья,
От злой работы палачей.

Там истязуемое тело,
Вопя, и корчась, и томясь,
На страшной виске тяготело,
И кровь тяжелая лилась.

Открывши царственные руки,
Отнявши бич у палача,

Царица умножала муки
В злых лобызаниях бича.

В тоске и в бешенстве великом
От крови отирая лик,
Пронзительным, жестоким гиком
Она встречала каждый крик.

Потом, спеша покинуть своды,
Где смрадный колыхался пар,
Она всходила в мир свободы,
Венца, лазури и фанфар.

И, возвращаясь в круг веселый
Прелестных жен и юных дев,
Она клонила взор тяжелый,
Она таила темный гнев.

15 ноября 1898

* * *

Келья моя и тесна, и темна.
Только и свету, что свечка одна.

Полночи вещей я жду, чтоб гадания
Снова начать
И услыхать
Злой моей доли вещания.

Олово, ложка да чаша с водой, —
Все на дощатом столе предо мной.

Олово в ложке над свечкой мерцающей
Я растоплю,

И усыплю
Страх, мое сердце смущающий.

Копоть покрыла всю ложку мою,
Талое олово в воду я лью.

Что же пророчит мне олово?
Кто-то стоит
И говорит:
«Взял же ты олова, — злого, тяжелого!»

Острые камни усеяли путь,
Меч изостренный вонзился мне в грудь.

13 октября 1897

* * *

Порою туманной,
Дорогою трудной
Иду!
О друг мой желанный,
Спаситель мой чудный, —
Я жду!
Мгновенное племя,
Цветут при дороге
Мечты.
Медлительно время,
И сердце в тревоге, —
А ты,
Хоть смертной тропою,
В последний, жестокий
Мой день,
Пройди предо мною,
Как призрак далекий,
Как тень!

* * *

Ветер в трубе
Воет о чьей-то судьбе, —
Жалобно стонет,
Словно кого-то хоронит.

«Бедные дети в лесу!
Кто им укажет дорогу?
Жалобный плач понесу
Тихо к родному порогу,

Ставнями стукну слегка,
Сам под окошком завою, —
Только немая тоска
К ним заберется со мною.

Им непонятен мой зов.
Дети обнявшись заплачут.
Очи голодных волков
Между дерев замаячат».

Ветер в трубе
Плачет о чьей-то судьбе, —
Жалобно стонет,
Словно кого-то хоронит.

6 октября 1898

* * *

Порой повеет запах странный, —
Его причины не понять, —
Давно померкший, день туманный
Переживается опять.

Как встарь, опять печально всходишь
На обветшалое крыльцо,
Засов скрипучий вновь отводишь,
Вращая ржавое кольцо, —

И видишь тесные покои,
Где половицы чуть скрипят,
Где отсырелые обои
В углах тихонько шелестят,

Где скучный маятник маячит,
Внимая скучным, злым речам,
Где кто-то молится да плачет,
Так долго плачет по ночам.

5 октября 1898

* * *

Полуночною порою
Я один с больной тоскою
Перед лампою моей.
Жизнь докучная забыта,
Плотно дверь моя закрыта, —
Что же слышно мне за ней?

Отчего она, шатаясь,
Чуть заметно открываясь,
Заскрипела на петлях?
Дверь моя, не открывайся!
Внешний холод, не врывайся!
Нестерпим мне этот страх.

Что мне делать? заклинать ли?
Дверь рукою задержать ли?

Но слаба рука моя,
И уста дрожат от страха.
Так, воздвигнутый из праха,
Скоро прахом стану я.

18 августа 1897

* * *

Идти б дорогою свободной, —
Да лих, нельзя.
Мой путь лежит в степи холодной;
Иду, скользя.

Вокруг простор, никто не держит,
И нет оков,
И Божий гнев с небес не вержет
Своих громов.

Но светлый край далек отсюда,
И где же он?
Его приблизит только чудо
Иль вещий сон.

Он мне, как счастие, неведом:
Меня ведет
Моя судьба звериным следом
Среди болот.

20 августа 1897

* * *

Мне страшный сон приснился, —
Как будто я опять

На землю появился
И начал возрастать, —

И повторился снова
Земной ненужный строй
От детства голубого
До старости седой:

Я плакал и смеялся,
Играл и тосковал,
Бессильно порывался,
Беспомощно искал.

Мечтою облелеян,
Желал высоких дел, —
И, братьями осмеян,
Вновь проклял свой удел.

В страданиях усладу
Нашел я кое-как,
И мил больному взгляду
Стал замогильный мрак, —

И, кончив путь далекий,
Я начал умирать, —
И слышу суд жестокий:
«Восстань, живи опять!»

12 декабря 1895

* * *

О владычица смерть, я роптал на тебя,
Что ты, злая, царишь, все земное губя.

И пришла ты ко мне, и в сиянии дня
На людские пути повела ты меня.

Увидал я людей в озаренье твоем,
Омраченных тоской, и бессильем, и злом.
И я понял, что зло под дыханьем твоим
Вместе с жизнью людей исчезает, как дым.

20 октября 1897

* * *

Зачем, скажи,
В полях, возделанных прилежно,
Среди колосьев ржи,
Везде встречаем неизбежно
Ревнивые межи?
Одно и то же солнце греет
Тебя, суровая земля,
Один и тот же труд лелеет
Твои широкие поля.
Но злая зависть учредила
Во славу алчности и лжи
Неодолимые межи,
Везде, где ты, земля, взрастила
Хотя единый колос ржи.

29 сентября 1889

* * *

Ангел мечты полуночной,
После тоски и томленья дневного

В свете нездешнем явился ты мне.
Я ли постигну, порочный,
Раб вожделенья больного и злого,
Радость в наивном твоем полусне?

Ясные очи упреком
Рдеют, как майская полночь — грозою.
Жаль мне до слез непорочной мечты.
Ты не миришься с пороком.
Знаю: я жизни и счастья не стою, —
О, если б смертью повеял мне ты!

13 января 1895

* * *

В амфоре, ярко расцвеченной,
Угрюмый раб несет вино.
Неровен путь неосвещенный,
А в небесах уже темно, —
И напряженными глазами
Он зорко смотрит в полутьму,
Чтоб через край вино струями
Не пролилось на грудь ему.

Так я несу моих страданий
Давно наполненный фиал.
В нем лютый яд воспоминаний,
Таясь коварно, задремал.
Иду окольными путями
Вдали от всех, чтоб кто-нибудь
Неосторожными руками
Не пролил яда мне на грудь.

23 июля 1887

* * *

На ступени склонясь, у порога
Ты сидишь, и в руке твоей ключ:
Отомкни только двери чертога
И ты станешь богат и могуч!
Но отравлен ты злою тревогой
И виденьями дня опьянен,
И во все, что мечталось дорогой,
Безнадежно и робко влюблен.

Подойду я к пределу желаний
На заре беззаботного дня,
И жестокие дни ожиданий
Навсегда отойдут от меня.
Неужели тогда захочу я
Исполненья безумной мечте?
Или так же, безмолвно тоскуя,
Застоюсь на заветной черте?

6 июня 1896

* * *

Надо мною, как облако
Над вершиной горы,
Ты пройдешь, словно облако
Над вершиной горы.
В многоцветном сиянии,
В обаянье святом,
Ты промчишься в сиянии,
В обаянье святом.

Стану долго, безрадостный,
За тобою глядеть, —

Утомленный, безрадостный,
За тобою глядеть,
Тосковать и печалиться,
Безнадежно грустить,
О далеком печалиться,
О бесследном грустить.

28 августа 1898

* * *

Опять в лазури ясной,
Высоко над землей
Дракон ползет прекрасный,
Сверкая чешуей.

Он вечно угрожает,
Свернувшись в яркий круг,
И взором поражает
Блистающих подруг.

Один царить он хочет
В эфире голубом,
И злые стерлы точит,
И мечет зло кругом.

2 октября 1898

* * *

Я иду путем опасным,
Над немой и темной бездной,
С ожиданием напрасным
И с мечтою безполезной.

К небесам не поднимаю
Обольщенных бездной взоров, —
Я давно не понимаю
Правды царственных укоров.

Не кляну я обольщенья,
Я туда смотрю, где мглою
Покрывается паденье
Камней, сброшенных ногою.

7 января 1896

* * *

В дубраве дом сосновый
Вблизи ручья.
Хозяин в нем суровый,
Один, как я.

Хранит в тоске ревнивой
Его земля.
Лежит он, терпеливый,
Как я, дремля.

И враг, всегда лукавый,
С паденьем дня
Восходит над дубравой,
Как у меня.

7 августа 1898

* * *

Не надейся, не смущайся,
Преходящим не прельщайся,

Без печали дожидайся
Утешительного сна.

Все, чем жизнь тебя манила,
Обмануло, изменило, —
Неизбежная могила
Не обманет лишь одна.

27 сентября 1897

* * *

Тепло мне потому, что мой уютный дом
Устроил ты своим терпеньем и трудом:
Дрожа от стужи, вез ты мне из леса хворост,
Ты зерна для меня бросал вдоль тощих борозд,
А сам ты бедствовал, покорствуя судьбе.
Тепло мне потому, что холодно тебе.

25 мая 1888

* * *

Ты слышишь гром? Склонись, не смейся
Над неожиданной грозой,
И легковерно не надейся,
Что буря мчится стороной.

Уж демон вихрей мчится грозно,
Свинцовой тучей облачен,
И облака, что плыли розно,
К себе зовет зарницей он.

Он налетит, гремя громами,
Он башни гордые снесет,

Молниеносными очами
Твою лачугу он сожжет.
28 июня 1885

* * *

Солнце скупо и лениво,
Стены тускло-холодны.
Пролетают торопливо
Дни весны, как сны.

Гулки улицы столицы,
Мне чужда их суета.
Мимолетнее зарницы
Красота — мечта, —

И, вдыхая запах пыли,
Я, без думы и без грез,
Смутно помню: где-то были
Слезы вешних гроз.
20 марта 1895

* * *

Чем звонче радость, мир прелестней
И солнце в небе горячей,
Тем скорбь дружнее с тихой песней,
Тем грезы сердца холодней.

Холодный ключ порою жаркой
Из-под горы, играя, бьет,
И солнца блеск надменно-яркий
Согреть не может ясных вод.

Земли таинственная сила
На свет источник извела,
И навсегда заворожила
От обаяния тепла.

19 июля 1894

* * *

Под одеждою руки скрывая,
Как спартанский обычай велит,
И смиренно глаза опуская,
Перед старцами отрок стоит.
На минуту вопросом случайным
Задержали его старики, —
И сжимает он что-то потайным,
Но могучим движеньем руки.
Он лисицу украл у кого-то, —
И лисица грызет ему грудь,
Но у смелого только забота —
Стариков, как и всех, обмануть.
Удалось! Он добычу уносит,
Он от старцев идет, не спеша,—
И живую лисицу он бросит
Под намет своего шалаша.

Проходя перед злою толпою,
Я сурово печаль утаю,
Равнодушием внешним укрою
Ото всех я кручину мою, —
И пускай она сердце мне гложет,
И пускай ее трудно скрывать,
Но из глаз моих злая не сможет
Унизительных слез исторгать.

Я победу над ней торжествую
И уйти от людей не спешу, —
Я печаль мою злую, живую
Принесу к моему шалашу,
И под темным наметом я сброшу,
Совершив утомительный путь,
Вместе с жизнью жестокую ношу,
Истомившую гордую грудь.

6 июля 1896

* * *

Мы шли вдвоем тропою тесной,
Таинственный мой друг, —
И ни единый луч небесный,
И ни единый звук!

Дремало мертвое болото,
Камыш угрюмый спал,
И впереди чернело что-то.
И кто-то угрожал.

Мы шли болотною тропою,
И мертвенная мгла
Вокруг нас зыбкой пеленою
Дрожала и ползла.

К тебе я робко наклонился,
О спутник верный мой,
И странно лик твой омрачился
Безумною тоской.

Угрозой злою задрожали
Во мгле твои уста, —

И понял я: ты — дочь печали,
Полночная мечта.

5 июля 1895

* * *

Прильнул он к решетке железной
Лицом исхудалым и злым.
Блистающей, грозною бездной
Раскинулось небо над ним.

Струилася сырость ночная,
О берег плескалась река.
Решетку тоскливо сжимая,
Горела, дрожала рука.

Рвануться вперед невозможно,
В темнице — и ужас, и мгла.
Мечта трепетала тревожно,
Но злобы зажечь не могла.

26 июля 1889

* * *

Над безумием шумной столицы
В темном небе сияла луна,
И далеких светил вереницы
Как виденья прекрасного сна.

Но толпа проходила беспечно,
И на звезды никто не глядел,
И союз их, вещающий вечно,
Безответно и праздно горел.

4 Федор Сологуб-7

И один лишь скиталец покорный
Подымал к ним глаза от земли,
Но спасти от погибели черной
Их вещанья его не могли.

28 марта 1897

* * *

Ты вознеслась, благоухая,
Молитва скорбная моя,
К дверям таинственного рая,
К святым истокам бытия.

Как раскаленное кадило,
Моя печаль в твоих руках
Багровый след свой начертила
На безмятежных небесах.

Но за возвышенной оградой
Была святая тишина,
Ни упованьем, ни отрадой
Тебя не встретила она.

18 сентября 1898

* * *

В бездыханном тумане,
Из неведомых стран
На драконе-обмане
Налетел великан.

Принахмурились очи,
Как бездомная ночь,

Но не видно в них мочи
Победить, превозмочь.

Он громадной рукою
Громового меча
Не подымет для бою,
Не взмахнет им сплеча.

В бездыханном тумане,
Из неведомых стран
На драконе-обмане
Налетел великан.

23 июня 1888

* * *

Забыты вино и веселье,
Оставлены латы и меч, —
Один он идет в подземелье,
Лампады не хочет зажечь.

И дверь заскрипела протяжно,—
В нее не входили давно.
За дверью и тёмно и влажно,
Высоко и узко окно.

Глаза привыкают во мраке, —
И вот выступают сквозь мглу
Какие-то странные знаки
На сводах, стенах и полу.

Он долго глядит на сплетенье
Непонятых знаков и ждет,

Что взорам его просветленье
Всезрящая смерть принесет.

8 сентября 1897

* * *

Стоит он, жаждой истомленный,
Изголодавшийся, больной,
Под виноградною лозой,
В ручей по пояс погруженный,
И простирает руки он
К созревшим гроздьям виноградным, —
Но богом мстящим, беспощадным
Навек начертан их закон:
Бегут они от рук Тантала,
И выпрямляется лоза,
И свет небес, как блеск металла,
Томит молящие глаза.

И вот Тантал нагнуться хочет
К холодной, радостной струе, —
Она поет, звенит, хохочет
В недостигаемом ручье.
И чем он ниже к ней нагнется,
Тем глубже падает она, —
И пред устами остается
Песок обсохнувшеаго дна.
В песок сыпучий и хрустящий
Лицом горячим он поник, —
И, безответный и хрипящий,
Потряс пустыню дикий крик.

12 августа 1887

* * *

Громадный живот,
Искаженное злобой лицо,
Окровавленный рот,
А в носу — золотое кольцо.

Уродлив и наг,
И вся кожа на теле черна, —
Он — кудесник и враг,
И свирепость его голодна.

На широком столбе
Он сидит, глядит на меня,
И твердит о судьбе,
Золотое копье наклоня.

«Сразить не могу, —
Говорит, — не пришел еще срок.
Я тебя стерегу,
Не уйдешь от меня: я жесток.

Копье подыму,
Поражу тебя быстрым копьем,
И добычу возьму
В мой костьми изукрашенный дом».

2 октября 1898

* * *

В весенний день мальчишка злой
Пронзил ножом кору березы, —

И капли сока, точно слезы,
Текли прозрачною струей.

Но созидающая сила
Еще изникнуть не спешила
Из зеленеющих ветвей, —
Они, как прежде, колыхались
И так же нежно улыбались
Привету солнечных лучей.

21 июля 1885

* * *

Полдневный сон природы
И тих, и томен был, —
Светло грустили воды,
И темный лес грустил,

И солнце воздвигало
Блестящую печаль
И грустью обливало
Безрадостную даль.

4 июля 1895

* * *

Передрассветный сумрак долог,
И холод утренний жесток.
Заря, заря́, раскинь свой полог,
Зажги надеждами восток.

Кто не устал, кто сердцем молод,
Тому легко перенести

Передрассветный долгий холод
В истоме раннего пути.

Но кто сжимает пыльный посох
Сухою старческой рукой,
Тому какая сладость в росах,
Завороженных тишиной!

11 ноября 1894

* * *

Прощая жизни смех злорадный
И обольщенья звонких слов,
Я ухожу в долину снов,
К моей невесте беспощадной.

Она о муках говорит,
Ее чертоги — место пыток,
Ее губительный напиток
Из казней радости творит.

* * *

Стояли клены в тяжком забытьи,
        Цветы пестрели,
С травой шептались ясные ручьи,
        Струясь без цели,
Над нивой и рекой обрывки туч
        Скользя бежали,
И золотил их коймы поздний луч
        Зарей печали.

12 июля 1894

* * *

Мелькающие годы,
Томителен ваш лад.
Как поздней непогоды
Тоскующий наряд.

Протягивая руки,
С надеждою в глазах,
Несбыточной науки
Я ждал в ночных путях, —

И чар полночных сила
Несла мне свой покой
И сердце примирила
С безвыходной судьбой.

Но я, неблагодарный,
Уставши тайной жить,
С насмешкою коварной
Стал тайну поносить, —

И в мир полдневной скуки
Бежал поспешно я
От радостной науки
Ночного бытия.

И сердце взволновалось,
В огне внезапном кровь, —
Нежданная примчалась
Проказница — любовь.

Но крик ее веселый
Меня остановил,

И стан ее дебелый
Мечты мои убил.

Я робко отрекаюсь
От злых ее тревог
И быстро возвращаюсь
В полночный мой чертог.

15 августа 1897

* * *

Друг мой тихий, друг мой дальный,
        Посмотри, —
Я холодный и печальный
        Свет зари.

Я напрасно ожидаю
        Божества, —
В бледной жизни я не знаю
        Торжества.

Над землею скоро встанет
        Ясный день,
И в немую бездну канет
        Злая тень, —

И безмолвный, и печальный,
        Поутру,
Друг мой тайный, друг мой дальный,
        Я умру.

14 сентября 1898

* * *

Тень решетки прочной
Резким переплетом
На моем полу.
Свет луны полночной
Беспокойным летом
Падает во мглу.

Тучки серебристой
Вижу я движенья,
Вижу грусть луны.
Резок холод мглистый.
Страшно заточенье.
Неподвижны сны.

В голове склоненной
Созданы мечтою
Вольные пути,
Труд освобожденный,
Жизнь не за стеною...
Как же мне уйти?

Долетают звуки,
Льется воздух влажный,
Мысли, как и там, —
Я тюремной муки
Плач и вопль протяжный
Ветру передам.

22 июля 1893

* * *

Я шел безнадежной дорогой,
Когда еще день не погас.

Горел во мне думою строгой
Вечерний томительный час.

И вдруг декорацией плоской
Мне все показалось тогда, —
Заря протянулась полоской,
И блесткой блеснула звезда,

И небо завесой висело,
Помостом лежала земля, —
Но тайная сила кипела,
Кулисы порой шевеля.

Она лицемерно таилась,
И меж декораций порой,
Невидима миру, грозилась
Предвечною, дикою мглой.

10 февраля 1896

* * *

Дорогой скучно-длинною,
Безрадостно-пустынною,
Она меня вела,
Печалями изранила,
И разум отуманила,
И волю отняла.

Послушен ей, медлительной,
На путь мой утомительный
Не жалуюсь, молчу.
Найти дороги торные,
Веселые, просторные,
И сам я не хочу.

Глаза мои дремотные
В виденья мимолетные
Безумно влюблены.
Несут мои мечтания
Святые предвещания
Великой тишины.

9 марта 1896

* * *

Жаркое солнце по небу плывет.
Ночи земля утомленная ждет.

В теле — истома, в душе — пустота,
Воля почила, и дремлет мечта.

Где моя гордость, где сила моя?
К низшим склоняюсь кругам бытия.

Силе таинственной дух мой предав,
Жизнью, подобной томлению трав,

Тихо живу, и неведомо мне,
Что созревает в моей глубине.

9 октября 1897

* * *

Для чего в этот пасмурный день
Вдохновенье венчало меня?
Только смутная тень
На душе от порочного дня.

И напрасно кипит напряженно мечта, —
Этот мир и суров и нелеп:
Он — немой и таинственный склеп,
Над могилой, где скрыта навек красота.

Над могилой лампада горит, —
Но к чему мне ее вопрошающий свет,
Если каменным холодом плит
Умерщвленный кумир мой бездушно одет?

28 декабря 1894

* * *

Не понимаю, отчего
В природе мертвенной и скудной
Встает какой-то властью чудной
Единой жизни торжество.

Я вижу вечную природу
Под неизбежной властью сил, —
Но кто же в бытие вложил
И вдохновенье и свободу?

И в этот краткий срок земной,
Из вещества сложась земного,
Как мог обресть я мысль и слово
И мир создать себе живой?

Окрест меня все жизнью дышит,
В моей реке шумит волна,
И для меня в полях весна
Благоухания колышет.

Но не понять мне, отчего
В природе мертвенной и скудной
Воссоздается властью чудной
Духовной жизни торжество.

7 января 1898

* * *

Царевной мудрой Ариадной
Царевич доблестный Тезей
Спасен от смерти безотрадной
Среди запутанных путей:
К его одежде привязала
Она спасительную нить, —
Перед героем смерть стояла,
Но не могла его пленить,
И, победитель Минотавра,
Свивая нить, умел найти
Тезей к венцу из роз и лавра
Прямые, верные пути.

А я — в тиши, во тьме блуждаю,
И в лабиринте изнемог,
И уж давно не понимаю
Моих обманчивых дорог.
Все жду томительно: устанет
Судьба надежды хоронить,
Хоть перед смертью мне протянет
Путеводительную нить, —
И вновь я выйду на свободу,
Под небом ясным умереть
И, умирая, на природу
Глазами ясными смотреть.

17 марта 1896

* * *

Что дорого сердцу и мило,
Ревнивое солнце сокрыло
Блестящею ризой своей
От слабых очей.

В блаженном безмолвии ночи
К звездам ли подымутся очи, —
Отраден их трепетный свет,
Но правды в нем нет.

Сойду ли в подземные ходы.
Под мшистые, древние своды,
Является что-то и там
Пугливым очам.

Напрасно и очи закрою, —
Виденья встают предо мною,
И даже глубокие сны
Видений полны.

Явленья меня обступили,
И взор мой лучи ослепили,
Я мрака напрасно ищу
И тайно грущу.

8 ноября 1895

* * *

Больному сердцу любо
Строй жизни порицать.
Все тело хочет грубо
Мне солнце пронизать,

Луна не обратилась
В алтарную свечу,
И все навек сложилось
Не так, как я хочу.

Кто дал мне это тело,
И с ним так мало сил,
И жаждой без предела
Всю жизнь меня томил?

Кто дал мне землю, воды,
Огонь и небеса,
И не дал мне свободы,
И отнял чудеса?

На прахе охладелом
Былого бытия
Природою и телом
Томлюсь безумно я.

11 августа 1896

* * *

Кругом обставшие меня
Всегда безмолвные предметы,
Лучами тайного огня
Вы осиянны и согреты.
Безумно-радостной мечтой
Себя пред вами забавляю, —
За вашей грубой пеленой
Нездешний мир я различаю.
От места к месту я иду,
Природу строго испытую,

И сокровенного все жду,
И с тем, что явлено, враждую.
Вовек, быть может, обрести
Предвечной тайны не сумею,
Но к ней ведущие пути
Я не исследовать не смею.
Иду в пустынные места,
Где жизнь вся та же, что и прежде,
И шуму каждого листа
Внимаю в трепетной надежде.
К закату дня устав искать,
Не находя моей святыни,
Спешу в мечтаниях создать
Черты таящейся богини.
Какой-то давний, вещий сон
Припоминаю слабо, смутно:
Вот, вот маячит в сердце он —
И погасает поминутно...

Или надежды устремлять
К тебе, таинственно грядущей,
К тебе, святую благодать
Успокоения несущей?
И только ты в заветный срок,
Определив конец дорогам,
Меня поставишь на порог
Перед неведомым чертогом?

17 марта 1898

* * *

Злое земное томленье,
Злое земное житье,

Божье ли ты сновиденье
        Или ничье?

В нашем, в ином ли творенье
К истине есть ли пути,
Или в бесплодном томленье
        Надо идти?

Чьим же творящим хотеньем
Неразделимо слита
С неутомимым стремленьем
        Мира тщета?

26 декабря 1896

* * *

Полуночная жизнь расцвела,
На столе заалели цветы.
Я ль виновник твоей красоты,
Иль собою ты так весела?

В озарении бледных огней
Полуночная жизнь расцвела.
Для меня ль ты опять ожила,
Или я — только данник ночей?

Я ль тебя из темницы исторг
В озарение бледных огней?
Иль томленья томительных дней —
Только дань за недолгий восторг?

4 декабря 1898

* * *

Впечатления случайны,
        Знанье ложно,
Проникать в святые тайны
        Невозможно.

Люди, стены, мостовые,
        Колесницы, —
Все докучные да злые
        Небылицы.

С ними быть, — и лицемерить,
        И таиться, —
Но не хочет сердце верить
        И молиться.

14 сентября 1898

* * *

Я лицо укрыл бы в маске,
Нахлобучил бы колпак
И в бесстыдно-дикой пляске
Позабыл бы кое-как
Роковых сомнений стаю
И укоры без конца, —
Все, пред чем не поднимаю
Незакрытого лица.
Гулкий бубен потрясая
Высоко над головой,
Я помчался б, приседая,
Дробь ногами выбивая,

Пред хохочущей толпой,
Вкруг литого, золотого,
Недоступного тельца,
Отгоняя духа злого,
Что казнит меня сурово
Скудной краскою лица.
Что ж меня остановило?
Или это вражья сила
Сокрушила бубен мой?
Отчего я с буйным криком
И в безумии великом
Пал на камни головой?

17 декабря 1895

* * *

Поет печальный голос
Про тишину ночную,
Глядит небесный лебедь
На лилию земную.

На ней роса мерцает
От четырех озер.
В лазоревое море
Она подъемлет взор.

Поет печальный голос
О чем-то непонятном.
Пред смертью ль горний лебедь,
В пути ли невозвратном?

Она в печали нежной,
Она как снег бела,

Ее волна колышет,
Ее лелеет мгла.

22 декабря 1898

СОН

В мире нет ничего
Вожделеннее сна, —
Чары есть у него,
У него тишина,
У него на устах
Ни печаль и ни смех,
И в бездонных очах
Много тайных утех.
У него широки,
Широки два крыла,
И легки, так легки,
Как полночная мгла.
Не понять, как несет,
И куда, и на чем, —
Он крылом не взмахнет
И не двинет плечом.

16 мая 1886

* * *

Устав брести житейскою пустыней,
Но жизнь любя,
Смотри на мир, как на непрочный иней,
Не верь в себя.

Разлей отраву дерзких отрицаний
На ткань души,
И чувство тождества своих сознаний
Разбить спеши.

Не верь, что тот же самый был ты прежде,
Что и теперь,
Не доверяйся радостной надежде,
Не верь, не верь!

Живи и знай, что ты живешь мгновеньем,
Всегда иной,
Грядущим тайнам, прежним откровеньям
Равно чужой

И думы знойные о тайной цели
Всебытия
Умрут, как звон расколотой свирели
На дне ручья.

28 марта 1891

* * *

Расцветайте, расцветающие,
Увядайте, увядающие,
Догорай, объятое огнем, —
Мы спокойны, не желающие,
Лучших дней не ожидающие,
Жизнь и смерть равно встречающие
С отуманенным лицом.

25 февраля 1896

* * *

Я лесом шел. Дремали ели,
Был тощ и бледен редкий мох.
Мой друг далекий, неужели
Я слышал твой печальный вздох?

И это ты передо мною
Прошел, безмолвный нелюдим,
Завороженный тишиною
И вечным сумраком лесным?

Я посмотрел, — ты оглянулся,
Но промолчал, махнул рукой, —
Прошло мгновенье, — лес качнулся, —
И нет тебя передо мной.

Вокруг меня дремали ели,
Былъ тощ и бледен редкий мох,
Да сучья палые желтели,
Да бурелом торчал и сох.

20 декабря 1897

* * *

Не понять мне, откуда, зачем
И чего он томительно ждет.
Предо мною он грустен и нем,
        И всю ночь напролет
Он вокруг меня чем-то чертит
На полу чародейный узор,
        И куреньем каким-то дымит,
И туманит мой взор.
Опускаю глаза перед ним,

Отдаюсь чародейству и сну
И тогда различаю сквозь дым
　　Голубую страну.
Он приникнет ко мне и ведет,
И улыбка на мертвых губах, —
И блуждаю всю ночь напролет
　　На пустынных путях.
Рассказать не могу никому,
Что увижу, услышу я там, —
Может быть, я и сам не пойму,
　　Не припомню и сам.
Оттого так мучительны мне
Разговоры, и люди, и труд,
Что меня в голубой тишине
　　Волхвования ждут.

29 мая 1896

* * *

Вне миров проносился
Неразгаданный сон.
Никому не приснился
Никогда еще он.

Непреклонною волей
Он стремился вдали
От небесных раздолий
И от тесной земли.

Он бежал человека,
Бытия не желал,
Но от века до века
Все кого-то искал.

13 мая 1895

* * *

Не нашел я дороги
И в дремучем лесу
Все былые тревоги
Осторожно несу.

Все мечты успокоя,
Беспечален и нем,
Я заснувшего зоя
Не тревожу ничем.

Избавление чую,
Но путей не ищу, —
Ни о чем не тоскую,
Ни на что не ропщу.

8 июля 1896

* * *

Покоя мертвых не смущай, —
Засыпь цветами всю гробницу,
Но в равнодушную слезницу
Туманных взоров не склоняй.

Из замогильной мрачной дали
Не долетит, как ни зови,
Ответный стон ее любви
На дикий вопль твоей печали.

27 июля 1894

* * *

Быть с людьми — какое бремя!
О, зачем же надо с ними жить!
Отчего нельзя все время
Чары деять, тихо ворожить,

Погружаться в созерцанье
Облаков, и неба, и земли,
Быть как ясное молчанье
Тихих звезд, мерцающих вдали.

19 сентября 1898

* * *

Вот минута прощальная
До последнего дня...
Для того ли, печальная,
Ты любила меня?

Для того ли украдкою,
При холодной луне,
Ты походкою шаткою
Приходила ко мне?

Для того ли скиталася
Ты повсюду за мной
И ночей дожидалася
С их немой тишиной.

И опять, светлоокая,
Ты бледна и грустна,
Как луна одинокая,
Как больная луна.

27 августа 1898

* * *

Словами горькими надменных отрицаний
Я вызвал сатану. Он стал передо мной
Не в мрачном торжестве проклятых обаяний, —
Явился он, как дым, клубящийся, густой.

Я продолжал слова бесстрашных заклинаний, —
И в дыме отрок стал, прекрасный и нагой,
С губами яркими и полными лобзаний,
С глазами, темными призывною тоской.

Но красота его внушала отвращенье,
Как гроб раскрашенный, союзник злого тленья,
И нагота его сверкала, как позор.

Глаза полночные мне вызов злой метали,
И принял вызов я, — и вот, борюсь с тех пор
С царем сомнения и пламенной печали.

17 сентября 1891

* * *

Приучив себя к мечтаньям,
Неживым очарованьям
Душу слабую отдав,
Жизнью занят я минутно,
Равнодушно и попутно,
Как вдыхают запах трав,
Шелестящих под ногами
В полуночной тишине,
Отвечающей луне
Утомительными снами
И тревожными мечтами.
7 декабря 1895

* * *

Приподняла ты темный полог
И умертвила милый сон, —
Но свет очей моих не долог,
И днем я скоро утомлен.

И ты зовешь меня напрасно
То к наслажденью, то к труду, —
Внимая зову безучастно,
Я за тобою не иду.

Напрасно в разные личины
Ты облекаешь прелесть дня, —
Твои восторги и кручины
Непостижимы для меня.

Воскреснет скоро сон-спаситель
И, разлучив меня с тобой,
Возьмет меня в свою обитель,
Где тьма, забвенье и покой.

15 ноября 1898

* * *

Скучная лампа моя зажжена,
Снова глаза мои мучит она.

Господи, если я раб,
Если я беден и слаб,

Если мне вечно за этим столом
Скучным и скудным томиться трудом,

Дай мне в одну только ночь
Слабость мою превозмочь

И в совершенном созданье одном
Чистым навеки зажечься огнем.

26 августа 1898

* * *

Холод повеял в окно, —
И затворилось оно.

Снова один я, и в мире живом,
И не обманут промчавшимся сном.

Снова я грустен и нем.
Где же мой кроткий эдем?

Пестрым узором напрасно дразня,
Темные стены глядят на меня.

Скучная лампа горит.
Скучная книга лежит.

22 августа 1898

* * *

Там тишина с мечтой сплеталась
В кругу безветренных берез,
И безнадежность улыбалась
Толпе больных и жалких грез.

Хотело сердце лицемерить,
И очи — слезы проливать,
И как-то странно было верить,
И как-то страшно было ждать.

И все томительно молчало, —
Уже природа не жила,
И не стремилась, не дышала,
И не могла, и не была.

9 сентября 1898

* * *

Этот зыбкий туман над рекой
В одинокую ночь, при луне, —
Ненавистен он мне, и желанен он мне
Тишиною своей и тоской.

Я забыл про дневную красу,
И во мглу я тихонько вхожу,
Еле видимый след напряженно слежу
И печали мои одиноко несу.

14 мая 1895

* * *

Отрок сидит у потока.
Ноги целует волна.
Сказки о скрытом глубоко
Тихо лепечет она.

«Что же томиться тревогой,
Вздохи стесняя в груди!

Тихой подводной дорогой
Смело отсюда уйди.

Эти отребья пусть канут
В омут глубокий на дне.
Дивные дива предстанут
Перед тобой в глубине.

На землю там непохоже,
И далеко от небес.
Людям изведать негоже
Тайну подводных чудес.

Наши подводные чуда
Правда, не трудно узнать,
Но уж вернуться оттуда
Ты не захочешь опять.

Все усмиривши тревоги,
Все успокоив мечты,
С тихой и тайной дороги
Век не воротишься ты».

26 сентября 1898

* * *

В истоме тихого заката
Грустило жаркое светило.
Под кровлей ветхой гнулась хата
И тенью сад полуприкрыла.
Березы в нем угомонились
И неподвижно пламенели.

То в тень, то в свет переносились
Со скрипом зыбкие качели.

Печали ветхой злою тенью
Моя душа полуодета,
И то стремится жадно к тленью,
То ищет радостей и света.
И покоряясь вдохновенно
Моей судьбы предначертаньям,
Переношусь попеременно
От безнадежности к желаньям.

9 июля 1894

* * *

Еще томительно горя,
Не умер тихий день.
Еще усталая заря
Не вовсе погрузилась в тень, —

Но чуть заметный серп луны
Уже над миром занесен,
Уже дыханьем тишины
Простор полей заворожен.

И есть предчувствие во всем
Святых и радостных чудес, —
В дали долин, в тиши небес
И в сердце трепетном моем;

И как далекий, тихий звон —
Дыханье вещей тишины;
И одинокий серп луны
Уже над миром занесен.

8 октября 1898

* * *

Я душой умирающей
Жизни рад и не рад,
И от бури взывающей
Не ищу я оград.

Я беспечной улыбкою
Отвечаю грозе,
И покорностью зыбкою
Я подобен лозе.

Верю сказке божественной,
Вижу дивные сны.
Что мне радость торжественной
Нерастленной весны!

Что мне звезды небесные,
Их торжественный строй!
Что мне торжища тесные
И телец золотой!

Горько пахнет известкою
В переулке моем.
Я дорогою жесткою
Пробираюсь в мой дом.

Там дыхание ладана
Все мерещится мне.
Там святыня угадана
В неземной тишине.

Бесконечность страдания
В тех стенах вмещена,

И тоска умирания,
Как блаженство, ясна.

29 марта 1895

* * *

Он шел путем зеленым
В неведомую даль.
За ним, с протяжным стоном,
Влеклась его печаль,
Цеплялась за одежду,
Хотела удержать,
Последнюю надежду
Старалась отогнать.

Но тихие лампады
Архангелы зажгли,
Суля ему отрады
В неведомой дали, —
И нежное дыханье
В безрадостную тьму
Блаженное мечтанье
Навеяло ему.

24 сентября 1898

* * *

Ночь настанет, и опять
Ты придешь ко мне тайком,
Чтоб со мною помечтать
О нездешнем, о святом.

И опять я буду знать,
Что со мной ты, потому,
Что ты станешь колыхать
Предо мною свет и тьму.

Буду спать или не спать,
Буду помнить или нет, —
Станет радостно сиять
Для меня нездешний свет.

1 сентября 1898

* * *

Проходил я мимо сада.
Высока была ограда,
И затворены ворота.
Вдруг калитка предо мной
Отворилась и закрылась, —
На мгновенье мне явилось,
Там, в саду зеленом, что-то,
Словно призрак неземной.

Вновь один я возле сада,
Высока его ограда,
Перед ней, за ней молчанье, —
Пыль и камни предо мной.
Я иду и верю чуду,
И со мной идет повсюду
Бездыханное мечтанье,
Словно призрак неземной.

28 апреля 1896

* * *

Есть тайна несказанная,
Но где, найду ли я?
Блуждает песня странная,
Безумная моя.

Дорогой незнакомою,
Среди немых болот
С медлительной истомою
Она меня ведет.

Мгновения бесследные
Над ней летят в тиши,
И спят купавы бледные,
И дремлют камыши.

Коса ее запутана,
В ней жесткая трава,
И, дикой мглой окутана,
Поникла голова.

Дорогой потаенною
Среди немых болот,
Где ирис, влагой сонною
Напоенный, цветет,

Блуждает песня странная,
Безумная моя.
Есть тайна несказанная,
Ее найду ли я?

21 марта 1895

* * *

Мечтатель, странный миру,
Всегда для всех чужой,
Царящему кумиру
Не служит он хвалой.

Кому-то дымный ладан
Он жжет, угрюм и строг,
Но миром не разгадан
Его суровый бог.

Он тайною завесил
Страстей своих игру,
Порой у гроба весел
И мрачен на пиру.

Сиянье на вершине,
Садов цветущих ряд
В прославленной долине
Его не веселят.

Поляну он находит,
Лишенную красы,
И там в мечтах проводит
Безмолвные часы.

19 июля 1894

* * *

Круг начертан, и Сивилла
Предстоящим духам тьмы

Заклинанья совершила,
И теперь всесильны мы.

Нам послушны силы злые,
Близки мы и к небесам, —
Только б низменно-земные
Не подкрались чувства к нам,

Только б, волю дав мечтаньям
И земную красоту
Подарив своим желаньям,
Вдруг, назло моим гаданьям,
Не шагнуть мне за черту.

11 декабря 1895

* * *

Темницы жизни покидая,
Душа возносится твоя
К дверям мечтательного рая,
В недостижимые края.
Встречают вечные виденья
Ее стремительный полет,
И ясный холод вдохновенья
Из грез кристаллы создает.

Когда ж, на землю возвращаясь,
Непостижимое тая,
Она проснется, погружаясь
В туманный воздух бытия, —
Небесный луч воспоминаний
Внезапно вспыхивает в ней

И злобный мрак людских страданий
Прорежет молнией своей.

3 февраля 1893

* * *

Гляжу на нивы, на деревья,
На реки, долы, стены круч
И на воздушные кочевья
Свинцовых и жемчужных туч, —

И терпеливою душою
Стремлюсь постичь их тайну я;
За их завесою цветною
Родные снятся мне края.

8 июля 1893

* * *

Надо мной голубая печаль,
И глядит она в страхе высоком
Полуночным таинственным оком
На земную туманную даль.

Бездыханно-холодные травы
Околдованы тихой луной,
И смущен я моей тишиной,
Но стези мои тайные правы.

Не об этом ли шепчут ручьи,
Что в моих неподвижных туманах

Беспорочно в томительных странах
Пронесу помышленья мои?

8 декабря 1896

* * *

К толпе непонятной и зыбкой
Приветливо взоры склоня,
С балкона случайной улыбкой
Порадовал кто-то меня.

Заметил я смуглую щеку,
Волос распустившихся прядь, —
И шумному, злому потоку
Толпы отдаюсь я опять,

И в грохот и ропот столицы
Несу неожиданный свет.
Мечте исполнения нет,
Но радость моя без границы.

14 апреля 1896

* * *

Над усталою пустыней
Развернулся полог синий,
В небо вышел месяц ясный,
Нетревожный и нестрастный,
Низошла к земле прохлада,
И повеяла отрада.
В мой шатер, в объятья сна,
Тишина низведена.

С внешней жизнью я прощаюсь
И в забвенье погружаюсь.
Предо мною мир нездешний,
Где ликует друг мой вешний,
Где безгрешное светило,
Не склоняясь, озарило
Тот нетленный, юный сад,
Где хвалы его звучат.

26 ноября 1898

* * *

В тишине бездыханной ночной
Ты стоишь у меня за спиной,
Я не слышу движений твоих,
Как могила, ты темен и тих.
Оглянуться не смею назад,
И на мне твой томительный взгляд,
И, как ночь раскрывает цветы,
Что цветут для одной темноты,
Так и ты раскрываешь во мне
Все, что чутко живет в тишине, —
И вошел я в обитель твою,
И в кругу чародейном стою.

28 мая 1896

* * *

Если б я был к счастью приневолен,
Если б я был негой опьянен,

Был бы я, как цвет тепличный, болен
И страстьми безумными спален.

Но легко мне: я живу печален,
Я суровой скорби в жертву дан.
Никаким желаньем не ужален,
Ни в какой не вдамся я обман.

И до дня, когда безмолвной тенью
Буду я навеки осенен,
Жизнь моя, всемирному томленью
Ты подобна, легкая, как сон.

2 августа 1898

* * *

За мельканьем волшебных узоров
Я слежу в заколдованной мгле,
И моих очарованных взоров
Не прельщает ничто на земле.

Обаянья мои как вериги,
Я страданий моих не боюсь.
Мудрецам, изучающим книги,
Я безумцем порочным кажусь.

Но моя недоступна ограда,
Стережет меня крепко печаль.
И в печали, и в тайне — отрада,
И надежд простодушных не жаль.

20 февраля 1897

* * *

Снова сердце жаждет воли
Ненавидеть и любить,
Изнывать от горькой боли,
Преходящей жизнью жить,

Созидать себе обманы, —
Ряд земных туманных снов,
Незалеченные раны
Прятать в россыпи цветов, —

И, томясь тоской щемящей
И желаньями полно,
Смерти, тайно предстоящей,
Устрашается оно.

17 октября 1891

* * *

Тихо сумрак набегает,
Звучно маятник стучит,
Кто-то ясный к нам слетает,
О нездешнем говорит.

Там, снаружи, беспокойно:
Зажигаются огни,
И шумливо, и нестройно
Бродят призраки одни.

Милых образов не видно,
Все туманно впереди,

И глядеть туда обидно, —
От окошка отойди,

Посиди со мною рядом.
Слышишь, — маятник стучит,
Кто-то кроткий, с ясным взглядом,
О нездешнем говорит.

7 августа 1890

* * *

Прикасаясь холодной рукой
Осторожно к плечу моему,
Ты стоишь у меня за спиной
И зовешь меня кротко во тьму,
Прикасаясь к плечу моему
Повелительно-нежной рукой.

Но не смею я встать и сказать,
Что с тобою готов я идти —
Безмятежное счастье искать
На последнем, на тайном пути, —
Я хочу за тобою идти,
Но не смею об этом сказать.

И к чему! Не исполнился срок,
Не настал заповеданный час,
Да и мой не окончен урок,
И огонь предо мной не погас, —
Не настал заповеданный час,
И земной не исполнился срок.

1 мая 1897

* * *

Грустная светит луна,
Плещется тихо волна,
И над рекою туман.
Тяжко задумался лес.
Хочется сердцу чудес,
Грезится милый обман.

Чутко иду над рекой, —
Шатки мостки подо мной,
Вижу я мелкое дно,
Тень утонула в реке,
Город за мной вдалеке,
Возле — молчанье одно.

23 декабря 1893

* * *

В путь пора — ладья готова.
Ляг в нее и почивай.
В ней от берега чужого
Уплывешь в родимый край.

Не заботься о дороге,
Верь, — прочна твоя ладья.
Ты проснешься на пороге
Неземного бытия.

7 октября 1898

* * *

Мимолетной лаской мая
Наслаждайтесь, — расцветая,

Увядая, умирая, —
Дней тоской не отравляя,
Все вокруг себя любя,
Забывая про себя.

Птичьим звучным щебетаньем,
Молодым благоуханьем,
И полуденным сияньем,
И полуночным молчаньем
Наслаждайтесь, — краток срок.
Вечный отдых не далек.

23 мая 1896

* * *

Мечтою, небом и землей,
Восходом, полднем и закатом,
Огнем, грозой, и тишиной,
И вешним сладким ароматом,

И промечтаю до конца,
И, мирно улыбаясь жизни,
Уйду к неведомой отчизне,
В чертоги вечного Отца.

3 августа 1896

* * *

Слабеют яростные стрелы
        Земных страстей.
Сомкни глаза. Близки пределы
        Твоих путей.

Не обману тебя, больного,
Утешься, верь, —
Из заточения земного
Открою дверь.

В твоей таинственной отчизне,
В краю святом,
Где ты покоился до жизни
Господним сном,

Где умирают злые шумы
Земных тревог, —
Исполнив творческие думы,
Почиет Бог.

И ты взойдешь, как дым кадильный,
В Его покой,
Оставив тлеть в земле могильной
Твой прах земной.

25 марта 1898

* * *

Ты незаметно проходила,
Ты не сияла и не жгла.
Как незажженное кадило,
Благоухать ты не могла.

Твои глаза не выражали
Ни вдохновенья, ни печали,
Молчали бледные уста,
И от людей ты хоронилась,
И от речей людских таилась
Твоя безгрешная мечта.

Конец пришел земным скитаньям,
На смертный путь вступила ты
И засияла предвещаньем
Иной, нездешней красоты.

Глаза восторгом загорелись,
Уста безмолвные зарделись,
Как ясный светоч, ты зажглась,
И, как восходит ладан синий,
Твоя молитва над пустыней,
Благоухая, вознеслась.

1 октября 1898

* * *

Я зажгу восковую свечу
И к Творцу моему воззову
Преклоняя главу и колени.
Бытия моего не хочу,
Жития моего не прерву,
До последней пройду все ступени.

Только воля Господня и есть,
И не я выбирал этот путь,
И куда он ведет, я не знаю, —
И спешу я молитвы прочесть,
И не смею в ночи отдохнуть,
И главу, и колени склоняю.

* * *

Что селения наши убогие,
Все пространства и все времена!

У Отца есть обители многие, —
Нам неведомы их имена.

Но, предчувствуя райские радости,
Пред которыми жизнь — только сон,
Отрекаюсь от призрачной сладости,
Отвергаю томленье времен.

Увяданье, страданье и тление, —
Мне суровый венец вы сплели.
Не свершится завет воскресения
Никогда и нигде для земли.

14 июня 1894

* * *

Имена твои не ложны,
Беспечальны, бестревожны, —
Велика их глубина.
Их немолчный, темный шепот,
Предвещательный их ропот
Как вместить мне в письмена?

Имена твержу и знаю,
Что в ином еще живу,
Бесполезно вспоминаю
И напрасно я зову.

Может быть, ты проходила,
Не жалела, но щадила,
Не желала, но звала,
Грустно взоры опускала,
Трав каких-то все искала,
Находила и рвала.

Может быть, ты устремляла
На меня тяжелый взор
И мечтать не позволяла
Про победу и позор.

Имена твои все знаю,
Ими день я начинаю
И встречаю мрак ночной,
Но сказать их вслух не смею,
И в толпе людской немею,
И смущен их тишиной.

19 марта 1896

* * *

В мерцанье звезд нисходит на меня
Иных, нездешних дум святое обаянье.
Благословляю ночь за кроткое мерцанье
Небесного огня.

Мятутся там иные поколенья,
Но воля их и жизнь их нашей не чужда,
И где-то между них горит моя звезда
Заветом возрожденья.

Все то, к чему в земной холодной мгле
Стремился долго я, стремился безнадежно,
Все светит мне теперь так радостно и нежно
На той святой земле.

Подъемлются внимательные взоры
И там, как здесь мои, к далеким небесам,
И тайну дивную вещают так же там
Бесстрастных звезд узоры.

И к тем очам нисходит мой привет,
Моей земной души чистейшее дыханье.
Благословляю ночь за кроткое мерцанье,
За безмятежный свет.

12 ноября 1897

* * *

Звезды, приветствуйте брата!
В вашей блаженной стране
Все совершится когда-то,
Что б ни пригрезилось мне.

Бездна небес не преграда, —
Все совершится опять,
Что ж из того, что мне надо
Здесь, на земле, почивать!

В вашей блаженной пустыне
Снова пригрезится мне
Все, что мне грезится ныне
В этой безумной стране.

10 апреля 1897

* * *

Что вчера пробегало во мне,
Что вчера называл я собою,
Вот оно в голубой вышине
Забелелося тучкой сквозною.

Тот порыв, что призывной тоской
В этом сердце вчера отозвался,
Это он перед близкой грозой
Над шумящею нивой промчался.

Та мечта, что в безрадостной мгле
Даровала вчера мне забвенье,
На иной и далекой земле
Снова ищет себе воплощенья.

24 апреля 1894

* * *

К долине мрачной, под огнями
Печальных и тревожных звезд,
Моими знойными мечтами
Соорудил я гордый мост,

И, что ни ночь, к его воротам
Я торопился подойти,
Душою охладев к заботам
Дневного пыльного пути.

В долине той себе кумира
Я из печали сотворил
И не искал иного мира,
Иных, блистательных светил.

6 марта 1896

* * *

Ты печально мерцала
Между ярких подруг

И одна не вступала
В их пленительный круг.

Незаметная людям,
Ты открылась лишь мне,
И встречаться мы будем
В голубой тишине,

И молчание ночи
Навсегда полюбя,
Я бессонные очи
Устремлю на тебя.

Ты без слов мне расскажешь,
Чем и как ты живешь,
И тоску мою свяжешь,
И печали сожжешь.
26 марта 1897

* * *

Звезда Маир сияет надо мною,
    Звезда Маир,
И озарен прекрасною звездою
    Далекий мир.

Земля Ойле плывет в волнах эфира,
    Земля Ойле,
И ясен свет блистающий Маира
    На той земле.

Река Лигой в стране любви и мира,
    Река Лигой,

Колеблет тихо ясный лик Маира
Своей волной.

Бряцанье лир, цветов благоуханье,
Бряцанье лир
И песни жен слились в одно дыханье,
Хваля Маир.

15 сентября 1898

* * *

На Ойле далекой и прекрасной
Вся любовь и вся душа моя.
На Ойле далекой и прекрасной
Песней сладкогласной и согласной
Славит все блаженство бытия.

Там, в сиянье ясного Маира,
Все цветет, все радостно поет.
Там, в сиянье ясного Маира,
В колыханье светлого эфира,
Мир иной таинственно живет.

Тихий берег синего Лигоя
Весь в цветах нездешней красоты.
Тихий берег синего Лигоя —
Вечный мир блаженства и покоя,
Вечный мир свершившейся мечты.

22 сентября 1898

* * *

Все, чего нам здесь недоставало,
Все, о чем тужила грешная земля,

Расцвело на вас и засияло,
О лигойские блаженные поля.

Мир земной вражда заполонила,
Бедный мир земной в унынье погружен,
Нам отрадна тихая могила
И, подобный смерти, долгий, темный сон.

Но Лигой струится и трепещет,
И благоухают чудные цветы,
И Маир безгрешный тихо блещет
Над блаженным краем вечной красоты.
23 сентября 1998

* * *

Мы скоро с тобою
Умрем на земле, —
Мы вместе с тобою
Уйдем на Ойле.

Под ясным Маиром
Узнаем мы вновь,
Под светлым Маиром,
Святую любовь.

И все, что скрывает
Ревниво наш мир,
Что солнце скрывает,
Покажет Маир.
22 сентября 1898

* * *

Мой прах истлеет понемногу,
Истлеет он в сырой земле,
А я меж звезд найду дорогу
К иной стране, к моей Ойле.

Я все земное позабуду,
И там я буду не чужой, —
Доверюсь я иному чуду,
Как обычайности земной.

22 сентября 1898

* * *

Бесстрастен свет с Маира,
Безгрешен взор у жен, —
В сиянии с Маира
Великий праздник мира
Отрадой окружен.

Далекая отрада
Близка душе моей, —
Ойле, твоя отрада —
Незримая ограда
От суетных страстей.

22 сентября 1898

* * *

Когда звенят согласные напевы
Ойлейских дев,

И в пляски медленной кружатся девы
Под свой напев, —

Преодолев несносные преграды,
И смерти рад,
Вперяю я внимательные взгляды
В их светлый град.

Отрад святых насытясь дуновеньем,
С тебя, Ойле,
Стремлюсь опять, окованный забвеньем,
К моей земле.

Во мгле земли свершаю превращенья.
Покорен я, —
И дней медлительных влачатся звенья,
О, жизнь моя!

* * *

Час ночной отраден
Для бесстрашного душой.
Воздух нежен и прохладен,
Темен мрак ночной.

Только звезд узоры,
Да вдали кой-где огни
Различают смутно взоры.
Грусть моя, усни!

Вся обычность скрыта,
Тьмою смыты все черты.
Ночь — безмолвная защита
Мне от суеты.

Кто-то близко ходит,
Кто-то нежно стережет,
Чутких глаз с меня не сводит,
Но не подойдет.

16 августа 1897

* * *

Ты не заснула до утра,
Грустя, благоухая,
О непорочная сестра
Смеющегося мая!

Среди полей внимала ты
Полночному молчанью,
Полету радостной мечты
И звездному сиянью.

И ночь, склонившись над тобой,
Сквозь ясные светила,
Благословляющей росой
Окрест тебя кропила.

26 сентября 1898

* * *

В бедной хате в Назарете
Обитал ребенок-Бог.
Он однажды на рассвете,
Выйдя тихо за порог,
Забавлялся влажной глиной, —
Он кускам ее давал

Жизнь и образ голубиный
И на волю отпускал, —
И неслись они далеко,
И блаженство бытия
Возвещала от востока
Новозданная семья.

О Божественная Сила,
И ко мне сходила ты
И душе моей дарила
Окрыленные мечты, —
Утром дней благоуханных
Жизни трепетной моей
Вереницы новозданных
Назаретских голубей.
Ниспошли еще мне снова
В жизнь туманную мою
Из томления земного
Сотворенную семью.

22 февраля 1897

* * *

Заря-заряница,
Красная девица,
Мать Пресвятая Богородица!

По всей земле ходила,
Все грады посещала, —
В одно село пришла,
Все рученьки оббила,
Под окнами стучала,
Приюта не нашла, —

Заря-заряница,
Красная девица,
Мать Пресвятая Богородица!

Ее от окон гнали,
Толкали и корили,
Бранили и кляли,
И бабы ей кричали:
«Когда б мы всех кормили,
Так что б мы сберегли?»

Заря-заряница,
Красная девица,
Мать Пресвятая Богородица!

Огонь небесный жарок.
Высок, далек, да зорок
Илья, святой пророк.
Он встал, могуч и ярок,
И грозных молний сорок
Связал в один клубок.

Заря-заряница,
Красная девица,
Мать Пресвятая Богородица!

По облачной дороге,
На огненной телеге,
С зарницей на дуге,
Помчался он в тревоге, —
У коней в бурном беге
По грому на ноге.

Заря-заряница,
Красная девица,
Мать Пресвятая Богородица!

И вихри закружились,
И дубы зашатались,
И молнии зажглись,
И громы разразились, —
И люди испугались,
Молиться принялись:

Заря-заряница,
Красная девица,
Мать Пресвятая Богородица!

Напрасные рыданья,
Напрасные моленья, —
Гневлив пророк Илья.
Не будет состраданья
Для грешного селенья, —
Конец его житья!

Заря-заряница,
Красная девица,
Мать Пресвятая Богородица!

Детей людских жалея,
Сказала Пресвятая:
«Уймись, пророк Илья.
Грешат, не разумея,
Грешат, не понимая,
Но всем простила я».

Заря-заряница,
Красная девица,
Мать Пресвятая Богородица!

Перед Ильею стала,
Словами не смирила,
Да с плеч своих сняла
Святое покрывало,
И все село покрыла,
И всех людей спасла, —

Заря-заряница,
Красная девица,
Мать Пресвятая Богородица!

11 октября 1898

* * *

Путь мой трудный, путь мой длинный.
Я один в стране пустынной,
Но услады есть в пути, —
Улыбаюсь, забавляюсь,
Сам собою вдохновляюсь,
И не скучно мне идти.

Широки мои поляны,
И белы мои туманы,
И светла луна моя,
И поет мие ветер вольный
Речью буйной, безглагольной
Про блаженство бытия.

7 августа 1896

* * *

З.Н. Гиппиус

Где грустят леса дремливые,
Изнуренные морозами,
Есть долины молчаливые,
Зачарованные грозами.

Как чужда непосвященному,
В сны мирские погруженному,
Их краса необычайная,
Неслучайная и тайная!

Смотрят ивы суковатые
На пустынный берег илистый.
Вот кувшинки, сном объятые,
Над рекой немой, извилистой.

Вот березки захирелые
Над болотною равниною.
Там, вдали, стеной несмелою
Бор с раздумьем и кручиною.

Как чужда непосвященному,
В сны мирские погруженному,
Их краса необычайная,
Неслучайная и тайная!

5 января 1895

* * *

Восставил Бог меня из влажной глины,
Но от земли не отделил.

Родные мне — вершины и долины,
Как я себе, весь мир мне мил.

Когда гляжу на дальние дороги,
Мне кажется, что я на них
Все чувствую колеса, камни, ноги,
Как будто на руках моих.

Гляжу ли я на звонкие потоки, —
Мне кажется, что это мне
Земля несет живительные соки,
Свои дары моей весне.

1 августа 1896

* * *

Сияя счастьем самохвальным
Поспешно-зыбкой красоты,
По небесам моим печальным
Заря рассеяла цветы.

Повеял мирно вечер мглистый
Забвеньем низменных тревог
И тонкой дымкой серебристой
Мои долины заволок.

Все стало сбыточным и тайным, —
Краса небес и дольний сон.
Ничем обычным и случайным
Покой души не возмущен.

12 октября 1894

* * *

Какие-то светлые девы
Сегодня гостили у нас.
То не были дочери Евы, —
Таких я не видывал глаз.
Я встретил их где-то далеко
В суровом лесу и глухом.
Бежали они одиноко,
Пугливо обнявшись, вдвоем.
И было в них много печали,
Больной, сиротливой, лесной,
И ноги их быстро мелькали,
Покрытые светлой росой.
Но руки их смелой рукою
Сложил я в спасающий крест
И вывел их верной тропою
Из этих пугающих мест.
И бедные светлые девы
Всю ночь прогостили у нас, —
Я слушал лесные напевы,
И сладкий, и нежный рассказ.

5 августа 1896

* * *

Камыш качается
И шелестит,
И улыбается,
И говорит
Молвой незвонкою,

8 Федор Сологуб-7

Глухой, сухой,
С дремою тонкою
В полдневный зной.
Едва колышется
В реке волна,
И сладко дышится,
И тишина,
И кто-то радостный
Несет мне весть,
Что подвиг сладостный
И светлый есть.

На небе чистая
Моя звезда
Зажглась лучистая,
Горит всегда,
И сны чудесные
На той звезде, —
И сны небесные
Со мной везде.

12 сентября 1898

* * *

Я люблю мою темную землю,
И, в предчувствии вечной разлуки,
Не одну только радость приемлю,
Но смиренно и тяжкие муки.

Ничего не отвергну в созданье, —
И во всем есть восторг и веселье,
Есть великая трезвость в мечтанье,
И в обычности буйной — похмелье.

Преклоняюсь пред Духом Великим,
И с Отцом бытие мое слито,
И созданьем Его многоликим
От меня ли единство закрыто!

5 августа 1896

* * *

Чернеет лес по берегам.
Один сижу я в челноке,
И к неизвестным берегам
Я устремляюсь по реке.

На небе ясная луна,
А на реке туман встает.
Сияет ясная луна,
И кто-то за лесом поет.

О ночь, единственная ночь!
Успокоительная сень!
Как пережить мне эту ночь?
К чему мне свет? К чему мне день?

29 января 1898

* * *

Затаился в траве и лежу, —
И усталость мою позабыл, —
У меня ль недостаточно сил?
Я глубоко и долго гляжу.

Солнцем на небе сердце горит,
И расширилась небом душа,

И мечта моя ветром летит,
В запредельные страны спеша.

И на небе моем облака
То растают, то катятся вновь.
Позабыл, где нога, где рука,
Только в жилах торопится кровь.

2 августа 1896

* * *

Все хочет петь и славить Бога,
Заря, и ландыш, и ковыль,
И лес, и поле, и дорога,
И ветром зыблемая пыль.

Они зовут за словом слово,
И песню их из века в век
В иных созвучьях слышит снова
И повторяет человек.

8 октября 1898

* * *

Какие слабые цветы!
Их нагибая, ветер злобный
Над ними воет гимн надгробный,
Пророча гибель красоты.

Не так же ль их, как нас, гнетет
Слепой судьбы неумолимость, —
Но непреклонная решимость
В них созидает нежный плод!

14 мая 1895

* * *

По жестоким путям бытия
Я бреду, бесприютен и сир,
Но зато вся природа — моя,
Для меня наряжается мир.

Для меня в тайне вешних ночей,
Заливаясь, поют соловьи.
Как невольник, целует ручей
Запыленные ноги мои.

И светило надменное дня,
Золотые лучи до земли
Предо мною покорно склоня,
Рассыпает их в серой пыли.

17 мая 1887

* * *

Люблю мое молчанье
В лесу во тьме ночей
И тихое качанье
Задумчивых ветвей.
Люблю росу ночную
В сырых моих лугах
И влагу полевую
При утренних лучах.
Люблю зарею алой
Веселый холодок
И бледный, запоздалый
Рыбачий огонек.
Тогда успокоенье
Нисходит на меня,

И что мне все томленье
Пережитого дня!
Я всем земным простором
Блаженно замолчу
И многозвездным взором
Весь мир мой охвачу.
Закроюсь я туманом,
И волю дам мечтам,
И сказочным обманом
Раскинусь по полям.

14 августа 1896

* * *

Есть соответствия во всем, —
Не тщетно простираем руки:
В ответ на счастье и на муки
И смех и слезы мы найдем.

И если жаждем утешенья,
Бежим далеко от людей.
Среди лесов, среди полей
Покой, безмыслие, забвенье.

Ветвями ветер шелестит,
Трава травою так и пахнет.
Никто в изгнании не чахнет,
Не презирает и не мстит.

Так, доверяяся природе,
Наперекор судьбе, во всем
Мы соответствия найдем
Своей душе, своей свободе.

2 августа 1898

* * *

Постройте чертог у потока
В таинственно-тихом лесу,
Гонцов разошлите далёко,
Сберите живую красу, —
Детей беспокровных,
Голодных детей
Ведите в защиту дубровных
Широких ветвей.

Проворные детские ноги
В зеленом лесу побегут,
И в нем молодые дороги
Себе обретут.
Возделают детские руки
Эдем, для работы сплетясь, —
И зой их веселые звуки
Окличет, в кустах притаясь.

8 апреля 1897

* * *

На меня ползли туманы
Заколдованного дня,
Чародейства и обманы
Выходили на меня,
Мне безликие грозили,
Мне полуденная мгла
Из дорожной серой пыли
Вихри зыбкие вила.

Но таинственное слово
Начертал я на земле, —

Обаянья духа злого
Робко замерли во мгле.
Без меча вошел я смело
В ту заклятую страну,
Где так долго жизнь коснела
И покорствовала сну.

Вражья сила разливала
Там повсюду страх и тьму, —
Там царевна почивала, —
Сидя с прялкой в терему, —
Замерла у дивной пряхи
С нитью тонкою рука;
Ветер стих на буйном взмахе,
Ставнем двинувши слегка.

Я вошел в ее светлицу,
Победитель темных сил,
И красавицу-девицу
Поцелуем разбудил.
Очи светлые открыла,
И зарделась вдруг она,
И рукой перехватила
Легкий взмах веретена.
10 февраля 1897

* * *

Благословляю, жизнь моя,
        Твои печали.
Как струи тихого ручья,
Мои молитвы зазвучали.

Душевных ран я не таю,
Благословив мое паденье.
Как ива к тихому ручью,
К душе приникло умиленье.

4 апреля 1893

* * *

Широкие улицы прямы,
И пыльно, и мглисто в дали,
Чуть видны далекие храмы, —
О муза, ликуй и хвали!

Для камней, заборов и пыли
Напевы звенящие куй,
Забудь про печальные были, —
О муза, хвали и ликуй!

Пройдут ли, внезапны и горды,
Дерзнувшие спорить с судьбой, —
Встречай опьяневшие орды
Напевом, зовущим на бой.

27 марта 1896

* * *

Дети радостей и света,
Нет границ вам, нет завета,
Нет помех, —
Вы и в городе храните,
На асфальте, на граните
Резвый смех.

Посреди толпы болтливой
Вы с улыбкою счастливой
 Надо мной,
И за вашею оградой
В шумный мир иду с отрадой
 Неземной.

* * *

О, жизнь моя без хлеба,
Зато и без тревог!
Иду. Смеется небо,
Ликует в небе Бог.
Иду в широком поле,
В унынье темных рощ,
На всей на вольной воле,
Хоть бледен я и тощ.
Цветут, благоухают
Кругом цветы в полях,
И тучки тихо тают
На ясных небесах.
Хоть мне ничто не мило,
Все душу веселит.
Близка моя могила,
Но это не страшит.
Иду. Смеется небо,
Ликует в небе Бог.
О, жизнь моя без хлеба,
Зато и без тревог!

26 сентября 1898

* * *

Стальная решетка.
Здесь — пыль и каменья,
Там — сад и пруды,
Качается лодка,
Доносится пенье,
Алеют плоды.

По жесткой дороге
Толпой богомольцы
Куда-то спешат.
В болтливой тревоге
Звенят колокольцы,
Колеса гремят.

В гамаке плетеном,
То вправо, то влево,
Крылом ветерка,
В приюте зеленом
Заснувшая дева
Качнется слегка.

9 апреля 1890

* * *

Я любуюсь людской красотою,
Но не знаю, что стало бы с ней,
Вдохновенной и нежной такою
Без дыхания жизни моей.

Обращаю к природе я взоры
И склоняю внимательный слух, —
Только мой вопрошающий дух
Оживляет немые просторы, —

И, всемирною жизнью дыша,
Я не знаю конца и предела:
Для природы моей я — душа,
И она мне — послушное тело.

5 августа 1896

* * *

Ты ко мне приходила не раз
То в вечерний, то в утренний час
И всегда утешала меня.
Ты мою отгоняла печаль
И вела меня в ясную даль,
Тишиной и мечтой осеня.

И мы шли по широким полям,
И цветы улыбалися нам,
И смеясь, лепетала волна,
Что вокруг нас — потерянный рай,
Что я светлый и радостный май,
И что ты — молодая весна.

14 декабря 1897

* * *

Ты ничего не говорила, —
Но уж и то мне был укор.
К смиренным травам ты склонила
Твое лицо и кроткий взор,

И от меня ушла неспешно,
Вдыхая слабый запах трав.
Твоя печаль была безгрешна,
И тихий путь твой не лукав.
8 октября 1898

* * *

Засмеешься ли ты, мне не весело,
Но печаль моя станет светла,
Словно бурное море завесила
Серебристая, легкая мгла.

На меня ль поглядишь, мне не радостно,
Но печаль моя станет светла,
Словно к сердцу болящему сладостно
Благодать от небес низошла.
4 марта 1897

* * *

Я напрасно хочу не любить, —
И, природе покорствуя страстной,
Не могу не любить,
Не томиться мечтою напрасной.

Чуть могу любоваться тобой,
И сказать тебе слова не смею,
Но расстаться с тобой
Не хочу, не могу, не умею.

А настанут жестокие дни,
Ты уйдешь от меня без возврата.

О, зачем же вы, дни!
За утратой иная утрата.
16 сентября 1898

* * *

Под звучными волнами
Полночной темноты
Далекими огнями
Колеблются мечты.
Мне снится, будто снова
Цветет любовь моя,
И счастия земного
Как прежде жажду я.
Но песней не бужу я
Красавицу мою,
И жажду поцелуя
Томительно таю.

Обвеянный прохладой
В немом ее саду
За низкою оградой
Тихохонько иду.
Глухих ищу тропинок,
Где травы проросли, —
Чтоб жалобы песчинок
До милой не дошли.
Движенья замедляю
И песни не пою,
Но сердцем призываю
Желанную мою.

И, сердцем сердце чуя,
Она выходит в сад.
Глаза ее тоскуя
Во тьму мою глядят.
В ночи ее бессонной
Внезапные мечты, —
В косе незаплетенной
Запутались цветы.
Мне снится: перед нею
Безмолвно я стою,
Обнять ее не смею,
Таю любовь мою.

23 августа 1897

* * *

Для чего говорить! Холодны
И лукавы слова,
Как обломки седой старины,
Как людская молва.

Для чего называть? Мы одни, —
Только зорями щек,
Только молнией глаз намекни, —
И пойму я намек.

И во мне, точно в небе звезда,
Затрепещет опять,
Но того, что зажжется тогда,
Не сумею назвать.

4 июля 1896

* * *

Оболью горячей кровью,
Обовью моей любовью
Лилию мою.
В злом краю ночной порою
Утаю тебя, укрою
Бледную мою.

Ты моя, и отнимая
У ручья любимца мая,
Лилия моя,
Я пою в ночах зимовья
Соловьем у изголовья,
Бледная моя.

13 декабря 1894

* * *

Близ одинокой избушки
Молча глядим в небеса.
Глупые стонут лягушки,
Мочит нам платье роса.

Все отсырели дороги, —
Ты не боишься ничуть
И загорелые ноги
Так и не хочешь обуть.

Сердце торопится биться, —
Твой ожидающий взгляд
Рад бы ко мне обратиться,
Я ожиданию рад.

11 апреля 1897

ВОСХОЖДЕНИЯ

ОТ АВТОРА

В душе лирического поэта живут две родственные силы, устремляющие его к достижениям, которые только для неглубокого понимания кажутся противоположными. Одна из этих сил побуждает его открыть свою душу с наибольшею искренностью и выразить ее возможно отчетливее. Повинуясь этому побуждению, все строже и настойчивее испытуешь темные глубины бытия и открываешь много неожиданного; явственны становятся черты, совершенно не сходные с чертами той маски, которую каждый из нас носит для света. Словно проник в забытые, замкнутые заржавелыми замками подвалы старого замка и перебираешь древние вещи, оставленные давно отшедшими от нас предками. Все глубже, глубже, — в тишине и мраке звучат таинственные голоса, сливаясь в один предвещательный гул. В последней тьме, за которою Единая таится Воля, различаешь мерцание, исходящее от неведомого Лика.

Обозрев многие свои забытые маски, душа лирического поэта сознает свою многосложность и родство свое с множеством. Тогда отдается она другой своей Силе, устремляется к сочувствиям и перевоплощениям и жаждет без конца расширять бытие. Рожденная не в первый раз, она легко сочувствует, радуется и печалится со многими и охотно облекается в многообразные личины. Голоса толпы и множеств сливаются для нее в стройные хоры, и в сиянии широких светов, за которыми Единая таится Воля, возникает перед нею снова таинственнный свет, от неведомого исходящий Лика.

Свершив свой круг, пламенеет, умирает и из пепла возникает опять.

Еще два слова о внешнем, о временах. В этой книге собраны некоторые из стихотворений, написанных в 1899—1906 годах, и те из написанных раньше, которые к ним подходят по настроениям.

Март 1910 г

* * *

Суровый звук моих стихов —
Печальный отзвук дальней речи.
Не ты ль мои склоняешь плечи,
О вдохновенье горьких слов?

Во мгле почиет день туманный,
Воздвигся мир вокруг стеной,
И нет пути передо мной
К стране, вотще обетованной,

И только звук, неясный звук
Порой доносится оттуда,
Но в долгом ожиданье чуда
Забыть ли горечь долгих мук!

6 января 1899

ПЛЕНЕННЫЕ ЗВЕРИ

Мы — плененные звери,
Голосим, как умеем.
Глухо заперты двери,
Мы открыть их не смеем.

Если сердце преданиям верно,
Утешаяся лаем, мы лаем.
Что в зверинце зловонно и скверно,
Мы забыли давно, мы не знаем.

К повторениям сердце привычно, —
Однозвучно и скучно кукуем.
Все в зверинце безлично, обычно.
Мы о воле давно не тоскуем.

Мы — плененные звери,
Голосим, как умеем.
Глухо заперты двери,
Мы открыть их не смеем.

ЦАРИЦА КРАСОТЫ

В недосягаемом чертоге
Жила царица красоты,
И с нею были только боги
И легкокрылые мечты.

Озарена святым блаженством,
И безмятежна, и ясна,
Невозмутимым совершенством
Сияла радостно она.

Легко сотканные одежды
Едва касались нежных плеч,
Отрадным веяньем надежды
Приветная звучала речь.

И только легкие мечтанья
К ней возносились от земли,
А люди, бренные созданья,
Ее достигнуть не могли.

Катилось кроткое светило
Над тихим плеском горных рек,
Дневное ж солнце не всходило
Над миром радостным вовек.

Но злой Дракон, кующий стрелы,
Свою и здесь насытил злость.
Однажды в дивные пределы
Вступил нежданный, странный гость.

Смотрел он дико и сурово,
Одежда вся была в пыли.
Он произнес земное слово,
Повеял запахом земли,

И пред царицею смущенной,
Охвачен вихрем злых тревог,
Мольбами страсти исступленной
Он огласил ее чертог.

Смутились радостные боги,
Померкли светлые мечты,
Все стало призрачно в чертоге
Царицы дивной красоты, —

И в тяжкой муке отвращенья
Вкусила смерть Царица грез, —
И змей в безумстве злого мщенья
Свой лик пылающий вознес.

3 марта 1904

ЕЛИСАВЕТА

Елисавета, Елисавета,
  Приди ко мне!
Я умираю, Елисавета,
  Я весь в огне.
Но нет ответа, мне нет ответа
  На страстный зов.
В стране далекой Елисавета,
  В стране отцов.

Ее могила, ее могила
  В краю ином.
Она скончалась. Ее могила —
  Ревнивый дом.
Победа смерти не победила
  Любви моей.
Сильна могила, ее могила, —
  Любовь сильней.

Елисавета, Елисавета,
  Приди ко мне!
Я умираю, Елисавета,
  Я весь в огне.
Слова завета, слова завета
  Не нам забыть.
С тобою вместе, Елисавета,
  Нам надо быть.

Расторгнуть бремя, расторгнуть бремя
  Пора пришла.
Земное злое растает бремя,
  Как сон, как мгла.
Земное бремя, — пространство, время, —

Мгновенный дым.
Земное, злое расторгнем бремя
И победим!

Елисавета, Елисавета,
Приди ко мне.
Я умираю, Елисавета,
Я весь в огне.
Тебя я встречу в блистанье света,
Любовь моя.
Мы будем вместе, Елисавета,
И ты, и я.

21 июня 1902

ОКНО НОЧНОЕ

Весь дом покоен; и лишь одно
Окно ночное озарено.

То не лампадный отрадный свет:
Там нет отрады и сна там нет.

Больной, быть может, проснулся вдруг,
И снова гложет его недуг.

Или разлуке обречена,
В жестоких муках не спит жена.

Иль, смерть по воле готов призвать,
Бедняк бездольный не смеет спать.

Над милым прахом, быть может, мать
В тоске и страхе пришла рыдать.

Иль скорбь иная зажгла огни.
О, злая, злая! к чему они?
3 августа 1898

* * *

Струясь вдоль нивы, мертвая вода
Звала меня к последнему забытью.
Я пас тогда ослиные стада,
И похвалялся их тяжелой прытью.

Порой я сам, вскочивши на осла,
Трусил рысцой, не обгоняя стада,
И робко ждал, чтоб ночь моя сошла,
И на поля повеяла прохлада.

Сырой песок покорно был готов
Отпечатлеть ослиные копыта,
И мертвый ключ у плоских берегов
Журчал о том, что вечной мглой закрыто.
31 мая 1906

* * *

Затхлый запах старых книг
Оживил в душе былое,
В злой тоске пережитое,
В тихом звяканье вериг,

Дни, когда смиренный инок,
В келье тесной, близ икон,
Я молился, окружен
Тучей пляшущих пылинок,

И славянскую печать, —
Прихотливые узоры, —
Отуманенные взоры
Ухищрялись разбирать.
5 октября 1898

СОН

Печальный отрок с черными глазами
Передо мной стоял и говорил:
«Взгляните, этими руками
Я человека задушил.

Он захрипел, и что-то вдруг сломалось
Там, в горле у него, — и он упал.
То не вина иль злая шалость
Была, — я маму защищал.

С кинжалом влез в открытое окошко
Он ночью, маму он зарезать мог, —
Но я подкрался, точно кошка,
И мигом сбил злодея с ног».

Он говорил и весь горел тоскою.
В его душе гнездился темный страх.
Сверкало близкою грозою
Безумство у него в глазах.
29 августа 1897

ДОКУКА-ВОРОГ

На нем изношенный кафтан
И шапка колпаком,

Но весь он зыбкий, как туман,
И нет лица на нем.

Не слышно голоса его,
Не видно рук и ног,
И он ступить ни у кого
Не смеет на порог.

Не подойдет и не пройдет
Открыто впереди, —
Он за углом в потемках ждет,
Бежит он позади.

Его никак не отогнать,
Ни словом, ни рукой.
Он будет прыгать да плясать
Беззвучно за спиной.

21 декабря 1897

ЛАНДЫШ ПЛЕНИТЕЛЬНЫЙ

Ты дорогой шла пустынной,
Где в лесу синела мгла.
Ландыш белый и невинный
Ты зачем-то сорвала.

И зачем его сжимала
И над ним дышала ты,
Я не понял, — разве мало
Созерцанья красоты?

Или в грудь свежее льется
Воздух, сквозь цветы струясь?

Иль мечтою создается
С зельем родственная связь?

Нет, другое что-то было
Для тебя в цветке твоем
И тебя к нему манило
Что-то сладостное в нем.

И в забвении суровом
Я не знал, чем ландыш мил,
И каким соблазном новым
Он мечты твои пленил.
6 декабря 1902

ВОЛШЕБНИЦА ЛИЛИТ

Я был один в моем раю,
И кто-то звал меня Адамом.
Цветы хвалили плоть мою
Первоначальным фимиамом.

И первозданное зверье,
Теснясь вокруг меня, на тело
Еще невинное мое
С любовью дикою глядело.

У ног моих журчал ручей,
Спеша лобзать стопы нагие,
И отражения очей
Мне улыбалися, благие.

Когда ступени горных плит
Роса вечерняя кропила,

Ко мне волшебница Лилит
Стезей лазурной приходила.

И вся она была легка,
Как тихий сон, — как сон безгрешна,
И речь ее была сладка,
Как нежный смех, — как смех утешна.

И не желать бы мне иной!
Но я под сенью злого древа
Заснул... проснулся, — предо мной
Стояла и смеялась Ева...

Когда померк лазурный день,
Когда заря к морям склонилась,
Моя Лилит прошла как тень,
Прошла, ушла, — навеки скрылась.
28 декабря 1905

ЗЛАЯ ВЕДЬМА

Злая ведьма чашу яда
Подает, — и шепчет мне:
«Есть великая отрада
В затаенном там огне.

Если ты боишься боли,
Чашу дивную разлей, —
Не боишься? так по воле
Пей ее или не пей.

Будут боли, вопли, корчи,
Но не бойся, не умрешь,

Не оставит даже порчи
Изнурительная дрожь.

Встанешь с пола худ и зелен
Под конец другого дня.
В путь пойдешь, который велен
Духом скрытого огня.

Кое-что умрет, конечно,
У тебя внутри, — так что ж?
Что имеешь, ты навечно
Все равно не сбережешь.

Но зато, смертельным ядом
Весь пропитан, будешь ты
Поражать змеиным взглядом
Неразумные цветы,

Будешь мертвыми устами
Ты метать потоки стрел
И широкими путями
Умертвлять ничтожность дел».

Так смеясь над чашей яда,
Злая ведьма шепчет мне,
Что бессмертная отрада
Есть в отравленном огне.
3 февраля 1906

СОБАКА СЕДОГО КОРОЛЯ

Когда я был собакой
Седого короля,

Ко мне ласкался всякий,
Мой верный нрав хваля.

Но важные вельможи
Противно пахли так,
Как будто клочья кожи,
Негодной для собак.

И дамы пахли кисло,
Терзая чуткий нос,
Как будто бы повисла
С их плеч гирлянда роз.

Я часто скалил зубы,
Ворча на этих шлюх:
И мы, собаки, грубы,
Когда страдает нюх.

Кому служил я верно,
То был один король.
Он пахнул тоже скверно,
Но был началом воль.

Я с ним и ночью влажной,
И в пыльном шуме дня.
Он часто с лаской важной
Похваливал меня.

И только паж румяный,
Веселый мальчуган,
Твердил, что я — поганый
Ворчун и грубиян.

Но, мальчику прощая,
Я был с ним очень прост,

И часто он, играя,
Хватал меня за хвост.

На всех рыча мятежно,
Пред ним смирял я злость:
Он пахнул очень нежно,
Как с мозгом жирным кость.

Людьми нередко руган,
Он все со мной шалил,
И раз весьма испуган
Мальчишкою я был.

Опасную игрушку
Придумал навязать
Он мне на хвост: гремушку,
Способную пылать.

Дремал я у престола,
Где восседал король,
И вдруг воспрянул с пола,
В хвосте почуяв боль.

Хвостом косматым пламя
Восставил я, дрожа,
Как огненное знамя
Большого мятежа.

Я громко выл и лаял,
Носясь быстрей коня.
Совсем меня измаял
Злой треск и блеск огня.

Придворные нашлися, —
Гремушка вмиг снята,

И дамы занялися
Лечением хвоста.

Король смеялся очень
На эту дурь и блажь,
А все-таки пощечин
Дождался милый паж.

Прибили так, без гнева,
И плакал он шутя, —
Притом же королева
Была совсем дитя.

Давно все это было,
И минуло давно.
Что пахло, что дразнило,
Давно погребено.

Удел безмерно грустный
Собакам бедным дан, —
И запах самый вкусный
Исчезнет, как обман.

Ну вот живу я паки,
Но тошен белый свет:
Во мне душа собаки,
Чутья же вовсе нет.

* * *

Высока луна Господня.
Тяжко мне.
Истомилась я сегодня
В тишине.

10 Федор Сологуб-7

Ни одна вокруг не лает
Из подруг.
Скучно, страшно замирает
Все вокруг.

В ясных улицах так пусто,
Так мертво.
Не слыхать шагов, ни хруста,
Ничего.

Землю нюхая в тревоге,
Жду я бед.
Слабо пахнет по дороге
Чей-то след.

Никого нигде не будит
Быстрый шаг.
Жданный путник, кто ж он будет, —
Друг иль враг?

Под холодною луною
Я одна.
Нет, невмочь мне, — я завою
У окна.

Высока луна Господня,
Высока.
Грусть томит меня сегодня
И тоска.

Просыпайтесь, нарушайте
Тишину.
Сестры, сестры! войте, лайте
На луну!

* * *

В тихий вечер на распутье двух дорог
Я колдунью молодую подстерег,
И во имя всех проклятых вражьих сил
У колдуньи талисмана я просил.
Предо мной она стояла чуть жива,
И шептала чародейные слова,
И искала талисмана в тихой мгле,
И нашла багряный камень на земле,
И сказала: «Этот камень ты возьмешь, —
С ним не бойся, — не захочешь, не умрешь.
Этот камень все на шее ты носи
И другого талисмана не проси.
Не для счастья, иль удачи, иль венца, —
Только жить, все жить ты будешь без конца.
Станет скучно, — ты веревку оборвешь,
Бросишь камень, станешь волен и умрешь...»
7 июля 1902

* * *

Я сжечь ее хотел, колдунью злую.
Но у нее нашлись проклятые слова, —
Я увидал ее опять живую, —
Вся в пламени и в искрах голова.

И говорит она: «Я не сгорела, —
Восстановил огонь мою красу.
Огнем упитанное тело
Я от костра к волшебству унесу.

Перебегая, гаснет пламя в складках
Моих магических одежд.

Безумен ты! в моих загадках
Ты не найдешь своих надежд».
12 июня 1902

* * *

В лесу живет проказник неуемный,
Малютка Зой.
Насмешливый, он прячется в укромной
Глуши лесной.

На нем надет кафтанишко, плетенный
Из трав лесных,
По ветру кудри вьются, и зеленый
Колпак на них.

На молвь людей он любит откликаться
В тиши лесной,
Но им в глаза не смеет показаться
Малютка Зой.
17 мая 1893

* * *

Я уведу тебя далёко
От шумных, тесных городов,
Где в многолюдстве одиноко,
Где рабство низменных трудов.

Уйдем к долине безмятежной
На берега пустынных вод,
Когда свершится неизбежной
Звезды таинственный восход.

И там на берегу потока,
Под легкий лепет камыша,
От темной суеты далеко,
Прохладой свежею дыша,

Там, на путях очарованья
В безмолвный час поймешь и ты
Неотразимые призванья
Миры объемлющей мечты.
22 января 1904

* * *

Где безбрежный океан,
Где одни лишь плещут волны,
Где не ходят челны, —
Там есть фея Кисиман.

На волнах она лежит,
Нежась и качаясь,
Плещет, блещет, говорит, —
С нею фея Атимаис.

Атимаис, Кисиман —
Две лазоревые феи.
Их ласкает океан.
Эти феи — ворожеи.

К берегам несет волну,
Колыхаясь, забавляясь,
Ворожащая луну
Злая фея Атимаис.

Пенит гневный океан,
Кораблям ломая донья,
Злая фея Кисиман,
Ворожащая спросонья.

Злые феи, две сестры,
Притворяться не умеют.
Бойся в море злой поры,
Если об чары деют.

3 февраля 1906

* * *

Цветет веселый сад
В безмолвии ограды.
Увидеть нежный взгляд
Кусты и птицы рады.
С высокого крыльца
Походкою царицы
Несет она зарницы
Над розами лица.

Как сказка голубая,
Ушла от ярких в тень,
Рукою нагибая
Коварную сирень.
Сиреневые сказки
Понятней, чем слова.
Кружится голова,
И руки жаждут ласки.

Она идет в поля,
Шумят ее одежды.

Угретая земля
Цветет в лучах надежды,
И зелень влажных трав
Под жгучей лаской змея, —
О сладости благие
Развеянных отрав!

Идет к реке веселой,
По мягким берегам.
Развейся, зной тяжелый,
По долам, по лугам!
Истома грез и лени
В одеждах на песке,
И тихий смех в реке,
Лобзающий колени.

Но только злой дракон
На тело смотрит сонный,
А где же, где же он,
Желанный и влюбленный?
Опять идти одной,
Закутанной в одежды,
Сквозь яркие надежды
В истомный, томный зной.

27 мая 1896

* * *

Луны безгрешное сиянье,
Бесстрастный сон немых дубрав,
И в поле мглистом волхованье,
Шептанье трав.

Сошлись полночные дороги.
На перекрестке я опять, —
Но к вам ли, демоны и боги,
Хочу воззвать?

Под непорочною луною
Внимая чуткой тишине,
Все, что предстало предо мною,
Зову ко мне.

Мелькает белая рубаха,
И по траве, как снег бледна,
Дрожа от радостного страха,
Идет она.

Я не хочу ее объятий,
Я ненавижу прелесть жен,
Я властью неземных заклятий
Заворожен.

Но говорит мне ведьма: «Снова
Вещаю тайну бытия.
И нет и не было Иного, —
Но я — Твоя.

Сгорали демоны и боги,
Но я с Тобой всегда была
Там, где встречались две дороги
Добра и зла».

Упала белая рубаха,
И предо мной, обнажена,
Дрожа от страсти и от страха,
Стоит она.

24 октября 1903

* * *

Наряд зеленый не идет, —
Весенний цвет, — к моей печали.
Ареной горя и забот
Меня все те же кони мчали.

От ожиданий голубых
К моим отчаяниям белым,
От расцветаний молодых
К плодам увядшим, но не зрелым.

Бег прерывался только там,
Где все томится в свете желтом,
Где беды зреют по полям,
А счастье за надежным болтом.

Гляжу, — ристалища вдруг нет, —
Стоит чертог передо мною,
А в нем и музыка, и свет,
И люди движутся толпою.

Печаль моя в нем расцвела, —
Ей платье желтое пристало, —
Она, роскошна и светла,
Царицей в том чертоге стала.

На бале были чудеса!
В груди моей кипели силы, —
Печали яркая краса
Ласкала ласкою могилы.

Но не устал возница мой,
Еще мерцает даль за далью,

И мы опять летим домой
С моей венчанною печалью.

Опять рядиться надо ей,
На выбор всех цветов наряды.
Наряд зеленый всех больней, —
Ему все счастливы и рады...
14 июля 1902

* * *

Не надейся на силу чудесную
Призорочной черты, —
Покорила я ширь поднебесную,
Одолеешь ли ты?

Я широко раскрою объятия,
Я весь мир обниму, —
Заговоры твои и заклятия
Ни на что, ни к чему.

Укажу я зловещему ворону
Над тобою полет.
Новый месяц по левую сторону, —
Ты увидишь, — взойдет.

На пути твоем вихри полдневные
Закручу, заверчу;
Лихорадки и недуги гневные
На тебя нашепчу.

Все покрою заразою смрадною,
Что приветишь, любя,

И тоской гробовой, беспощадною
Иссушу я тебя.

И ко мне ты покорно преклонишься,
Призывая меня,
И в объятьях моих ты схоронишься
От постылого дня.
24 декабря 1898

ТИХАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Много бегал мальчик мой.
Ножки голые в пыли.
Ножки милые помой.
Моя ножки, задремли.
Я спою тебе, спою:
«Баю-баюшки-баю».

Тихо стукнул в двери сон.
Я шепнула: «Сон, войди».
Волоса его как лен,
Ручки дремлют на груди, —
И тихонько я пою:
«Баю-баюшки-баю».

«Сон, ты где был?» — «За горой».
— «Что ты видел?» — «Лунный свет».
— «С кем ты был?» — «С моей сестрой».
— «А сестра пришла к нам?» — «Нет».
Я тихонечко пою: «Баю-баюшки-баю».

Дремлет бледная луна.
Тихо в поле и в саду.

Кто-то ходит у окна,
Кто-то шепчет: «Я приду».
Я тихохонько пою:
«Баю-баюшки-баю».

Кто-то шепчет у окна,
Точно ветки шелестят:
«Тяжело мне. Я больна.
Помоги мне, милый брат».
Тихо-тихо я пою:
«Баю-баюшки-баю».

«Я косила целый день.
Я устала. Я больна».
За окном шатнулась тень,
Притаилась у окна.
Я пою, пою, пою:
«Баю-баюшки-баю».

19 октября 1906

* * *

Я осмеянный шел из собрания злобных людей,
В утомленном уме их бесстыдные речи храня.
Было тихо везде, и в домах я не видел огней,
А морозная ночь и луна утешали меня.

Подымались дома серебристою сказкой кругом.
Безмятежно сады мне шептали о чем-то святом,
И, с приветом ко мне обнаженные ветви склоня,
Навевая мечты, утешали тихонько меня.

Улыбаясь мечтам и усталые взоры клоня,
Я по улицам шел, очарованный полной луной,

И морозная даль, серебристой своей тишиной
Утишая тоску, отзывала от жизни меня.

Под ногами скрипел весь обвеянный чарами снег,
Был стремителен бег легких туч на далекий ночлег,
И, в пустынях небес тишину ледяную храня,
Облака и луна отгоняли тоску от меня.

20 сентября 1895

* * *

Мельканье изломанной тени,
Испуганный смертию взор.
Все ниже и ниже ступени,
Все тише рыдающий хор.
Нисходят крутые ступени,
Испуган разлукою взор.

Дрожат исхудалые руки,
Касаясь холодной стены.
Протяжным стенаньем разлуки
Испуганы темные сны.
Протяжные стоны разлуки
Дрожат у холодной стены.

Под черной и длинной вуалью
Две урны полны через край...
О песня, надгробной печалью
Былую любовь обвевай!
Отравлено сердце печалью,
Две урны полны через край.

10 ноября 1894

* * *

«Уйди, преступный воин!
Ты больше недостоин
В сраженьях с нами быть,
Копье ломать в турнире
И на веселом пире
Из общей чаши пить».

Идет он, восклицая:
«За что напасть такая?
Я ложно осужден!»
И слышит рев проклятий
Его былых собратий
И смех пажей да жен.

Как рыцарь осужденный,
Надменных прав лишенный,
Без шлема и без лат,
От буйного турнира, —
От радостного мира
Иду, тоской объят.

И сам себе пеняю,
Хотя вины не знаю,
Не знаю за собой, —
Зачем в турнир веселый,
Надев доспех тяжелый,
Пошел я за толпой.

3 июля 1902

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Медлительные взоры к закату обращая,
Следя за облаками и за полетом птиц,

Сидела при дороге красавица лесная, —
И зыблилась тихонько, мечту и тень роняя
На смуглые ланиты, густая сень ресниц.

Она припоминала в печальный час вечерний
Таинственные дали, — родимые края,
Где облако понятней, где роща суеверней, —
Куда, былая фея, любовию дочерней
Влеклась она, страдая и грусть свою тая.

Был день: презревши чары и прелести ночные,
С жезлом своим волшебным рассталася она,
Венок благоуханный сняла с чела впервые,
И, как простая дева, в обители простые
Вошла, и человеку женою отдана.

На дальнем горизонте синеющей чертою
Виднелся лес дремучий, — то лес ее родной...
Туда она глядела вечернею зарею, —
Оттуда к ней домчался с призывною тоскою
Лазурный тихий голос: «Вернись, дитя, домой».

И в голосе далеком ей слышалось прощенье,
Она улыбкой тихой ответила на зов,
С людьми не попрощалась, оставила селенье
И быстро тенью легкой исчезла в отдаленье...
Влекла ее в отчизну дочерняя любовь.
25 сентября 1894

* * *

Насытив очи наготою
Эфирных и бесстрастных тел,

Земною страстной красотою
Я воплотиться захотел.

Тогда мне дали имя Фрины,
И в обаянье нежных сил
Я восхитил мои Афины
И тело в волны погрузил.

Невинность гимны мне слагала,
Порок стыдился наготы,
И напоил он ядом жало
В пыли ползущей клеветы.

Мне казнь жестокая грозила,
Меня злословила молва,
Но злость в победу превратила
Живая сила божества.

Когда отравленное слово
В меня метал мой грозный враг,
Узрел внезапно без покрова
Мою красу ареопаг.

Затмилось злобное гоненье,
Хула свиваясь умерла,
И было старцев поклоненье,
Восторг бесстрастный и хвала.
3 июля 1904

* * *

Детский лепет мне несносен,
Мне противен стук машин.

Я хочу под тенью сосен
Быть один, всегда один,

Чтоб пустынно восходило
И катилось надо мной
Безответное светило,
Змей безумно-золотой,

Чтоб свободный и пустынный
Веял ветер всех сторон,
Погружая душу в длинный,
Безразгадно-вещий сон,

Чтоб никто не молвил слова
Ни со мной, ни обо мне,
Злым вторжением былого
В беспредельной тишине,

И, когда настанет время
Беспробудно опочить
И томительное бремя
С утомленных плеч сложить, —

Чтоб никто моей пустыней
С тихим пеньем не ходил,
Чтоб не плавал ладан синий
Вкруг колеблемых кадил.
16 июня 1902

* * *

Много было весен, —
И опять весна.

11 Федор Сологуб-7

Бедный мир несносен,
И весна бедна.

Что она мне скажет
На мои мечты?
Ту же смерть покажет,
Те же все цветы,

Что и прежде были
У больной земли,
Небесам кадили,
Никли да цвели.
20 марта 1899

* * *

Безжизненный чертог,
Случайная дорога...
Не хочет жизни Бог, —
Иль жизнь не хочет Бога?

Опять встает заря,
Колышутся туманы,
И робко ждут Царя
Томительные страны.

Но лютый змий возник
И мечет стрелы злые,
И грозен мертвый лик
Пылающего змия.

Для смерти — здесь чертог,
Для случая — дорога.

Не хочет жизни Бог,
И жизнь не хочет Бога.

* * *

Виденья злые, кто же вас
Воздвиг над мрачной бездной
В неизреченный час,
Святой, но бесполезный?

И чей бессмертно-вечный сон,
О тени гибельные, вами
В недобрый час отягощен,
        Как небо облаками?

То воля мудрого Творца,
Иль злобным вражеским соблазном
До вожделенного конца
Единый мир предстал мне разным?

О, как томительно не знать,
Того, что сердцу вечно ясно,
И неустанно вопрошать, —
        И вопрошать напрасно!

11 апреля 1900

* * *

Изнемогающая вялость,
За что-то мстящая тоска, —
В долинах — бледная усталость,
На небе — злые облака.

Не видно счастья голубого, —
Его затмили злые сны.
Лучи светила золотого
Седой тоской поглощены.
9 июля 1902

* * *

Трепещет сердце опять.
Бледная поднялась заря.
Бедная! пришла встречать
Злого, золотого царя.

Встал и пламенем лучей
Опалил, умертвил ее.
Ропщет и плачет ручей, —
Усталое сердце мое.
17 февраля 1903

* * *

В дневных лучах и в сонной мгле,
В моей траве, в моей земле,
В моих кустах я схоронил
Мечты о жизни, клады сил,
И окружился я стеной,
Мой свет померк передо мной,
И я забыл, давно забыл,
Где притаились клады сил.

Порой, взобравшись по стене,
Сижу печально на окне, —

И силы спят в земле сырой,
Под неподвижною травой.
Как пробудить их? Как воззвать?
Иль им вовеки мирно спать,
А мне холодной тишиной
Томиться вечно за стеной?
6 января 1899

* * *

Объята мглою вещих теней,
Она восходит в темный храм.
Дрожат стопы от холода ступеней,
И грозен мрак тоскующим очам.
И будут ли услышаны моленья?
Или навек от жизненных тревог
В недостижимые селенья
Сокрылся Бог?

Во мгле мерцают слабые лампады,
К стопам приник тяжелый холод плит,
Темны столпов недвижные громады, —
Она стоит, и плачет, и дрожит.
О, для чего в усердье богомольном
Она спешила в храм идти!
Как вознести мольбы о дольном!
Всему начертаны пути.
8 июня 1900

* * *

Грустные взоры склоняя,
Светлые слезы роняя,

Ты предо мною стоишь.
Только б рыданья молчали, —
Злые лобзанья печали
Ты от толпы утаишь.

Впалые щеки так бледны.
Вешние ль грозы бесследны,
Летний ли тягостен зной,
Или на грех ты дерзаешь, —
Сердце мое ты терзаешь
Смертной своей белизной.
20 марта 1896

* * *

Ангел снов невиденных,
На путях неиденных
Я тебя встречал.
Весь ты рдел, таинственный,
И удел единственный
Мне ты обещал.

Меркло, полусонное,
Что-то непреклонное
У тебя в глазах;
Книгу непрочтенную
С тайной запрещенною
Ты держал в руках.
13 мая 1895

* * *

Неустанное в работе
Сердце бедное мое,

В несмолкающей заботе
Ты житье куешь мое.

Воля к жизни, воля злая,
Направляет пылкий ток, —
Ты куешь, не уставая,
Телу радость и порок.

Дни и ночи ты торопишь,
Будишь, слабого, меня,
И мои сомненья топишь
В нескончаемости дня.

Я безлепицей измучен.
Житие кляну мое.
Твой тяжелый стук мне скучен,
Сердце бедное мое.
12 января 1902

* * *

Есть тропа неизбежная
На крутом берегу, —
Там волшебница нежная
Запыхалась в бегу.

Улыбается сладкая
И бежит далеко.
Юность сладкая, краткая,
Только с нею легко.

Пробежит, — зарумянится,
Улыбаясь, лицо,

И кому-то достанется
Золотое кольцо...

Рокового, заклятого
Не хотеть бы кольца,
Отойти б от крылатого,
Огневого гонца.
12 августа 1901

* * *

Пламенем наполненные жилы,
Сердце знойное и полное огнем, —
В теле солнце непомерной силы,
И душа насквозь пронизанная днем.

Что же в их безумном ликованье?
Бездна ждет, и страшен рев ее глухой.
В озарении, сверканье и сгоранье
Не забыть ее, извечной, роковой.
2 июля 1904

* * *

В стране безвыходной бессмысленных томлений
Влачился долго я без грез, без божества,
    И лишь порой для диких вдохновений
    Я находил безумные слова.

Они цвели во мгле полночных волхвований,
На злом пути цвели, — и мертвая луна
    Прохладный яд несбыточных желаний
    Вливала в них, ясна и холодна.
6 июля 1902

* * *

Безумием окована земля,
Тиранством золотого Змея.
Простерлися пустынные поля,
В тоске безвыходной немея,
Подъемлются бессильно к облакам
Безрадостно-нахмуренные горы,
Подъемлются к далеким небесам
Людей тоскующие взоры.
Влачится жизнь по скучным колеям,
И на листах незыблемы узоры.
Безумная и страшная земля,
Неистощим твой дикий холод, —
И кто безумствует, спасения моля,
Мечом отчаянья проколот.

19 июня 1902

* * *

Белая тьма созидает предметы
И обольщает меня.
Жадно ищу я душою просветы
В область нетленного дня.

Кто же внесет в заточенье земное
Светоч, пугающий тьму?
Скоро ль бессмертное, сердцу родное
В свете его я пойму?

Или навек нерушима преграда
Белой, обманчивой тьмы,
И бесконечно томиться мне надо,
И не уйти из тюрьмы?

21 декабря 1897

* * *

Нашу неподвижность бранью не клейми.
Нам коснеть в пещерах, созданных людьми.

Мы не можем выйти, мы не смеем жить;
Много здесь предметов, — нам их сторожить.

Чтоб не веял ветер, солнце бы не жгло,
Да воды проворной к ложу не текло.

С человеком долго мы вели войну, —
Человек ли скован, мы ль в его плену?

Весела ль, грустна ли вражеская речь, —
Надо ждать решенья и врага стеречь.
17 мая 1902

* * *

Рассвет полусонный, я очи открыл,
Но нет во мне воли, и нет во мне сил.

И душны покровы, и скучно лежать,
Но свет мой не хочет в окне засиять.

Докучная лампа, тебя ли зажечь,
Чтоб взоры направить на мертвую речь?

Иль грешной мечтою себя веселить,
Приникнуть к подушке и все позабыть?

Рассвет полусонный, я бледен и хил,
И нет во мне воли, и нет во мне сил.
21 ноября 1999

* * *

Я жил как зверь пещерный,
Холодной тьмой объят,
Заветам ветхим верный,
Бездушным скалам брат.

Но кровь моя кипела
В томительном огне, —
И призрак злого дела
Творил я в тишине.

Над мраками пещеры,
Над влажной тишиной
Скиталися химеры,
Воздвигнутые мной.

На каменных престолах,
Как мрачные цари,
В кровавых ореолах
Мерцали упыри.

Безумной лаской нежить
Во тьме и тишине
Отверженная нежить
Сбиралася ко мне.

И я как зверь скитался
В кругу заклятых сил
И скверною питался,
Но смерти не вкусил.

13 июня 1904

* * *

Не трогай в темноте
Того, что незнакомо, —
Быть может, это — те,
Кому привольно дома.

Кто с ними был хоть раз,
Тот их не станет трогать.
Сверкнет зеленый глаз,
Царапнет быстрый ноготь, —

Прокинется котом
Испуганная нежить.
А что она потом
Затеет? мучить? нежить?

Куда ты ни пойдешь,
Возникнут пусторосли.
Измаешься, заснешь.
Но что же будет после?

Прозрачною щекой
Прильнет к тебе сожитель.
Он серою тоской
Твою затмит обитель.

И будет жуткий страх, —
Так близко, так знакомо, —
Стоять во всех углах
Тоскующего дома.

11 декабря 1905

* * *

Суровы очи у дивных дев,
На бледных лицах тоска и гнев.
В руке у каждой горит свеча.
Бренчат о пояс два ключа.
Печальный, дальний путь избрав,
Они проходят средь влажных трав,
Среди колосьев, среди цветов,
Под тень надгробных крестов.
Пророчат что-то свет лучи,
Но что пророчат, о том молчи.
16 июня 1902

* * *

В село из леса она пришла, —
Она стучала, она звала.
Ее страшила ночная тьма,
Но не пускали ее в дома.
И долго, долго брела она,
И темной ночью была одна,
И не пускали ее в дома,
И угрожала ночная тьма.
Когда ж, ликуя, заря взошла,
Она упала — и умерла.
26 июня 1902

* * *

Холодная, жестокая земля!
Но как же ты взрастила сладострастие?

Твои широкие, угрюмые поля
Изведали ненастье, но и счастие.

Сама ли ты надежды родила,
Сама ли их повила злаками?
Или сошла с небес богиня зла,
Венчанная таинственными знаками,

И низвела для дремлющей земли
Мечты коварные с обманами,
И злые гости облекли
Тебя лазурными туманами?
15 июня 1902

* * *

Я живу в темной пещере,
Я не вижу белых ночей.
В моей надежде, в моей вере
Нет сияния, нет лучей.

Ход к пещере никем не иден,
И не то ль защита от меча!
Вход в пещеру чуть виден,
И предо мною горит свеча.

В моей пещере тесно и сыро,
И нечем ее согреть.
Далекий от земного мира,
Я должен здесь умереть.
16 июня 1902

* * *

О, сердце, сердце! позабыть
Пора надменные мечты,
И в безнадежной доле жить
Без торжества, без красоты,

Молчаньем верным отвечать
На каждый звук, на каждый зов
И ничего не ожидать
Ни от друзей, ни от врагов.

Суров завет, но хочет Бог,
Чтобы такою жизнь была
Среди медлительных тревог,
Среди томительного зла.

5 августа 1898

* * *

Есть правда горькая в пророчестве:
Ты должен вечным быть рабом.
Свобода — только в одиночестве.
Какое рабство — быть вдвоем!

Свершить ли хочешь пожелания, —
Свободные всегда одни.
Венчай тиарою молчания
Твои отторженные дни.

Но бойся, бойся воплощения
Твоей надежды и мечты:

Придут иные вожделения,
И сам окаменеешь ты.
13 июня 1903

* * *

В первоначальном мерцанье,
Раньше светил и огня,
Думать-гадать о созданье
Боги воззвали меня.

И совещались мы трое,
Радостно жизнь расцвела.
Но на благое и злое
Я разделил все дела.

Боги во гневе суровом
Прокляли злое и злых,
И разделяющим словом
Был я отторжен от них.
1 октября 1899

* * *

Что мы служим молебны,
И пред Господом ладан кадим!
Все равно непотребны,
Позабытые Богом своим.

В миротканной порфире,
Осененный покровами сил,
Позабыл Он о мире
И от творческих дел опочил,

И нетленной мечтою
Мировая душа занята,
Не земною, иною, —
А земная пустыня — пуста.
23 июля 1902

ПИЛИГРИМ

В одежде пыльной пилигрима,
Обет свершая, он идет,
Босой, больной, неутомимо,
То шаг назад, то два вперед, —
И, чередуясь мерно, дали
Встают все новые пред ним,
Неистощимы, как печали, —
И все далек Ерусалим.

Томясь в таинственной печали,
Стремится вечно род людской
В недосягаемые дали,
К какой-то цели роковой.
И создает неутомимо
Судьба преграды перед ним,
И все далек от пилигрима
Его святой Ерусалим.
7 июня 1896

ЛИХО

Кто это возле меня засмеялся так тихо?
Лихо мое, одноглазое, дикое Лихо!
Лихо ко мне привязалось давно, с колыбели,

Лихо стояло и возле крестильной купели,
Лихо за мною идет неотступною тенью,
Лихо уложит меня и в могилу.
Лихо ужасное, враг и любви и забвенью,
Кто тебе дал эту силу?

Лихо ко мне прижимается, шепчет мне тихо:
«Я — бесталанное, всеми гонимое Лихо!
В чьем бы дому для себя уголок ни нашло я,
Всяк меня гонит, не зная минуты покоя.
Только тебе побороться со мной недосужно, —
Странно мечтая, стремишься ты к мукам.
Вот почему я с твоею душою так дружно,
Как отголосок со звуком».

2 апреля 1893

* * *

Я темным иду переулком,
Где в воздухе пыльном и гулком
Тревога,
И чужд я больной укоризне, —
Теперь мне осталось от жизни
Немного.

Не знать и не ждать перемены,
Смотреть на докучные стены
Досадно.
Мечтать же о дне неслучайном,
Навеки запретном и тайном
Отрадно.

Да, он никогда не настанет, —
И кто мое сердце обманет

Гаданьем?
Не мне утешаться, и верить,
И темные пропасти мерить
Желаньем.

18 августа 1897

* * *

В предутренних потьмах я видел злые сны.
Они меня до срока истомили.
Тоска, томленье, страх в работу вплетены,
В сиянье дня — седые космы пыли.
Предутренние сны, безумной ночи сны, —
На целый день меня вы отравили.

Есть белый нежный цвет, — далек он и высок,
Святая тень, туманно-голубая.
Но мой больной привет начертан на песок,
И тусклый день, так медленно ступая,
Метет сухой песок, медлительно жесток.
О жизнь моя, безжалостно-скупая!

Предутреннего сна больная тишина,
Немая грусть в сиянье Змия.
Святые ль наизусть твердишь ты имена,
Ты, мудрая жена седого Вия,
Предутреннего сна больная тишина,
Но где ж твои соперницы нагие?

Иль тусклой пеленой закроется закат,
И кто за ним, то будет Тайной снова,
И мертвой тишиной мучительно объят,
Сойду к Иным без творческого Слова?

Мучительный закат, безжалостный закат,
Последний яд, усмешка Духа Злого.
21 апреля 1902

* * *

Воля к жизни, воля к счастью, где же ты?
Иль навеки претворилась ты в мечты,
И в мечтах небесных, в тихом полусне,
Лишь о невозможном возвещаешь мне?

Путь один лишь знаю, — долог он и крут, —
Здесь цветы печали бледные цветут,
Умирает без ответа чей-то крик,
За туманом солнце скрыто, — тусклый лик.

Утомленьем и могилой дышит путь, —
Воля к смерти убеждает отдохнуть,
И от жизни обещает уберечь.
Холодна и однозвучна злая речь,
Но с отрадой и с надеждой внемлю ей
В тишине, в томленье неподвижных дней.
4 августа 1901

* * *

Я спал от печали
Тягостным сном.
Чайки кричали
Над моим окном.

Заря возопила:
«Встречай со мной царя.

Я небеса разбудила,
Разбудила, горя».

И ветер, пылая
Вечной тоской,
Звал меня, пролетая
Над моею рекой.

Но в тяжелой печали
Я безрадостно спал.
О, веселые дали,
Я вас не видал!
13 июня 1904

* * *

Не отражаясь в зеркалах,
Я проходил по шумным залам.
Мой враг, с угрюмостью в очах,
Стоял за белым пьедесталом.

Пред кем бы я ни предстоял
С моей двусмысленной ужимкой,
Никто меня не замечал
Под серой шапкой-невидимкой.

И только он мой каждый шаг
Следил в неукротимом гневе,
Мой вечный, мой жестокий враг,
Склонившись к изваянной деве.

Среди прелестных, стройных ног,
Раздвинув белоснежный камень,

Торчал его лохматый рог,
И взор пылал, как адский пламень.
1 июня 1906

* * *

Шум и ропот жизни скудной
Ненавистны мне.
Сон мой трудный, непробудный
В мертвой тишине,

Ты взлелеян скучным шумом
Гордых городов,
Где моим заветным думам
Нет надежных слов.

Этот грохот торопливый
Так враждебен мне!
Долог сон мой, сон ленивый
В мертвой тишине.
26 октября 1895

* * *

Поклонюсь тебе я платой многою, —
Я хочу забвенья да веселия, —
Ты поди некошною дорогою,
Ты нарви мне ересного зелия.

Белый саван брошен над болотами,
Мертвый месяц поднят над дубравою, —
Ты пройди заклятыми воротами,
Ты приди ко мне с шальной пошавою.

Страшен навий след, но в нем забвение,
Горек омег твой, но в нем веселие,
Мертвых уст отрадно дуновение, —
Принеси ж мне, ведьма, злое зелие.

14 августа 1901

* * *

Грустен, иду по дороге пустынной
Вслед за вечернею тенью, угрюмой и длинной.

Сумрачный город остался за мною
С чахлою жизнью его и с его суетою.

Пусты просторы, томительно жестки.
Никнут ветвями во сне непробудном березки.

Грустны вокруг меня сжатые нивы.
Чудится мне, что враждебно они молчаливы.

8 августа 1895

* * *

Злой, золотой, беспощадно ликующий Змей
В красном притине шипит в паутине лучей.

Вниз соскользнул и смеется в шипящем уже.
Беленьким зайчиком черт пробежал по меже.

Злая крапива и сонные маки в цвету.
Кто-то, мне близкий, черту замыкает в черту.

Беленький, хитренький, прыгает черт за чертой,
Тихо смеется и шепчет: «Попался! Постой!»
20 июня 1906

* * *

Проходит она торопливо
На шумных путях городских,
Лицо закрывая стыдливо
Повязкой от взоров людских:
Пожаром ее опалило,
Вся кожа лица сожжена,
И только глаза защитила
Своими руками она.

В пожаре порочных желаний
Беспомощно дух мой горел,
И только усладу мечтаний
Спасти от огня я успел.
Я жизни свободной не знаю,
В душе моей — мрачные сны,
Я трепетно их укрываю
Под нежною тканью весны.
12 сентября 1894

* * *

Мечта души моей, полночная луна,
Скользишь ты в облаках, ясна и холодна.

Я душу для тебя свирельную настроил,
И волны шумные мечтами успокоил.

Но мне ты не внимай, спеши стезей своей,
И радостных часов над морем не жалей.

Твоя минует ночь, поникнет лик усталый, —
Я море подыму грозою небывалой.

Забудет океан о медленной луне,
И сниться будет мне погибель в глубине.

И, полчище смертей наславши в злое море,
Я жизнью буйною утешусь на просторе.

31 декабря 1900

* * *

Я без цели, угрюм и один,
Посреди облетелых куртин
И поблеклых деревьев иду
В бездыханном и желтом саду.

Облака надо мною скользят,
И к закату торопится день.
Безнадежный и близкий закат,
Не твоя ли колышется тень

Над моею туманной душой?
В ней тяжелой и горькой тоской
Упованье мое сметено,
В ней мечты облетели давно.

27 июля 1895

* * *

Ветер тучи носит,
Носит вихри пыли.

Сердце сказки просит
И не хочет были.

Сидеть за стеною, работником быть, —
О, ветер, ты мог бы и стены разбить!

Ходить по дорогам из камней и плит, —
Он только тревожит, он только скользит!

И мертвые видеть повсюду слова, —
Прекрасная сказка навеки мертва.

23 мая 1902

* * *

Цветик белоснежный
У тропы тележной
Вырос в месте незнакомом.
Ты, мой друг, простился с домом,
Ты ушел далеча, —
Суждена ль нам встреча?

Цветик нежный, синий
Над немой пустыней
Вырос в месте незнакомом.
Ты, мой друг, расстался с домом,
От тебя хоть слово
Я услышу ль снова?

13 октября 1898

* * *

Птицы черные толпою
Вдруг собрались надо мною,

И в зловещей тишине
Неотвязчивый их причет
Надо мною гулко кичет,
Возвещая гибель мне.

Над душой моей нависли
Неотвязчивые мысли
О судьбе моей больной,
И надежды заслоняя,
Череда их роковая
Веет страхом и тоской.

* * *

Там, за стеною, холодный туман от реки.
Снова со мною острые ласки тоски.
Снова огонь сожигает
Усталую плоть, —
Пламень безумный, сверкая, играет,
Жалит, томит, угрожает, —
Как мне его побороть?
Сладок он, сладок мне, сладок, —
В нем я порочно полночно сгораю давно.
Тихое око бесстрастных лампадок,
Тихой молитвы внезапный припадок, —
Вам погасить мой огонь не дано.
Сладкий, безумный и жгучий,
Пламенный, радостный стыд,
Мститель нетленно-могучий
Горьких обид.
Плачет опять у порога
Бледная совесть — луна.
Ждет не дождется дорога, —

И увядает она,
Лилия бедная, бледная, вечно больная, —
Лилия ждет, не дождется меня,
Светлого мая,
Огня.

13 июня 1904

* * *

Окрест — дорог извилистая сеть.
Молчание, ответ взывающим,
О, долго ль будешь в небе ты висеть,
Мечом, бессильно угрожающим?

Была пора, — с небес грозил дракон,
Он видел вдаль, и стрелы были живы.
Когда же он покинет небосклон,
Всходили вестники, земле не лживы.

Обвеяны познанием кудес,
Являлись людям звери мудрые.
За зельями врачующими в лес
Ходили ведьмы среброкудрые.

Но все обман, — дракона в небе нет,
И ведьмы так же, как и мы, бессильны.
Земных судеб чужды пути планет, —
Пути земные медленны и пыльны.

Страшна дорог извилистая сеть,
Молчание, ответ взывающим,
О, долго ль с неба будешь ты висеть
Мечом, бессильно угрожающим?

14 августа 1901

* * *

Обольщения лживых слов
И обманчивых снов, —
Ваши прелести так сильны!
Утомителен летний зной.
На дороге лесной
Утешения тишины.

Позабудешься ты в тени, —
Отдохни и засни.
Старый сказочник не далек.
Он с дремотою подойдет.
Вещий лес оживет
И таинственный огонек.

Чего не было никогда,
Что пожрали года,
Что мечтается иногда, —
Снова молодо, снова здесь,
Станешь радостен весь,
В позабытую внидешь весь.
19 июня 1902

* * *

От солнца льется только колыханье,
Небесных сил безжизненно дыханье,
Но отчего ж оно животворит?
Иль на земле источник нашей жизни,
И нет путей к заоблачной отчизне,
И не для нас небесный змий горит?

Не мертвая, не скудная пустыня,
Своих судеб царица и богиня,
От страха ты стремишься к божеству, —
А я, одна из множества ступеней
Из царства сил в святую область теней,
Не тщетно жизнью призрачной живу.

И до конца пребуду терпеливым:
Что было прахом и страданьем лживым,
Что сквозь мои томления пройдет, —
Во мне святыне вечной приобщится,
И в ликованье нежно истончится, —
Божественной природой оживет.

5 августа 1901

* * *

Мой ландыш белый вянет,
Но его смерть не больная.
Его ничто не обманет,
Потому что он хочет не зная.

И чего хочет, то будет,
Чего не будет, не надо.
Ничто его не принудит,
И увяданье ему отрада.

Единая Воля повсюду,
И к чему мои размышленья?
Надо поверить чуду
Единого в мире хотенья.

22 ноября 1899

* * *

Иду в смятенье чрезвычайном,
И, созерцая даль мою,
Я в неожиданном, в случайном
Мои порывы узнаю.

Я снова слит с моей природой,
Хотя доселе не решил,
Стремлюсь ли я своей свободой
Или игрой мне чуждых сил.

Но что за гранью жизни краткой
Меня ни встретит, — жизнь моя
Горит одной молитвой сладкой,
Одним дыханьем бытия.

21 ноября 1899

* * *

Давно мне голос твой невнятен,
И образ твой в мечтах поблёк.
Или приход твой невозвратен,
И я навеки одинок?

И был ли ты в моей пустыне,
Иль призрак лживый, мой же сон,
В укор неправедной гордыне
Врагом безликим вознесен?

Кто б ни был ты, явись мне снова,
Затми томительные дни,

И мрак безумия земного
Хоть перед смертью осени.

12 октября 1899

* * *

Восходит Змий горящий снова,
И мечет грозные лучи.
От волхвования ночного
Меня ты снова отлучи.

Труды подъемлю, — на дороги
Пойду безумен, зол и мал,
Забыв полночные чертоги,
Где я словам твоим внимал.

Но из земли возникнут снова
Твои холодные ключи, —
Тогда меня, всегда земного,
Ты в тихий сумрак заключи.

26 сентября 1903

* * *

Ты в стране недостижимой, —
Я в больной долине снов.
Друг, томительно любимый,
Слышу звук твоих шагов.

Содрогаясь, внемлю речи,
Вижу блеск твоих очей, —
Бледный призрак дивной встречи,
Привидение речей.

Расторгают евмениды
Между нами все пути.
Я — изгнанник, все обиды
Должен я перенести.

Жизнью скучной и нелепой
Надо медленно мне жить,
Не роптать на рок свирепый
И о тайном ворожить.

12 августа 1901

* * *

И я возник из бездны дикой,
    И вот цвету,
И созидаю мир великий,
    Мою мечту.

А то, что раньше возникало, —
    Иные сны, —
Не в них ли кроется начало
    Моей весны?

Моя мечта — и все пространства,
    И все чреды,
Весь мир — одно мое убранство,
    Мои следы.

И если ныне в бедном теле
    Так тесно мне, —
Утешусь я в ином пределе,
    В иной стране.

13 апреля 1900

* * *

Наивно верю временам,
Покорно предаюсь пространствам,
Земным изменчивым убранствам
И беспредельным небесам.

Хочу конца, ищу начала,
Предвижу роковой предел, —
Противоречий я хотел,
Мечта владычицею стала.

В жемчуги, злато и виссон,
Прелестница безумно-злая,
Она рядит, не уставая,
Земной таинственный мой сон.

21 октября 1904

* * *

Если трудно мне жить, если больно дышать,
Я в пустыню иду, — о тебе помечтать,
О тебе рассказать перелетным ветрам,
О тебе погадать по лесным голосам.

Я позвал бы тебя, — не умею назвать;
За тобой бы послал, — да не смею послать;
Я пошел бы к тебе, — да не знаю пути;
А и знал бы я путь, — так боялся б идти.

Я холодной тропой одиноко иду,
Я земное забыл и сокрытого жду, —
И безмолвная смерть поцелует меня,
И к тебе уведет, тишиной осеня.

3 октября 1898

* * *

Безгрешный сон,
Святая ночь молчанья и печали!
Вы, сестры ясные, взошли на небосклон
И о далеком возвещали.

Отрадный свет,
И на земле начертанные знаки!
Вам, сестры ясные, земля моя в ответ
Взрастила грезящие маки.

В блестящем дне
Отрада есть, — надежда вдохновенья.
О, сестры ясные, одна из вас ко мне
Сошла в тумане сновиденья!

10 января 1902

* * *

Прикован тяжким тяготением
К моей земле,
Я тешусь кратким сновидением
В полночной мгле.

Летит душа освобожденная
В живой эфир
И там находит, удивленная,
За миром мир.

И мимоходом воплощается
В иных мирах,
И новой жизнью забавляется
В иных телах.

30 июля 1901

* * *

Понимать твою игру,
Может быть, и не легко.
Ослабею — и умру,
Этот день недалеко.

Я умру, — а ты опять
Будешь звезды зажигать,
Сеять чары и мечты, —
Будем снова я и ты.

Будем дети, будет смех,
Будет сладкая любовь,
Будет зло, и будет грех,
И опять прольется кровь.

Снова круг мой завершив,
Стану мертв и стану жив
И твою игру прерву,
Может быть, и наяву.

11 июня 1903

* * *

Я ухо приложил к земле,
Чтобы услышать конский топот, —
Но только ропот, только шепот
Ко мне доходит по земле.

Нет громких стуков, нет покоя,
Но кто же шепчет, и о чем?
Кто под моим лежит плечом
И уху не дает покоя?

Ползет червяк? растет трава?
Вода ли капает до глины?
Молчат окрестные долины,
Земля суха, тиха трава.

Пророчит что-то тихий шепот?
Иль, может быть, зовет меня,
К покою вечному клоня,
Печальный ропот, темный шепот?
3 декабря 1900

* * *

Земле раскрылись не случайно
Многообразные цветы, —
В них дышит творческая тайна,
Цветут в них Божии мечты.

Что было прежде силой косной,
Что жило тускло и темно,
Теперь омыто влагой росной,
Сияньем дня озарено, —

И в каждом цвете, обаяньем
Невинных запахов дыша,
Уже трепещет расцветаньем
Новорожденная душа.
29 ноября 1900

* * *

Сладко ты благоухаешь,
Расцвела на радость мая.

Отчего ж ты не вздыхаешь,
Сад родимый покидая?

Сломан стебель в полдень знойный,
Сломан злобною рукою, —
Непорочной и спокойной
Ты сияешь красотою.

Подожду до ночи лунной,
И тебя, уж не живую,
У решетки той чугунной
Подыму и поцелую.
4 января 1898

* * *

Вести об отчизне
Верьте иль не верьте, —
Есть весна у жизни,
Есть весна у смерти.

Если розы красны,
То купавы бледны.
Небеса бесстрастны,
Мы же, люди, бедны.

Истина предстанет
Поздно или рано.
Здешнее обманет, —
В смерти нет обмана.
20 марта 1999

* * *

Невеста тихая приходит.
Какие белые цветы!
Кого она с собой приводит?
О чем в очах ее мечты?

Она сложила странно руки,
Она склонила взор к земле.
Ее весна — заря разлуки,
Ее пути лежат во мгле.

Идет в святом благоуханье,
Колебля белую фату
И в угасающем дыханье
Струя холодную мечту.
20 марта 1899

* * *

В лесу кричала злая птица,
Едва ручей журчал в кустах,
По небу прядала зарница,
Туман сгущался на полях.

Из-за раскрытого широко
Томленья в полночи моей
Прозрачный голос издалека
Мне что-то пел, — не знаю, чей.

И все, что вкруг меня звучало, —
Ручей, и ветер, и трава, —

Все, докучая, заслоняло
Его эфирные слова.

И я заклятием молчанья
Воззвал к природе, — и она
Очарованью заклинанья
Была на миг покорена.

Я ждал, — и в вещем ожиданье
Зажегся мне великий свет.
Далекий зов погас в молчанье,
Но был в молчании ответ.
6 января 1999

* * *

Игру Ты возлюбил и создал мир играя;
Кто мудрости вкусил, Ты тех изгнал из рая.
Кто захотел расти, тех смерти Ты обрек.
Зарею мужества поставил Ты порок.
Ты — Отрок радостный, Ты — девственное Слово.
Сомненье темное отринул Ты сурово.
Младенца умертвил посланник грозный Твой, —
Ты в царствии Своем младенца успокой.

И на земле есть радости,
Есть много радостей и в темном бытии, —
Но все земные сладости —
Обманы краткие, прельщения Твои.

Обманом очаровано
Невинное дитя,

И если смертью сковано,
То сковано шутя.

Обещанное сбудется, —
Восстанет милый прах,
И радостно разбудится
Улыбка на губах.
И ждать ли нам наскучило,
И скорбь ли нас измучила, —
Всему своя пора,
А смертное томление,
И темный гроб, и тление —
Все это лишь игра.

Тоскует мать над милым прахом,
Тоскует мать.
Кого обнять? С безумным страхом
Как обнимать?
Предстань пред нею, отрок ясный,
Как тихий сон,
И погрузи в туман безгласный
Безумный стон.

Потоки слез и ладан дымный
Туманят взгляд.
Утеха в них; утеха — гимны
И весь обряд.
Земные дети шаловливы, —
Но крылья есть.
О том, как ангелы счастливы,
Доходит весть.

13 марта 1902

* * *

Алой кровью истекая в час всемирного томленья,
С легким звоном злые звенья разжимает лютый Змей,
Умирает с тихим стоном Царь полдневного творенья.
Кровью Змея пламенея, ты жалеть его не смей.
Близок срок завороженный размышленья и молчанья.
Умирает Змей багряный, Царь безумного сиянья.
Он царил над небосклоном, но настал печальный час,
И с протяжным тихим стоном Змей пылающий погас.

И с бессильною тревогой окровавленной дорогой,
Все ключи свои роняя, труп Царя влечет Заря,
И в томленье грусти строгой месяц бледный и двурогий
Сеет мглистые мечтанья, не грозя и не горя.
Если страшно, если больно, если жизни жаль невольно, —
Что твой ропот своевольный! покоряйся, — жить довольно.
Все лучи померкли в небе, и в ночной росе ключи, —
И опять она с тобою. Слушай, слушай и молчи.
14 октября 1903

* * *

В великом холоде могилы
Я безнадежно схоронил
И отживающие силы,
И всходы нераскрытых сил,

И погребенные истлели
В утробе матери-земли,
И без надежды и без цели
Могильным соком потекли,

И соком корни напоили, —
И где был путь уныл и гол,
Там травы тихо восходили
И цвет медлительный расцвел.

Покорна гласу темной воли,
И бездыханна и светла,
Без торжества, без слез, без боли
Вся сила мертвая цвела,

И без любви благоухала,
Обманом жизни крася дол,
И сок сладчайший источала
Для пестрых бабочек и пчел.

О, если б смерть не овладела
Семьею первозданных сил,
В какое б радостное тело
Я все миры соединил!

6 июля 1902

* * *

Державные боги,
Властители радостных стран!
Устал я от трудной дороги,
И пылью покрылися ноги,
И кровью из ран.

Так надо, так надо, —
Мне вещий ваш ворон твердит.
В чертогах небесных отрада, —
За труд и за муки награда,
За боль и за стыд.

Меня бы спросили,
Хочу ли от вас я венца!
Но вашей покорен я силе,
Вы тайно меня победили,
И к вам я иду до конца.

А есть и короче,
Прямой и нетрудный есть путь, —
Лишь только в безмолвии ночи
Мгновенною молнией в очи
Себе самовольно блеснуть.

Его отвергаю,
Я вам покориться хочу.
Живу, и страдаю, и знаю,
Что ваши пути открываю,
Иду и молчу.
15 июня 1902

* * *

Моя печаль в полночной дали,
Росой обрызгана, легла.
В единственной моей печали,
В безмолвной и туманной дали,
Вся жажда жизни умерла.

Еще одной я вею страстью.
Ты, буйный ветер, страсть моя.
Ты научаешь безучастью,
Своею бешеною властью
Свивая прелесть бытия.

Всех чар бессильно обаянье,
И ни одной преграды нет.
Весь мир — недолгое мечтанье,
И радость — только созерцанье,
И разум — только тихий свет.
10 июля 1901

* * *

В паденье дня к закату своему
    Есть нечто мстительное, злое.
Не ты ли призывал покой и тьму,
    Изнемогая в ярком зное?
Не ты ль хулил неистовство лучей
    Владыки пламенного, Змия,
И прославлял блаженный мир ночей
    И звезды ясные, благие?

И вот сбылось, — пылающий поник,
    И далеко упали тени.
Земля свежа. Дианин ясный лик
    Восходит, полон сладкой лени.
И он зовет к безгласной тишине,
    И лишь затем он смотрит в очи,
Чтобы внушить мечту о долгом сне,
    О долгой бесконечной ночи.

* * *

Оргийное безумие в вине,
Оно весь мир смеясь колышет,

Но в трезвости и в мирной тишине
Порою то ж безумье дышит.

Оно молчит в нависнувших ветвях
И стережет в пещере жадной,
И, затаясь в медлительных струях,
Оно зовет в покой прохладный.

Порою, в воду мирно погрузясь,
Вдруг власть безумия признает тело,
И чуешь ты таинственную связь
С твоей душой губительного дела.

18 июня 1902

* * *

Я томился в чарах лунных,
Были ясны лики дивных дев,
И звучал на гуслях златострунных
Сладостный напев.

В тишине завороженной
От подножья недоступных гор
Простирался светлый и бессонный,
Но немой простор.

К вещей тайне, несказанной
Звал печальный и холодный свет,
И струился в даль благоуханный,
Радостный завет.

16 ноября 1899

* * *

Стремленье гордое храня,
Ты должен тяжесть побороть.
Не отвращайся от огня,
Сжигающего плоть.

Есть яд в огне; он — сладкий яд,
Его до капли жадно пей, —
Огни высокие горят
И ярче, и больней.

И как же к цели ты дойдешь,
Когда не смеешь ты гореть?
Все, что ты любишь, чем живешь,
Ты должен одолеть.

Пойми, что, робко плоть храня,
Рабы боятся запылать, —
А ты иди в купель огня
Гореть и не сгорать.

Из той купели выйдешь цел,
Омыт спасающим огнем...
А если б кто в огне сгорел,
Так что жалеть о нем!

13 июня 1901

* * *

Меня печаль заворожила, —
И как ее разворожить?

Томит, что прежде мною жило,
Что жадно хочет мною жить.

И вся земля моя страдает,
Томится весь ее простор, —
Здесь каждый ландыш увядает,
И угасает каждый взор.

Но где ж начало всех страданий?
Увы, во мне же их исток!
Не я ли сам хотел желаний!
Не я ли сам к себе жесток!

Но если я — творец томленья,
То что ж ропщу я, что тужу?
Блаженной правдой примиренья
Мою печаль разворожу, —

И по извилистым дорогам
Увижу правые пути, —
По крутоярам и по логам
Без утомления идти.
27 июня 1900

* * *

Ты не бойся, что темно.
Слушай, я тебе открою, —
Все невинно, все смешно,
Все божественной игрою
Рождено и суждено.

Для торжественной забавы
Я порою к вам схожу,

Собираю ваши травы,
И над ними ворожу,
И варю для вас отравы.

Мой напиток пей до дна.
В нем забвенье всех томлений;
Глубина его ясна,
Но великих утолений
Преисполнена она.

Вспомни, как тебя блаженно
Забавляли в жизни сны.
Все иное — неизменно,
Нет спасенья, нет вины,
Все легко и все забвенно.

14 июля 1902

* * *

В долгих муках разлученья
Отвергаешь ты меня,
Забываешь час творенья,
Злою карою забвенья
День мечтательный казня.

Что же, злое, злое чадо,
Ты ко мне не подойдешь?
Или жизни ты не радо?
Или множества не надо,
И отдельность — только ложь?

Не для прихоти мгновенной
Я извел тебя из тьмы,

14 Федор Сологуб-7

Чтобы в день, теперь забвенный,
Но когда-то столь блаженный,
Насладились жизнью мы.

В беспредельности стремленья
Воплотить мои мечты,
Не ушел я от творенья,
Поднял бремя воплощенья,
Стал таким же, как и ты.

11 июня 1903

* * *

Я слабею, я темнею,
Загореться мне невмочь,
Я тоскою — мглою вею,
День гашу, взываю ночь.

Но в ночи моей тревога, —
Шелестит мой темный сад,
И пылит моя дорога,
И ручьи мои шумят,

И моя больная дума,
В небе тусклая луна,
От раскаянья угрюма,
От бессилия бледна.

15 июня 1897

* * *

Я влюблен в мою игру.
Я играя сам сгораю,

И безумно умираю,
И умру, совсем умру.

Умираю от страданий,
Весь измученный игрой,
Чтобы новою зарей
Вывесть новый рой созданий.

Снова будут небеса, —
Не такие же, как ваши, —
Но опять из полной чаши
Я рассею чудеса.

27 декабря 1902

* * *

Порочный отрок, он жил один,
В мечтах и сказках его душа цвела.
В тоске туманной больных долин
Его подругой была ночная мгла.

Она вплетала в его мечты
И зной и холод, — отраву злых болот.
Очарованье без красоты!
Твои оковы никто не разорвет.

9 января 1902

* * *

Наслаждаяся любовью, лобызая милый лик,
Я услышал над собою и узнал зловещий клик.
И приникши к изголовью, обагренный жаркой кровью,
Мой двойник, сверкая взором, издевался над любовью.

Засверкала сталь кинжала, и кинжал вонзился в грудь,
И она легла спокойно, а двойник сказал: «Забудь.
Надо быть как злое жало, жало светлого кинжала,
Что вонзилось прямо в сердце, но, любя, не угрожало».
2 июля 1904

* * *

Не я воздвиг ограду,
Не мне ее разбить.
И что ж! Найду отраду
За той оградой быть.

И что мне помешает
Воздвигнуть все миры,
Которых пожелает
Закон моей игры.

Я призрачную душу
До неба вознесу, —
Воздвигну — и разрушу
Мгновенную красу.

Что бьется за стеною, —
Не все ли мне равно!
Для смерти лишь открою
Потайное окно.
23 сентября 1901

* * *

Если есть Иной,
Здесь иль там,

Ныне, в час ночной,
Явен стань очам.

Погасил я все светила,
И на ложе я возлег, —
Благовонный дым кадила
У моих клубится ног.
Я лежу в дыму курений,
Как бессильный бог.
Я не жду ничьих молений, —
Лишь тебя, мне чуждый гений,
Призываю в свой чертог.

Покажи свой лик,
Обрати свой взор
На меня!
Или нет владык
У пучин, у гор,
У огня?
Бьют, звенят ручьи,
Тучи воду пьют, —
Как же дни мои,
Для чего цветут?

Я возник из почвы дикой,
Я расцвел в недобрый час.
Для кого пылал костер великий,
Для чего угас?

Сквозь туманный дым кадила
Вижу я нездешние черты.
О, неведомая Сила,
О иной, о дивный, это ты!

Ничего вокруг не изменилось,
Но во мне все сделалось иным, —
Безглагольно-тайное открылось,
Тает жизнь моя, как дым.

Знаю я, что нет земного слова
Для Твоих безмолвных откровений,
Знаю я, что мне томиться снова
В рабстве тягостных сомнений,

И твое мгновенное явленье —
Призрак или свет,
Но спасен я в краткое мгновенье,
Все равно, — то было вдохновенье
Или бред.
13 апреля 1900

АЛМАЗ

Д.С. Мережковскому

Легкою игрою низводящий радугу на землю,
Раздробивший непреклонность слитных змиевых речей,
Мой алмаз, горящий ярко беспредельностью лучей,
Я твоим вещаньям вещим, многоцветный светоч, внемлю.

Злой дракон горит и блещет, ослепляя зоркий глаз.
Льется с неба свет его, торжественно прямой и белый,
Но его я не прославлю, — я пред ним поставлю смелый,
Ограненный, но свободный и холодный мой алмаз.

Посмотрите, — разбежались, развизжались бесенята,
Так и блещут, и трепещут, огоньки и угольки, —
Синий, красный и зеленый, быстры, зыбки и легки.
Но не бойтесь, успокойтесь, — знайте, наше место свято,

И простите бесенятам ложь их зыбкую и дрожь.
Злой дракон не знает правды и открыть ее не может.
Он волнует, и тревожит, и томленья наши множит,
Но в глаза взглянуть не смеет, потому что весь он — ложь.

Все лучи похитив с неба, лишь один царить он хочет.
Многоцветный праздник жизни он таит от наших глаз,
В яркой маске лик свой кроет, стрелы пламенные точит, —
Но хитросплетенье злое разлагает мой алмаз.

1 апреля 1904

* * *

Здесь, на этом перекрестке,
в тихий, чуткий час ночной
Ты стояла предо мною,
озаренная луной,
И, бессмертными словами
откровенье роковое
Повторяя, говорила,
что на свете только двое,
Что в созданье многоликом
только я и только ты
В споре вечном и великом
сплетены, но не слиты.

Обе темные дороги
в ожидании молчали.
Ночь внимала и томилась
от восторга и печали,
И в сиянье непорочном,
в полуночной тишине
Все дыханья, все желанья
возвращались вновь ко мне.

Только ты одна таилась,
не стремилась к нашей встрече,
Вещим снам противореча,
вечно близко и далече.

14 октября 1903

* * *

Водой спокойной отражены,
Они бесстрастно обнажены
При свете тихом ночной луны.
Два отрока, две девы творят ночной обряд,
И тихие напевы таинственно звучат.
Стопами белых ног едва колеблют струи,
И волны, зыбляся у ног, звучат как поцелуи.

Сияет месяц с горы небес,
Внимает гимнам безмолвный лес,
Пора настала ночных чудес.
Оставлены одежды у темного пути.
Свершаются надежды, — обратно не идти.
Таинственный порог, заветная ограда, —
Переступить порог, переступить им надо.

Их отраженья в воде видны,
И все движенья повторены
В завороженных лучах луны.
Огонь, пылавший в теле, томительно погас, —
В торжественном пределе настал последний час.
Стопами белых ног, омытыми от пыли,
Таинственный порог они переступили.

22 октября 1903

* * *

Угас дневной надменный свет,
Угомонились злые шумы, —
И наступает ваш рассвет,
Благие творческие думы.

Темнее сумрак за окном,
Светлее кроткая лампада.
В уединении ночном
Успокоение, отрада.

Преображается в мечтах
Дневное горькое томленье,
И все, что было злость и страх,
Теперь смиренное моленье,

Благоухая и звеня,
Восходит к Божьему престолу,
А тени суетного дня
Скользя, бледнея, никнут долу.

16 сентября 1898

* * *

Быть простым, одиноким,
Навсегда — иль надолго — уйти от людей,
Любоваться лишь небом высоким,
Лепетание слушать ветвей,
Выходить на лесные дороги
Без казны золотой, без сапог,
Позабыв городские чертоги
И толпу надоедливых, темных тревог.

Но на всякой тропинке
Кто-нибудь да идет
И в руках иль корзинке
Что-нибудь да несет.
Всюду крики, ауканье, речи,
И ребячий бессмысленный смех,
И ненужные, глупые встречи,
И бренчанье ненужных потех.
И одежды веригам подобны,
И деньгами оттянут карман,
И голодные нищие злобны,
И в домах притаился обман.

О, пустынная радость!
О, безлюдье далеких равнин!
Тишины безмятежная сладость,
И внимающий — только один.

Милый брат мой, вздымающий крылья
Выше леса и туч,
Из отчизны тупого бессилья
Унеси меня, сладкою мукой измучь...

11 июня 1902

* * *

Радость навек для тебя недоступна,
Напрасны одинокие мечты,
Не потому что ты преступна,
Не потому, что безумна ты.

Как ангел чистый и непорочный,
Утраченный небесною семьей,

Ты томишься звездой полуночной
Над преступной и безумной землей.

О, зачем в этом мире ужасном
Посреди этих злых людей
Томишься ты пламенем напрасным,
Забытая родиною своей!

24 декабря 1898

* * *

Склоняясь к смерти и бледнея,
Ты в красу небес вошла.
Как безнадежная лилея,
Ты, умирая, расцвела.

Такой красы наш мир не знает,
Ей подобает тишина,
Ее веселость не прельщает,
Ее не радует весна.

В ней — неземная благостыня,
В ней — вечной тайны благодать.
Она — нездешняя святыня,
Пред ней — склониться и молчать.

22 сентября 1898

* * *

Дни безрадостно-пустынны,
Верный спутник мой — тоска,
И она и я невинны,
Что свобода далека.

Для меня закон — смиренье,
Удаленье от борьбы
И безмолвное терпенье
В испытаниях судьбы.

Жизнь моя над суетою
Вознеслась, земле чужда,
Предначертанной стезею,
Непорочная звезда.

20 декабря 1898

* * *

Сквозь пыльный столб, как яркое мечтанье,
Пронизаны лучи.
Создатель мой, прости мое страданье,
И смеху научи.

Сухая пыль вздымается с дороги,
Каменья на пути.
Наскучило в медлительной тревоге
Невесть куда идти.

Томят меня, как знойное дыханье,
Небесные лучи.
Создатель мой, прости мое скитанье,
Покою научи.

9 июня 1901

* * *

Мечта далеких вдохновений,
Любовь к иному бытию,

Стреми вдали от воплощений
Твою эфирную ладью.

С моим болезненным томленьем
Святой тоски не сочетай.
Обрадуй призрачным явленьем
И, невозвратная, растай.

8 августа 1901

* * *

По тем дорогам, где ходят люди,
В часы раздумья не ходи, —
Весь воздух выпьют людские груди,
Проснется страх в твоей груди.

Оставь селенья, иди далёко,
Или создай пустынный край,
И там безмолвно и одиноко
Живи, мечтай и умирай.

19 июня 1902

* * *

В чародейном, темном круге,
все простив, что было днем,
Дал Я знак Моей подруге
тихо вспыхнувшим огнем.

И она пришла, как прежде,
под покровом темноты.
Позабыл я все вопросы,
и спросил я: «Кто же ты?»

И она с укором кротким
посмотрела на меня.
Лик ее был странно бледен
в свете тайного огня.

Вкруг нее витали чары
нас обнявшего кольца, —
И внезапно стал мне внятен
очерк близкого лица.
15 июля 1905

* * *

Венком из руты увенчали
Меня суровые печали, —
И охладела мысль моя,
В душе смирилася тревога,
Сужу отчетливо и строго,
Моей неправды не тая.

Не поклоняюсь я иному,
Ни богу доброму, ни злому,
Но и не спорю тщетно с ним:
Творцу ль сердиться на созданья?
Огню ль в минуту угасанья
Роптать на пепел и на дым?

Все благо, только это тело
В грехах и в злобе закоснело,
Но есть могила для него, —
И смерть бесстрастно я прославлю,
И так же все легко поправлю,
Как создал все из ничего.

* * *

Преодолел я дикий холод
Земных страданий и невзгод
И снова непорочно молод,
Как в первозданный майский год.

Вернувшись к ясному смиренью,
Чужие лики вновь люблю,
И снова радуюсь творенью,
И все цветущее хвалю.

Привет вам, небеса и воды,
Земля, движенье и следы,
И краткий, сладкий миг свободы,
И неустанные труды.

29 ноября 1904

* * *

Огонь, пылающий в крови моей,
Меня не утомил.
Еще я жду, — каких-то новых дней,
Восстановленья сил.

Спешу забыть все виденные сны
И только сохранить
Привычку к снам, — полуночной весны
Пылающую нить.

Все тихое опять окрест меня,
И солнце и луна, —
Но сладкого, безумного огня
Душа моя полна.

13 июня 1904

* * *

Все были сказаны давно
Заветы сладостной свободы, —
И прежде претворялись воды
В животворящее вино.

Припомни брак еврейский в Кане
И чудо первое Христа, —
И омочи свои уста
Водою, налитой в стакане.

И если верный ученик
В тебе воскреснет, — ток прозрачный
Рассеет сон неволи мрачной,
Ты станешь светел и велик.

Что было светлою водою,
То сердцем в кровь претворено.
Какое крепкое вино!
Какою бьет оно струею!

3 декабря 1904

* * *

От курослепов на полях
До ярко-знойного светила
В движеньях, звуках и цветах
Царит зиждительная сила.

Как мне не чувствовать ее
И по холмам, и по оврагам!
Земное бытие мое
Она венчает злом и благом.

Волной в ручье моем звеня,
Лаская радостное тело,
Она несет, несет меня,
Ее стремленьям нет предела.

Проснулся день, ликует твердь,
В лесу подружку птица кличет.
О, сила дивная, и смерть
Твоих причуд не ограничит!

22 ноября 1899

* * *

Яркой одет багряницей,
Гладко власы расчесав,
Тихо идет он с цевницей
Между увлаженных трав.

Очи отверстые кротки,
Как у невинных невест,
И на руке его четки,
И на груди его крест.

Шествует тихо в зеленом
Благоуханном саду.
Черным одетый хитоном,
Робко за ним я иду.

29 августа 1898

* * *

Целуйте руки
У нежных дев,

Широкий плащ разлуки
На них надев.

Целуйте плечи
У милых жен, —
Покой блаженной встречи
Им возведен.

Целуйте ноги
У матерей, —
Над ними бич тревоги
За их детей.

9 июля 1902

* * *

Не поверь лукавой лжи,
Не тужи, не ворожи,
        Покоряйся.
Что пропало, не вернешь,
Ждешь чего, то, верно, ложь,
        Не прельщайся.
Краток праздник бытия.
Жизнь твоя и не твоя, —
        Наслаждайся.

23 августа 1898

* * *

Твоя душа — кристалл, дрожащий
В очарованье светлых струй,
Но что ей в жизни предстоящей?
Блесни, исчезни, очаруй!

В очарованиях бессилен
Горящий неизменно здесь.
Наш дольний воздух смрадно-пылен,
Душе мила иная весь.

29 апреля 1902

* * *

Не люблю, не обольщаюсь,
Не привязываюсь к ним,
К этим горько-преходящим
Наслаждениям земным.

Как ребенок развлекаюсь
Мимолетною игрой
И доволен настоящим, —
Полднем радостным и тьмой.

3 июля 1896

* * *

Если невольно
Слезы польются из глаз,
В небо гляжу богомольно
В полуночный час.

Слезы печали
Звезд не затмят ни на миг.
Ясные звездные дали
Я сердцем постиг.

9 января 1898

* * *

Слышу голос милой,
Вижу милый лик.
Не моей ли силой
Милый лик возник?

Разве есть иное?
В тишине долин
Мы с тобой не двое, —
Я с тобой один.

Мне ль цветком измятым
К нежной груди льнуть!
Сладким ароматом
Мне, как прежде, будь.

25 июня 1900

* * *

Я дорогой невинной и смелою
Прохожу, ничего не тая.
Что хочу, то могу, то и делаю, —
Вот свобода моя.

Научитесь хотенью упорному,
Наберитесь ликующих сил,
Чтоб зовущий к пристанищу черному
Вас косой не скосил, —

И поверьте великим вещаниям,
Что свобода не ведает зла,
Что она только ясным желаниям
Силу жизни дала.

27 марта 1906

* * *

Я подарю тебе рубин, —
В нем кровь горит в моем огне.
Когда останешься один,
Рубин напомнит обо мне.

В нем кристаллический огонь
И металлическая кровь, —
Он тихо ляжет на ладонь
И обо мне напомнит вновь.

Весь окровавленный кристалл
Горит неведомым огнем.
Я сам его зачаровал
Безмолвным, неподвижным сном.

Не говорит он о любви,
И не любовь в его огне, —
В его пылающей крови
Ты вспомнишь, вспомнишь обо мне.

3 февраля 1906

* * *

Своеволием рока
Мы на разных путях бытия, —
Я печальное око,
Ты — веселая резвость ручья;

Я — томление злое,
Ты — прохладная влага в полях, —
Мы воистину двое,
Мы на разных, далеких путях.

Но в безмолвии ночи,
К единению думы склоня,
Ты закрой свои очи,
Позабудь наваждения дня, —

И в блаженном молчании
Ты постигнешь закон бытия, —
Все едино в создании,
Где сознанью возникнуть, там Я.

12 июня 1900

* * *

Околдовал я всю природу,
И оковал я каждый миг.
Какую страшную свободу
Я, чародействуя, постиг!

И развернулась без предела
Моя предвечная вина,
И далеко простерлось тело,
И так разверзлась глубина!

Воззвав к первоначальной силе,
Я бросил вызов небесам,
Но мне светила возвестили,
Что я природу создал сам.

7 ноября 1904

* * *

В последнем свете злого дня,
В паденье сил, в затменье бога,

Перед тобой Моя дорога.
Приди ко Мне, люби Меня.

В мирах все призрачно и тленно, —
Но вот Я заповедь даю,
Она навеки неизменна:
Люби Меня и жизнь Мою.

Я — все во всем, и нет Иного.
Во Мне родник живого дня.
Во тьме томления земного
Я — верный путь. Люби Меня.

20 января 1903

* * *

Не говори, что здесь свобода
И не хули Моих вериг, —
И над тобою, мать-природа,
Мои законы Я воздвиг.

Я начертал Мои законы
На каждом камне и стволе.
Звени, ручей, лобзая склоны,
Влачись по низменной земле.

Ласкайся к змею золотому,
Прозрачный пар, стремися ввысь,
Но к лону темному, земному
В свой срок послушно воротись.

Простора нет для своеволья, —
В свой срок и птицам и цветам

Я, жизнь им давший и раздолья,
В земле успокоенье дам.
15 июня 1902

* * *

Не кончен путь далекий.
Усталый, одинокий,
Сижу я в поздний час.
Туманны все дороги,
Роса мне мочит ноги,
И мой костер погас,
И нет в широком поле
Огня и шалаша...
Ликуй о дикой воле,
Свободная душа!

Все в этом темном поле
Одной покорно воле,
Вся эта ночь — моя!
И каждая былинка,
И каждая росинка,
И каждая струя, —
Все мне согласно внемлет,
Мечтой мое дыша.
В моем томленье дремлет
Всемирная душа.

Далек предел высокий.
Усталый, одинокий,
Над влажною золой,
Я сам собою светел, —
Я путь себе наметил

Не добрый и не злой, —
И нет в широком поле
Огня и шалаша...
Ликуй о дикой воле,
Свободная душа!

10 июля 1901

* * *

То не слезы, — только росы, только дождь.
Не раздумье, — только тени темных рощ,
И не радость, — только блещет яркий змей, —
Все же плакать и смеяться ты умей!
Плоть и в свете неподвижна и темна,
Над огнями бездыханна, холодна.
В темном мире неживого бытия
Жизнь живая, солнце мира — только Я.

3 января 1902

* * *

Благоухающий и бледный,
Ты ждал меня, мой ландыш бедный,
И без меня в тоске поблек,
А я замедлил на дороге,
И я, как ты, в немой тревоге,
В уединенье изнемог.

В больной тоске разъединенья
Влачились дней безумных звенья,
Я раскрывал за далью даль,
Мечтам не ставил я предела,

И над тобой отяготела
Моя холодная печаль.

В просветы листьев над тобою
Синел бездонной глубиною
Невозмутимый мой простор.
Я был безумным и жестоким,
И над тобой шатром высоким
Я смерть всемирную простер.

29 января 1903

* * *

Разъединить себя с другим собою, —
Великая ошибка бытия.
Здесь дышит все насильем и борьбою,
Дубравы шум, и ветра гул, и плеск ручья.
Разъединить себя с другим собою —
О, для чего придумал я!

И был я долго очарован
Моей печальною и лживою мечтой,
Нетленной цепью, временем, окован,
Пространством сжат, — могильною плитой.
И был я тяжко очарован
Многообразной и мгновенной красотой.

И наконец игра мне надоела, —
Пустая, тленная, напрасная игра.
Ниспали чары с творческого дела,
Развенчаны властители добра, —
Игра бесцельная мне надоела,
Соединить себя с другим собой пора.

15 июня 1902

* * *

Опьянение печали, озаренье тихих, тусклых свеч, —
Мы не ждали, не гадали, не искали на земле и в небе встреч.

Обагряя землю кровью, мы любовью возрастили те цветы,
Где сверкало, угрожая, злое жало безнадежной красоты,

И в пустынях терпеливых нами созданной земли
В напряжении мечтанья и желанья вдруг друг друга мы нашли,

Для печали и для боли, для безумия, для гроз...
Торжество безмерной воли, это Я тебя вознес.

* * *

На гибельной дороге
Последним злом греша,
В томительной тревоге
Горит моя душа.

Святое озаренье
Унылых этих мест,
Сияло утешенье,
Яснейшая из звезд.

Но, чары расторгая
Кругом обставших сил,
Тебя, надежда рая,
Я дерзко погасил.

И вот — подъемлю стоны,
Но подвиг мой свершу:
Бессмертные законы
Бесстрастно напишу.

Творенья не покину,
Но, все ко мне склоня,
Дам заповедь едину:
Люби, люби меня.

Венчан венцом терновым,
Несметные пути
Воздвигну словом новым,
Но все — ко Мне идти.

Настал конец утехам,
Страдать и мне пора, —
Гремят безумным смехом
Долина и гора.

Но заповедь едину
Бесстрастно я простер
На темную долину,
На выси гордых гор.
23 октября 1903

* * *

Я один в безбрежном мире, я обман личин отверг.
Змий в пылающей порфире пред моим огнем померк.

Разделенья захотел я и воздвиг широкий круг,
Вольный мир огня, веселья, сочетаний и разлук.

Но наскучила мне радость переменчивых лучей,
Я зову иную сладость, слитность верную ночей.

Темнота ночная пала, скрылась бледная луна,
И под сенью покрывала ты опять со мной одна.

Ты оставила одежды у порога моего.
Исполнение надежды — радость тела твоего.

Предо мною ты нагая, как в творящий первый час.
Содрогаясь и вздыхая, ты нагая. Свет погас.

Ласки пламенные чую, вся в огне жестоком кровь.
Весть приемлю роковую: «Ты один со мною вновь».
17 июня 1904

* * *

Поднимаю бессонные взоры
И луну в небеса вывожу,
В небесах зажигаю узоры
И звездами из них ворожу,

Насылаю безмолвные страхи
На раздолье лесов и полей
И бужу беспокойные взмахи
Окрыленной угрозы моей.

Окружился я быстрыми снами,
Позабылся во тьме и в тиши,
И цвету я ночными мечтами
Бездыханной вселенской души.
28 октября 1896

* * *

Я здесь один, жесток мой рок,
А ты покоишься далече, —
Но предуставлен Богом срок,
Когда свершиться нашей встрече.

В пыли томительных дорог
Окончив путь из веси дальной,
Ты станешь тихо на порог
Моей обители печальной.

В невозмутимой тишине,
К мерцанью свеч из мрака ночи
Ты подойдешь, потупив очи,
Ты ничего не скажешь мне.

Не засияют ярче свечи,
И за окном не дрогнет мрак,
И никакой для нашей встречи
Не будет явлен внешний знак.

Но, Божьим радуясь веленьям,
Согласованьям бытия,
Внезапным вспыхнет вдохновеньем
Душа усталая моя.

Так, верю я, — для дивной встречи
Предустановлен тайный срок.
Покойся ж, верный друг, далече,
Томи меня, жестокий рок!

26 ноября 1900

* * *

Обольщенья и печали,
Отойдите от меня.
Вы не раз меня венчали,
Чаровали, величали,
Слаще ночи, ярче дня.

Ваши ласки были жгучи,
Как лобзания бича, —
Но пора! Иные тучи
Надо мной, дорога круче, —
И к чертогу нет ключа.
11 мая 1904

* * *

Почему не подчиняться?
Почему не заблуждаться?
Есть ли где закон чужой?
И не я ли все объемлю, —
Небо, пламя, воду, землю,
Созидающей душой?

Наслажденья и мученья,
Заблужденья и прозренья,
Все свершаю только я,
Воздвигаю все стихии,
Все уделы роковые,
В самовольстве бытия.
9 июня 1898

* * *

Равно для сердца мило,
Равно волнует кровь
И то, что прежде было,
И то, что будет вновь,
И темная могила,
И светлая любовь.

А то, что длится ныне,
Что мы зовем своим,
В безрадостной пустыне
Обманчиво, как дым.
Томимся о святыне,
Завидуем иным.

6 июля 1902

* * *

Светлой предутренней грезой,
Очерком тонким и нежным,
Девственно-белою розой
Светится в сердце мятежном, —

Нет, не земною женою,
Нет, не из дольных селений!
Это — туманной порою
Небом потерянный гений.

2 декабря 1894

* * *

В светлый день похоронили
Мы склонившуюся тень.
Кто безгласен был в могиле,
Тот воскрес в великий день, —

И светло ликует с нами,
Кто прошел сквозь холод тьмы,
Кто измучен злыми снами
В темных областях зимы.

ИВАН-ЦАРЕВИЧ

Сел Иван-Царевич
На коня лихого.
Молвил нам Царевич
Ласковое слово:

«Грозный меч подъемлю,
В бой пойду я рано,
Заберу всю землю
Вплоть до океана».

Год проходит. Мчится
Вестник, воин бледный.
Он поспешно мчится.
Шлем иссечен медный.

«Сгибли наши рати
Силой вражьей злобы.
Кстати иль некстати,
Запасайте гробы.

Наш Иван-Царевич
Бился с многой славой».
— «Где ж Иван-Царевич?»
— «В битве пал кровавой».

3 декабря 1904

СОБОРНЫЙ БЛАГОВЕСТ

1

Давно в степи блуждая дикой,
Вдали от шумного жилья,

16 Федор Сологуб-7

Внезапно благовест великий,
Соборный звон услышал я.

Охвачен трепетным смятеньем,
Забывши тесный мой шалаш,
Спешу к проснувшимся селеньям,
Твержу: «Товарищи, я ваш!»

Унынье темное уснуло,
Оставил душу бледный страх, —
И сколько говора и гула
На перекрестках и путях!

2

Клеветники толпою черной
У входа в город нам кричат:
«Вернитесь! То не звон соборный,
А возмущающий набат».

Но кто поверит лживым кликам?
Кому их злоба не ясна,
Когда в согласии великом
Встает родимая страна?

3

В толпе благим вещаньям внемлют.
Соборный колокол велик,
Труды бесстрашные подъемлют
Его торжественный язык.

Он долго спал, над колокольней
Зловещим призраком вися,
Пока дремотой подневольной
Кругом земля дремала вся.

Свободный ветер бури дальней,
Порою мчась издалека,
Не мог разрушить сон печальный,
Колыша медные бока.

И лишь порою стон неясный
Издаст тоскующая медь,
Чтобы в дремоте безучастной
Опять бессильно онеметь.

Но час настал, запрет нарушен,
Разрушен давний тяжкий сон,
Порыву гордому послушен
Торжественно-свободный звон.

4

Слепой судьбе противореча,
Горит надеждами восток,
И праздник радостного веча,
Великий праздник, недалек.

Он куплен кровью наших братий,
Слезами матерей омыт,
И вопль враждующих проклятий
Его победы не смутит.

28 ноября 1904

ВРЕМЯ БИТВЫ

Наше злое время — время лютой битвы.
Прочь кимвал и лиру! гимнов не просите,
Золотые струны на псалтири рвите!
Ненавистны песни, ни к чему молитвы.

О щиты мечами гулко ударяя,
Дружно повторяйте клич суровой чести,
Клич, в котором слышен голос кровной мести,
Клич, в котором дышит сила огневая.

Песни будут спеты только после боя,
В лагере победы, — там огни зажгутся,
Там с гремящей лиры звуки понесутся,
Там польется песня в похвалу героя.

Над телами ж мертвых, ночью после сечи,
Будет петь да плакать только ветер буйный
И, плеща волною речки тихоструйной,
Поведет с лозою жалобные речи.
6 февраля 1890

ГИМНЫ РОДИНЕ

1

О Русь! в тоске изнемогая,
Тебе слагаю гимны я.
Милее нет на свет края,
О родина моя!

Твоих равнин немые дали
Полны томительной печали,
Тоскою дышат небеса,
Среди болот, в бессилье хилом,
Цветком поникшим и унылым,
Восходит бледная краса.

Твои суровые просторы
Томят тоскующие взоры

И души, полные тоской.
Но и в отчаянье есть сладость
Тебе, отчизна, стон, и радость,
И безнадежность, и покой.

Милее нет на свете края,
О Русь, о родина моя.
Тебе, в тоске изнемогая,
Слагаю гимны я.

2

Люблю я грусть твоих просторов,
Мой милый край, святая Русь.
Судьбы унылых приговоров
Я не боюсь и не стыжусь.

И все твои пути мне милы,
И пусть грозит безумный путь
И тьмой, и холодом могилы,
Я не хочу с него свернуть.

Не заклинаю духа злого
И, как молитву наизусть,
Твержу все те ж четыре слова:
«Какой простор! Какая грусть!»

3

Печалью, бессмертной печалью
Родимая дышит страна.
За далью, за синею далью
Земля весела и красна.

Свобода победы ликует
В чужой лучезарной дали,

Но русское сердце тоскует
Вдали от родимой земли.

В безумных, напрасных томленьях
Томясь, как заклятая тень,
Тоскует о скудных селеньях,
О дыме родных деревень.

6 апреля 1903

НЕУРОЖАЙ

Над полями ходит и сердито ропщет
Злой Неурожай,
Взором землю сушит и колосья топчет, —
Стрибог, помогай!

Ходит дикий, злобный, хлеб и мнет и душит,
Обошел весь край,
И повсюду землю гневным взором сушит, —
Стрибог, помогай!

Губит наших деток неподвижным взором
Злой Неурожай.
Голодом томимы, молим хриплым хором:
Стрибог, помогай!

11 октября 1894

* * *

Не доживу до светлых дней,
Не обрету тебя, свобода,
И вдохновенного народа
Я не увижу. В мир теней,

Как от пустого сновиденья,
Я перейду без сожаленья
И без тоски. Но все же я
Из темных недр небытия
Хотел бы встать на час единый, —
Перед всемирною кончиной
Изведать ясность жития.

25 февраля 1901

* * *

О, как мы слабы и ничтожны!
Мы и смеемся, и рыдаем.
Слова и взоры наши ложны,
И правды мы не знаем.

Блажен могучий и покорный.
В нем есть терпенье и решимость.
Пред светлым днем, пред ночью черной
Он сохранит невозмутимость.

11 декабря 1899

* * *

Розы битв жестоких
На полях далеких, —
Алой крови розы
На полях чужбины.

Матерей томленье,
Слезы и моленье, —
Льются, льются слезы,
Слезы злой кручины.

3 декабря 1904

ЖАРКИМ ЛЕТОМ

Безумно душен и тяжел
Горячий воздух. Лютый, красный,
Дракон качается, — напрасный
И безнадежный произвол.

Долину сонную объемлет
Изнемогающая лень,
И тишина в полях, и дремлет
        Лесная тень.

Не отдыхает в поле жница.
Ее бичует лютый зной.
Не раз невольною слезой
Ее увлажена ресница.

С серпом сгибается она,
Не видя грозных нив лазури, —
Но близость бури, милой бури
Ее томлению ясна...

И ярой бури ждет долина,
И неподвижно вся молчит,
И только робкая осина
Тихонько листьями дрожит.

14 декабря 1884

* * *

Ожиданья дни жестоки.
Истомилася любовь.
На враждующем востоке
Льется братьев наших кровь.

И, о мире воздыхая,
Слезно Господа моля,
Вся от края и до края
Стонет русская земля.

Слезы матери печальной!
Кто ведет вам поздний счет?
Кто стране многострадальной
Утешенье принесет?
3 декабря 1904

* * *

Для чего этой тленною жизнью болеть
И к утехам ее мимолетным стремиться?
Есть блаженство одно: сном безгрезным забыться
Навсегда, умереть.

Вот волна набежала на влажный песок,
Прошептала прощальный привет и разбилась;
Вот в далеком окошке потух огонек,
Вот звезда, догорая, скатилась.

В умиранье, в безропотном этом мельканье
Для души, безнадежно отравленной, есть
Благодатная тайна, — о вечном созданье
Вожделенная весть.
24 апреля 1894

* * *

Высоко я тебя поставил,
Светло зажег, облек в лучи,

Всемирной славою прославил, —
Но от склонений не избавил,
И в яркий жар твой я направил
Неотразимые мечи.

Горишь ли ты над небосклоном
Иль утомленный клонишь лик, —
Мои мечи с тяжелым звоном
Тебя разят, — и долгим стоном
Моим ответствуя законам,
Ты к алым областям приник.

И уж напрасно хочешь целым
Остаться ты, надменный Змей,
Святым, торжественным и белым, —
Я волю дал восстаньям смелым.
Стремись же к пламенным пределам,
И, тяготея, пламеней.

8 апреля 1904

* * *

Я печален, я грешен, —
Только ты не отвергни меня.
Я твоей красотою утешен
В озаренье ночного огня.

Не украшены стены,
Желтым воском мой пол не натерт, —
Я твоей не боюся измены,
Я великою верою тверд.

И на шаткой скамейке
Ты, босая, сидела со мной,

И в тебе, роковой чародейке,
Зажигался пленительный зной.

Есть у бедности сила, —
И печалью измученный взор
Зажигает святые светила,
Озаряет великий простор.

12 августа 1901

* * *

Как тучки в небе, в сердце тают
Желанья гордые мои,
И голоса мечты смолкают,
Как на рассвете соловьи.

Забыв надменные порывы,
Ловя попутную струю,
Стремлю в покойные заливы
Мою ладью, —

И там, где темной тенью ветел
Я буду кротко осенен,
Все то, чем душу я заботил,
Отвеет непробудный сон.

25 июня 1904

* * *

Тихая дорога
И над нею сосны.

Отдохнем немного,
Комары несносны.

Смотрят дети хижин
В тихом нетерпенье,
Но залив недвижен,
Лодки в отдаленье.

Видишь, — на закате
Тихо и багряно.
Стекла в дальней хате
Светятся румяно.
29 июля 1897

* * *

Птицы ранние чирикали, —
        Ты надела сарафан.
Не тебя ли это кликали
        За ночной туман?
Чуть прикрыта тканью тонкою,
        Без платка и босиком,
С песней радостной и звонкою,
        Ты проходишь под окном.

Над тобой ветвями сочными
        Зашумел зеленый сад, —
За мечтами непорочными
        Очи весело глядят.
Дали все еще туманятся,
        На траве еще роса, —
Щеки нежные румянятся,
        Развевается коса.
21 ноября 1897

* * *

Тропинка вьется,
Река близка,
И чья-то песня раздается
Издалека.

Из-за тумана
Струясь, горя,
Восходит медленно и рано
Моя заря,

И над рекою
Проходишь ты.
Цветут над мутной глубиною
Твои мечты.

И нет печали
И злых тревог, —
Росинки смехом задрожали
У милых ног.

14 января 1902

* * *

Прохладная забава, —
Скамейка челнока,
Зеленая дубрава,
Веселая река.

В простой наряд одета,
Сидишь ты у руля,
Ликующее лето
Улыбкою хваля,

Я тихо подымаю
Два легкие весла.
Твои мечты я знаю, —
Душа твоя светла.

Ты слышишь в лепетанье
Прозрачных, тихих струй
Безгрешное мечтанье,
Невинный поцелуй.

15 августа 1901

* * *

Прозрачный сок смолистый,
Застывший на коре.
Пронизан воздух мглистый
Мечтаньем о заре.

Скамейка у забора,
Далекий плеск реки.
Расстаться надо скоро...
Пожатие руки...

Ты скрылась в тень густую
В замолкнувшем саду.
Гляжу во мглу ночную,
Один в полях иду.

Застенчивой весною,
Стыдяся белых ног,
Не ходишь ты со мною
Просторами дорог.

Но только ноги тронет
Едва-едва загар,
Твой легкий стыд утонет
В дыханье вешних чар,

И в поле ты, босая, —
В платочке голова, —
Пойдешь, цветкам бросая
Веселые слова.

15 августа 1901

* * *

Опять заря смеяться стала,
Про ночь забыли небеса,
И переливно задрожала
На свежей зелени роса.

Ты гордый стыд преодолела,
Ты победила сонм тревог,
И пышных платьев не надела,
И не обула нежных ног.

Конец исканиям мятежным.
Один лишь путь, смиренный, прав,
К твоим ногам, в лобзанье нежном,
Приникли стебли тихих трав,

И свежесть утренней прохлады
Тебя, лаская, обняла.
Цветы душисты, птицы рады,
Душа свободна и смела.

9 июля 1902

* * *

Прикосновенье сочных трав
К твоим ногам и ласково и нежно.
Смиренный путь спасителен и прав,
А ты бежал его мятежно.

Теперь, спокойный и простой,
Ты вышел на простор и рад простору.
И небо так спокойно над тобой,
И так вся даль доступна взору.

27 октября 1907

* * *

Убитые камнем дороги жестоки.
Лесная прохлада, обвей, очаруй.
Кто вброд переходит лесные потоки,
Тот знает, как сладки лобзания струй.

Омытые ноги высоко открыты,
Целуя колени, ликует волна.
От света, от ветра не надо защиты,
Смеяться не станет в лесу тишина.

11 июля 1902

* * *

Вдали от скованных дорог,
В сиянии заката,
Прикосновеньем нежным ног
Трава едва примята.

Прохлада веет от реки
На знойные ланиты, —
И обе стройные руки
Бестрепетно открыты.

И разве есть в полях цветы,
И на небе сиянье?
Улыбки, шепот, и мечты,
И тихое лобзанье.

14 января 1902

* * *

Люби меня ясно, как любит заря,
Жемчуг рассыпая и смехом горя.
Обрадуй надеждой и легкой мечтой
И тихо погасни за мглистой чертой.

Люби меня тихо, как любит луна,
Сияя бесстрастно, ясна, холодна.
Волшебством и тайной мой мир освети,
Помедлим с тобою на темном пути.

Люби меня просто, как любит ручей,
Звеня и целуя, и мой, и ничей.
Прильни, и отдайся, и дальше беги.
Разлюбишь, забудешь, — не бойся, не лги.

14 июля 1904

* * *

Настало время чудесам.
Великий труд опять подъемлю.

17 Федор Сологуб-7

Я создал небеса и землю
И снова ясный мир создам.

Настало творческое время.
Земное бремя тлеет вновь.
Моя мечта, моя любовь
Восставит вновь иное племя.

Подруга-смерть, не замедляй,
Разрушь порочную природу
И мне опять мою свободу
Для созидания отдай.

21 января 1903

* * *

Жизнь проходит в легких грезах,
Вся природа — тихий бред, —
И не слышно об угрозах,
И не видно в мире бед.

Успокоенное море
Тихо плещет о песок.
Позабылось в мире горе,
Страсть погибла и порок.

Век людской и тих, и долог
В безмятежной тишине,
Но — зачем откинуть полог,
Если въявь как и во сне?

15 августа 1901

ЗМЕИНЫЕ ОЧИ

* * *

Лес, озаренный луною,
Ждет не дождется чудес.
Тени плывут над рекою.
Звезды сияют с небес.

В поле, в одежде туманной,
Ходит неведомый сон.
В сон, непонятный и странный,
Лес, как душа, погружен.
19 августа 1883

* * *

Под черемухой цветущей
Я лежал в июльский зной
И вероники ползущей
Цвет увидел голубой.

Стало весело. На небе ль,
На земле ли я, не знал.
Я сорвал ползучий стебель
И листки поцеловал,

И, покрыты волосками,
Были нежны те листки,
Словно я прильнул губами
К локтю девичьей руки.
6 июля 1884

* * *

Плеснула рыбка под водой,
И покачнулась там звезда.
Песок холодный и сырой,
А в речке теплая вода.

Но я купаться подожду, —
Слегка кружится голова, —
Сперва я берегом пройду.
Какая мокрая трава!

И как не вздрогнуть, если вдруг
Лягушка прыгнет стороной
Иль невзначай на толстый сук
Наступишь голою ногой!

Я не боюсь, но не пойму,
Зачем холодная трава,
И темный лес, и почему
Так закружилась голова.
22 июля 1884

* * *

Как согласно сердце бьется
С полуночной тишиной!

Как послушно подается
Прах дорожный подо мной!

Ночь светла, мне сны не снятся,
Я в полях иду босой.
Тихо травы серебрятся,
Брызжут на ноги росой.

Речка плещет и струится
Там за тихою горой,
Чтоб со мной повеселиться
Смехом, пляской да игрой.

Как отрадно окунуться,
Брызгать теплою водой!
Только ты не смей проснуться,
Водяной, старик седой!

26 июля 1884

* * *

Твоя печаль осенена
Сосною мрачной да березой.
К тебе лесная тишина
Прильнула с ласковою грезой.

Сегодня поутру лоза
Твое лобзала жадно тело,
А здесь — последняя слеза
С твоей щеки сейчас слетела.

И жгучий стыд, и боль, и страх
Уже забыты понемногу, —

Ручей звенит, и луг в цветах,
На воле ты, — и слава Богу.

13 июня 1885

* * *

Забелелся туман за рекой,
Этот берег совсем не высок,
И деревья стоят над водой,
И теперь я совсем одинок.

Я в кустах поищу хворостин,
И в костер их на берег сношу,
И под ними огонь воскрешу,
Посижу, помечтаю один.

И потом по теченью реки
Потихоньку пойду босиком, —
А завижу вдали огоньки,
Буду знать я, что близок мой дом.

27 июня 1885

* * *

Ночь усмирила меня,
Нет голосов и огней.
Только желанием дня
Будит мечты соловей.

Только пред тем, чтобы спать,
Полная светит луна.
Лечь-то я лег на кровать, —
Глаз не отвесть от окна.

Встал бы, пошел поскорей
Там, по траве, по сырой.
Нет, на подушке моей
Сон над моей головой.

5 августа 1886

* * *

В безмолвной пустыне,
Где жаркий песок и гранит,
Где небо безоблачно-сине,
Где жгучее солнце блестит,

Стоит под скалой одиноко
Забытая арфа и ждет,
Что ветер, примчась издалека,
Тихонько в струнах запоет.

Встречает пустыня нагая
Нагие, горючие дни.
Над арфой немой пролетая,
В ней звуков не будят они.

И ночи летят торопливо, —
На их молчаливый полет
Молчание смотрит ревниво
И струн им задеть не дает.

2 сентября 1886

ЗОЛУШКА

Радостно-чистый
Образ простой красоты,

Милый, как ландыш душистый, —
Это, смиренная, ты.

Вечно в загоне,
Вечно в тяжелых трудах.
Сестры — ленивые сони,
Дом у тебя на руках.

Чем тебе плотят?
Брань да попреки всегда,
А иногда поколотят!
Ты говоришь: не беда!

Только немного,
Если уж станет невмочь,
Плачешь, таясь у порога,
О, нелюбимая дочь.

Ясные глазки,
Золушка, вытри скорей,
Верь в исполнение сказки,
Жди утешительных дней.

Скоро хрустальный
Будет готов башмачок,
И повезут тебя в дальний,
Раззолочённый чертог.

Радостно-чистый
Образ простой красоты,
Милый, как ландыш душистый, —
Это, смиренная, ты.

8 января 1887

ВЫБОР

На перепутье бытия,
Томясь таинственной тревогой,
Стоял и долго думал я,
Какою мне идти дорогой.

И появились предо мной
Два духа: светлый дух мечтаний,
Сиявший горней белизной,
И строгий дух земных исканий.

Надежды радостной фиал
От духа нежного я взял,
И на фиале надпись: слава.
Не отрываясь, грезы пью, —
И вот холодная отрава
Сгущает быстро кровь мою.

Я вижу, выбор был ошибкой, —
И кубок падает, звеня,
А гений жизни от меня
Летит с презрительной улыбкой.
29 декабря 1888

* * *

Живи и верь обманам,
И сказкам, и мечтам.
Твоим душевным ранам
Отрадный в них бальзам.

И жизни переменной
Нектар кипучий пей,

Напиток сладко-пенный
Желаний и страстей.

За грани жизни дольной
Очей не устремляй
И мыслью своевольной
Природы не пытай.

Вещают тайну тени.
Для смелого ума
В них смертные ступени,
Предсказанная тьма.

О смертный, верь обманам,
И сказкам, и мечте,
Дивись мирским туманам,
Как вечной красоте.

28 марта 1889

* * *

Навек налажен в рамках тесных
Строй жизни пасмурной, немой.
Недостижимей звезд небесных
Свободной жизни блеск и зной.

Одной мечтою в час досуга
Я обтекаю вольный свет,
Где мне ни подвига, ни друга,
Ни наслаждений бодрых нет.

Томясь в завистливой печали,
Слежу задумчиво тогда,

Как выплывают из-за дали
Деревни, степи, города.

Мелькают лица, платья веют,
Смеются дети, солнце жжет,
Шумят стада, поля пестреют,
Несутся кони, пыль встает...

Ручья лесного нежный ропот
Сменяет рынка смутный гул.
Признания стыдливый шепот
В базарных криках потонул.

25 сентября 1890

* * *

Уйдешь порой из солнечной истомы
В лесной приют, —
Но налетают жалящие гномы,
И крови ждут.

Лесной тиран, несносная докука,
Комар-палач!
Твой тонкий писк томителен, как скука,
Как детский плач.

3 июля 1891

* * *

Голос наш ужасен
Нашим домовым;
Взор наш им опасен, —
Тают, словно дым.

И русалки знают,
Как мы, люди, злы, —
Вдалеке блуждают
Под защитой мглы.

Нечисть вся боится
Человечьих глаз
И спешит укрыться, —
Сглазим мы как раз.

15 августа 1891

* * *

Небо желто-красное зимнего заката,
Колокола гулкого заунывный звон...
Мысли, проходящие смутно, без возврата,
Сердца наболевшего неумолчный стон...

Снегом занесенные, улицы пустые,
Плачу колокольному внемлющая тишь...
Из окошка вижу я кудри дымовые,
Вереницы тесные деревянных крыш.

Воздух жгучим холодом чародейно скован.
Что-то есть зловещее в этой тишине.
Грустью ожидания разум очарован.
Образы минувшего снова снятся мне.

20 марта 1892

* * *

Вот у витрины показной
Стоит, любуясь, мальчик бедный.

Какой он худенький, и бледный,
И некрасивый, и больной!

Блестят завистливо и жадно
Его широкие глаза.
Порой сверкнет на них слеза,
И он вздыхает безотрадно.

Вот нагляделся он, идет.
Вокруг него шумит столица.
Мечтаний странных вереница
В душе встревоженной растет.

2 октября 1892

* * *

Я ждал, что вспыхнет впереди
Заря, и жизнь свой лик покажет
И нежно скажет:
«Иди!»

Без жизни отжил я и жду,
Что смерть свой бледный лик покажет
И грозно скажет:
«Иду!»

12 октября 1892

* * *

Вчера в бессилие печали
Я был угрюмо погружен, —
Докучные слова звучали
И чьи-то тяжкие шаги.

Из-за угла за мной следили
Глаза неутомимых жен,
За мной по улицам ходили
Неумолимые враги.
1 ноября 1892

* * *

Настроений мимолетных
Волны зыбкие бегут
И стремлений безотчетных
Пену мутную несут.

Сменой их нетерпеливой
Как душа утомлена!
Как тревогою ревнивой
О промчавшемся полна!

Лаской, негой, песней звучной,
О волшебница любовь,
Задержи полет докучный
Исчезающих часов!

Оборви рукою нежной
Ту связующую нить,
Что из сердца в мир безбрежный
Я, безумец, вздумал свить!

Отгони своим дыханьем
Звуки жизни, жизни сны,
И повей очарованьем
Расцветающей весны.

Очаруй мой дух унылый,
Утомленный и больной,
Грезой девственной и милой,
Небледнеющей мечтой.

31 декабря 1892

* * *

...Не рождена притворством
Больная песнь моей тоски:
Ее жестокие тиски
Ни трудовым моим упорством,
Ни звонкой радостью весны
Не могут быть побеждены.

Ее зародыши глубоки,
Ее посеяли пороки,
И скорбь слезами облила,
И солнце правды беспощадной
Дарует жизни безотрадной
Довольно света и тепла.

13 мая 1893

* * *

Цветы роняют вешний аромат,
Слова теряют смысл первоначальный.
Сменился юный пыл досадою печальной,
И песни прежние докучливо звучат, —

И лишь позор нагого преступленья
        Заманчив, как всегда,

18 Федор Сологуб-7

И сладко нам немое исступленье
    Безумства и стыда.

4 августа 1893

* * *

Полон дикими мечтами,
Устремил я взоры в твердь,
Где лазурными очами
И блестящими лучами
Улыбается мне смерть.

Там прозрачно тучи тают,
Там покорно и мертво,
Там багряно умирают
Грезы сердца моего.

На лицо мое упали
Беспощадные лучи, —
Как могучий вопль печали,
Безотрадно горячи.

Укоризненно и строго
Ими смерть мне шлет отказ:
«Жди, — не кончена дорога,
Не настал еще твой час».

Вся горит и вся сверкает
Залитая солнцем твердь,
Где в пустой дали сияет
Утешительница-смерть.

29 августа 1893

* * *

Сладко мечтается мне,
Слабо мерцает лампада,
Тени скользят по стене,
Тихо мечтается мне
Тайная сердцу услада.

Рядом со мной ты опять, —
Я ль не отдамся отраде?
Сладко с тобой мне мечтать,
Сердце трепещет, — опять
Радость в потупленном взгляде.

14 сентября 1893

* * *

В пути безрадостном, среди немой пустыни
Предстала предо мной
Мечта порочная, принявши вид богини
Прекрасной и нагой.

Рукою нежной разливала
Из тонкого фиала
Куренья дымные она,
И серебристо обвивала
Ее туманная волна,

И, где она ногою голой
Касалася сухой земли,
Там грешные цветы толпой веселой
Бесстыдные, пахучие цвели.

И, предо мной склонившись, как рабыня,
Она меня к греху таинственно звала, —
И скучной стала мне житейская пустыня,
И жажда дел великих умерла.

5 декабря 1893

* * *

Нет, не любовь меня влекла,
Не жажда подвига томила, —
Мне запрещенный рай сулила
Царица радостного зла.

Окружена зловещей дымкой
Порочных снов и злых страстей,
Она сошла к душе моей
Ожесточенной нелюдимкой,

И научила презирать
Людские скучные забавы,
И чары тайные вкушать,
Благоуханные отравы.

Восторгов тщетных, грез ночных
Струи кипучие так сладки, —
Но в сердце копятся от них
Противно-горькие осадки.

22 декабря 1893

* * *

Мы поздно встретились. Веселости чужда
Моя душа, пропитанная ядом

Порочных дум, и чувств, и тайного стыда,
И жажды злых страстей с позором их и чадом.

Мы поздно встретились. Отрадные слова
Я позабыл давно, как детский сон неясный,
К душе коснувшийся едва,
К душе и суетной и страстной.

Ты — юная, ты — резвая, — но ты
Смутишься пред моей томительною страстью,
Ты не поймешь моей мучительной мечты,
К иному устремишься счастью.

21 января 1894

* * *

О смерть! я твой. Повсюду вижу
Одну тебя, — и ненавижу
Очарования земли.
Людские чужды мне восторги,
Сраженья, праздники и торги,
Весь этот шум в земной пыли.

Твоей сестры несправедливой,
Ничтожной жизни, робкой, лживой,
Отринул я издавна власть.
Не мне, обвеянному тайной
Твоей красы необычайной,
Не мне к ногам ее упасть.

Не мне идти на пир блестящий,
Огнем надменным тяготящий
Мои дремотные глаза,

Когда на них уже упала,
Прозрачней чистого кристалла,
Твоя холодная слеза.

12 июня 1894

* * *

Сад чародейных прохлад
    ароматами сладкими дышит.
Звонко смеется фонтан
    и серебряный веер колышет.
Зыблется тихо гамак,
    призакрытый отрадною тенью.
Дева, качаясь, лежит,
    убаюкана счастьем и ленью.

Прутья решетки стальной
    над кремнистой дорогою блещут.
Пыльные вихри встают,
    и полуденной злобой трепещут.
К прочной решетке прильнул
    и задумался юноша кроткий.
Грустен и труден твой путь
    перед сомкнутой крепко решеткой.

24 июня 1894

* * *

Багряный вечер в сердце воздвигал
    Алтарь кручины,
И флером грусти тихо обвивал
    Простор долины.

Стояли клены в тяжком забытьи,
Цветы пестрели,
С травой шептались ясные ручьи,
Струясь без цели.

Над нивой, над рекой обрывки туч
Скользя бежали,
И золотил их ко́ймы поздний луч
Зарей печали.

12 июля 1894

* * *

Уныло плавала луна
В волнах косматых облаков,
Рыдала шумная волна
У мрачных берегов.

Уныло ветер завывал,
Качая ветви гибких ив, —
На мягких крыльях сон летал,
Тревожен и пуглив.

13 июля 1894

* * *

Васильки на полях ослезились росой, —
Васильки твоих глаз оросились слезой.

Пробежал ветерок по румяным цветам, —
Пробежала улыбка по алым губам.

И улыбка, и слезы, — и смех, и печаль, —
Миновавшей весны благодатная даль!
24 июля 1894

* * *

Мы устали преследовать цели,
На работу затрачивать силы, —
Мы созрели
Для могилы.

Отдадимся могиле без спора,
Как малютки своей колыбели, —
Мы истлеем в ней скоро,
И без цели.
28 сентября 1894

* * *

О царица моя! Кто же ты? Где же ты?
По каким заповедным иль торным путям
Пробираться к тебе? Обманули мечты,
Обманули труды, а уму не поверю я сам.

Молодая вдова о почившем не может, не хочет скорбеть.
Преждевременно дева все знает, — и счастье ее не манит.
Содрогаясь от холода, клянчит старуха и прячет истертую медь.
Замирающий город туманом и мглою повит.
Умирая, томятся в гирляндах живые цветы.
Побледневший колодник сбежавший прилег отдыхая в лесу у ручья.

Кто же ты,
Чаровница моя?

О любви вдохновенно поет на подмостках поблекший певец.
Величаво идет в равнодушной толпе молодая жена.
Что-то в воду упало, — бегут роковые обломки колец.
Одинокая, спешная ночь и трудна, и больна.

Сколько странных видений и странных, недужных тревог!
Кто же ты, где же ты, чаровница моя?
Недоступен ли твой светозарный чертог?
Или встречу тебя, о царица моя?

20 октября 1894

* * *

Утро ласковое звонко.
Веет легкий воздух тонко
У склоненного чела,
И тоска души пугливой
В этой ласке шаловливой
Лучезарно умерла.

Ты воскреснешь скоро, злая.
Минет краткий праздник мая,
Яркий змей на небесах
Надо мною в полдень станет,
Грудь мне стрелами изранит, —
Ты придешь в его лучах.

23 декабря 1894

* * *

Думы черные лелею,
Грустно грежу наяву,
Темной жизни не жалею,
Ткани призрачные рву,

Ткани юных упований
И туманных детских снов;
Чуждый суетных желаний,
Умереть давно готов.

Грустно грежу, скорбь лелею,
Паутину жизни рву
И дознаться не умею,
Для чего и чем живу.

21 марта 1895

* * *

Многоцветная ложь бытия,
Я бороться с тобой не хочу.
Пресмыкаюсь томительно я,
Как больная и злая змея,
И молчу, сиротливо молчу.

У подножья нахмуренных скал,
По расселинам мглисто-сырым
Мой отверженный путь пролегал.
Там когда-то я с верой внимал
Голосам и громам роковым.

А теперь, как больная змея,
По расселинам мглисто-сырым

Пробираюсь медлительно я.
Многоцветная ложь бытия,
Я отравлен дыханьем твоим.
5 апреля 1895

* * *

Ландыш вдали от ручья,
Сердце твое томится и вянет.
Знай, дитя, что улыбка твоя
Не обманет.

Поздних цветов аромат,
Леса осенние краски.
Грустят улыбки, и грустят
Светлые глазки.

Отнята от раздолья морей,
Морская царевна на суше.
Душа твоя света светлей,
Изранена о грубые души.
14 мая 1895

* * *

На серой куче сора,
У пыльного забора,
На улице глухой
Цветет в исходе мая,
Красою не прельщая,
Угрюмый зверобой.

В скитаниях ненужных,
В страданиях недужных,

На скудной почве зол,
Вне светлых впечатлений
Безрадостный мой гений
Томительно расцвел.

26 мая 1895

* * *

Дорогие наряды,
Искрометные камни и розы,
Но какие суровые взгляды,
И какие в них злые угрозы!

В эту ночь опьяненья
Ты опять, ты опять предо мною
С непреклонным укором презренья,
С недосказанной былью больною.

Для чего истомила
Ты загадкой меня невозможной
И желанья мои отравила
Ворожбой непонятной и ложной?

Проклинаю немую
Безучастность лица неземного
И смотрю на тебя, роковую,
Ожидая последнего слова.

24 августа 1895

* * *

Былые надежды почили в безмолвной могиле...
Бессильные страхи навстречу таинственной силе,

Стремленье к святыне в безмолвной пустыне,
И все преходяще, и все бесконечно,
И тайна всемирная ныне
И вечно...

В тяжелом томленье мгновенные дети творенья.
Томятся неясным стремленьем немые растенья,
И голодны звери в лесах и в пустыне,
И все преходяще, и все бесконечно,
И муки всемирные ныне
И вечно.

3 сентября 1895

* * *

Нет, не одно только горе, —
Есть же на свете
Алые розы, и зори,
И беззаботные дети.

Пусть в небесах догорают
Зори так скоро,
Пусть наши розы роняют
Скоро уборы,

Пусть омрачаются рано
Властию зла и обмана
Детские взоры, —
Розы, и зори, и дети
Будут на пасмурном свете.

24 сентября 1895

* * *

В беспредельности пространства
Где-то есть земля иная,
И на ней моя невеста,
К небу очи подымая,

Как и я же, ищет взором
Чуть заметного светила,
Под которым мне томиться
Участь горькая судила.

26 ноября 1895

* * *

На гулких улицах столицы
Трепещут крылья робких птиц,
И развернулись вереницы
Угрюмых и печальных лиц.

Под яркой маской злого света
Блестит торжественно глазет.
Идет, вся в черное одета,
Жена за тем, кого уж нет.

Мальчишки с песнею печальной
Бредут в томительную даль
Пред колесницей погребальной,
Но им покойника не жаль.

28 января 1896

* * *

Вдали, над затравленным зверем,
Звенит, словно золотом, рог.

Не скучен боярыне терем,
И взор ее нежен и строг.

Звенит над убитым оленем,
Гремит торжествующий рог.
Коса развилась по коленям,
И взор и призывен, и строг.

Боярин стоит над добычей,
И рог сладкозвучен ему.
О женский лукавый обычай!
О сладкие сны в терему!

Но где же, боярин, твой кречет?
Где верный сокольничий твой?
Он речи лукавые мечет,
Целуясь с твоею женой.

1 февраля 1896

* * *

Вывески цветные,
Буквы золотые,
Солнцем залитые,
Магазинов ряд
С бойкою продажей,
Грохот экипажей, —
Город солнцу рад.

Но в толпе шумливой,
Гордой и счастливой,
Вижу я стыдливой,
Робкой нищеты

Скорбные приметы:
Грубые предметы,
Темные черты.

18 марта 1896

* * *

Невнятною, темною речью
Мне кто-то коварно открыл
И злобную ложь человечью,
И правду таинственных сил.

Страшна мне неправда людская,
Страшны и вершины святынь, —
Иду я один, убегая
В безмолвие тайных пустынь.

2 июля 1896

* * *

Из-за тумана ночного
Встал, подымаюсь я снова
Тихой и бледной луной.
На землю сею сиянья,
Чары, и сны, и мечтанья,
Всем утомленным покой.

За день устал я смеяться,
Солнцем к земле разливаться,
Все веселить и живить.
Кроткою буду луною
Всех к тишине и покою,
Сам засыпая, манить.

2 августа 1896

* * *

Усмиривши творческие думы,
К изголовью день мой наклоня,
Погасил я блеск, огни и шумы,
Все, что здесь не нужно для меня.

Сквозь полузакрытые ресницы
Я в края полночные вхожу
И в глаза желанной Царь-Девицы
Радостно гляжу.

17 августа 1896

* * *

Во мне молитва рождена
Полночной тишиною
И к небесам вознесена
Томительной луною.

Молитва тихая во мне
Туманом белым бродит
И в полуночной тишине
К моим звездам восходит.

13 октября 1896

* * *

Какой-то хитрый чародей
Разъединил мое сознанье
С природою моей, —
И в этом все мое страданье.

19 Федор Сологуб-7

Но если дремлет он порой
        И колдовство оставит,
Уже природа не лукавит,
Не забавляется со мной.

        Послушна и правдива,
Она приблизится ко мне.
В ее бездонной глубине
Я вижу девственные дива.

20 октября 1896

* * *

Блуждали молитвы мои
По росистым тропинкам земли,
И роптали они, как ручьи,
И кого-то искали вдали.

И думы мои холодели,
Как грезы в монашеской келье,
И грезы, как звезды, блестели,
В лазурном и ясном веселье.

24 октября 1896

* * *

Помню я полдень блаженный
В тихом преддверье весны, —
В сердца моем загорелось
Солнце нетленной страны.

Пали докучные грани, —
Я восходил до небес,

Был несказанно прекрасен
День торжества и чудес.

25 октября 1896

* * *

Надо мною жестокая твердь,
Предо мною томительный путь,
А за мною лукавая смерть
Все зовет да манит отдохнуть.

Я ее не хочу и боюсь,
Отвращаюсь от злого лица.
Чтоб ее одолеть, я стремлюсь
Расширять бытие без конца.

Я — царевич с игрушкой в руках,
Я — король зачарованных стран.
Я — невеста с тревогой в глазах,
Богомолкой бреду я в туман.

14 декабря 1896

* * *

Для кого прозвучал
Мой томительный голос?
Как подрезанный колос,
Я бессильно упал.

Я прошел по земле
Неразгаданной тайной,
И как свет не случайный
В опечаленной мгле.

Я к Отцу возвращаюсь,
Я затеплил свечу,
И ничем не прельщаюсь,
Ничего не хочу.

Мой таинственный голос
Для кого прозвучал?
Как подрезанный колос,
Я на землю упал.

Я не слышу ответа,
Одинокий иду
И от мира не жду
Ни привета, ни света.

Я затеплил свечу
И к Отцу возвращаюсь,
Ничего не хочу
И ничем не прельщаюсь.

14 января 1897

* * *

Побеждайте радость,
Презирайте смех.
Все, в чем только сладость,
Все — порок и грех.
Побеждайте радость,
Подавляйте смех.

Кто смеется? Боги,
Дети да глупцы.

Люди, будьте строги,
Будьте мудрецы,
Пусть смеются боги,
Дети да глупцы.

Мир над чем смеется
И зачем смешит?
Все, что вознесется,
Запятнать спешит.
Темное смеется,
Скудное смешит.

Побеждайте радость,
Презирайте смех.
Где одна лишь сладость,
Там порок и грех.
Подавляйте радость,
Побеждайте смех.

27 января 1897

* * *

Вечер мирный наступил.
День за рощею почил,
В роще трепетная мгла
И прозрачна, и светла.
Из далекой вышины
Звезды первые видны.
Между небом и землей
За туманною чертой
Сны вечерние легли,
Сторожа покой земли.

8 апреля 1897

* * *

Живы дети, только дети, —
Мы мертвы, давно мертвы.
Смерть шатается на свете
И махает, словно плетью,
Уплетенной туго сетью
Возле каждой головы.

Хоть и даст она отсрочку, —
Год, неделю или ночь,
Но поставит все же точку
И укатит в черной тачке,
Сотрясая в дикой скачке,
Из земного мира прочь.

Торопись дышать сильнее,
Жди, — придет и твой черед.
Задыхайся, цепенея,
Леденея перед нею.
Срок пройдет, — подставишь шею, —
Ночь, неделя или год.

15 апреля 1897

* * *

Придешь ли ты ко мне, далекий, тайный друг?
Зову тебя давно. Бессонными мечтами
Давно замкнулся я в недостижимый круг, —
И только ты один, легчайшими руками
Ты разорвешь его, мой тайный, дальний друг

Я жду, и жизнь моя темна, как смутный бред.
Толпятся чудища перед заветным кругом,

И мне грозят они, и затмевают свет,
И веют холодом, печалью да испугом.
Мне тяжко без тебя, вся жизнь моя как бред.

Сгорает день за днем, за ночью тлеет ночь, —
Мерцает впереди непостижимым светом
Гора, куда взойти давно уж мне невмочь.
О милый, тайный друг, поверь моим обетам
И посети меня в тоскующую ночь.

15 июня 1897

* * *

Ускользающей цели
Обольщающий свет,
И ревнивой метели
Угрожающий бред...

Или время крылато?
Или сил нет во мне?
Все, чем жил я когда-то,
Словно было во сне.

Замыкаются двери, —
И темнеет кругом, —
И утраты, потери,
И бессильно умрем.

Истечение чую
Холодеющих сил
И тоску вековую
Беспощадных могил.

15 июня 1897

* * *

Не стоит ли кто за углом?
Не глядит ли кто на меня?
Посмотреть не смею кругом
И зажечь не смею огня.

Вот подходит кто-то впотьмах,
Но не слышны злые шаги.
О, зачем томительный страх?
И к кому воззвать: помоги?

Не поможет, знаю, никто,
Да и чем и как же помочь?
Предо мною темнеет ничто,
Ужасает мрачная ночь.

18 декабря 1897

* * *

Пышен мой город и свят
Мраморным и золотым.
Нега роскошная вся
Так недоступна чужим.

Мимо суровых людей,
Мимо закрытых ворот,
Не подымая очей,
Отрок усталый идет.

Рваное платье в пыли,
Ноги изранены в кровь.
Бедное чадо земли!
Скудная наша любовь!

Что же любовь призывать
По каменистым путям!
Дальше, туда, где трава
Тихо приникнет к ногам.

23 декабря 1897

* * *

Я верю в творящего Бога,
В святые заветы небес
И верю, что явлено много
Безумному миру чудес.

И первое чудо на свете,
Великий источник утех —
Блаженно-невинные дети,
Их сладкий и радостный смех.

30 декабря 1897

* * *

Он темен и суров, — и взор его очей,
Пугая чистых дев и радостных детей,
Прельщает зрелых жен и отроков порочных
Тревожит в сонной мгле мечтаний полуночных.

В очах его тоска, и бледен цвет лица.
Потупит очи он, — похож на мертвеца.
Черты его лица смешны и безобразны, —
Но им волнуют жен и отроков соблазны.

4 января 1898

* * *

Она зарей ко мне пришла, —
Взглянула, засияла, —
Лаская нежно, обняла
И долго целовала.

И повела потом она
Меня из дома рано,
Едва была озарена
Туманная поляна.

И все пред нею расцвело,
И солнце восходило,
И неожиданно светло
И весело мне было.

Она показывала мне
На небе и в долине,
Чего я даже и во сне
Не видывал доныне.

И улыбаясь, и дивясь,
Она ко мне склонилась.
Заря в лице моем зажглась,
И сердце быстро билось.

Ее созвучные слова
Мне слушать было ново.
Шептали что-то мне трава,
И воздух, и дуброва.

Ручьи у ног моих текли
И звучно лепетали,

И вихри пыльные вдали
Кружились и плясали.

И весь лежащий предо мной
Под солнцем круг огромный
Едва лишь только пред зарей
Возник из ночи темной.

Приди опять ко мне скорей!
Ты мне всего желанней.
В просторы новые полей
Веди порою ранней,

Чтобы опять увидеть мне
На небе и в долине,
Чего в окрестной стороне
Я не видал доныне.

5 января 1898

* * *

Окно царица-небылица
Открыла в тереме своем.
Мелькнула быстрая зарница,
И прокатилась колесница.
Ее возница — дальний гром.

Наводит птичий грай истому,
Докучный грай вороньих стай.
О, поспешай, как птица, к дому,
Гробниц и лиц не замечай.

6 января 1898

* * *

Любит ночь моя туманы,
Любит бледный свет луны,
И гаданья, и обманы,
И таинственные сны.

Любит девушек веселых
Вдруг влюбить в свою луну,
И русалок любит голых,
Поднимающих волну.

И меня немножко любит, —
Зазовет меня к луне,
Зацелует, и погубит,
И забудет обо мне.

2 июня 1898

* * *

Давно стараюсь, и напрасно,
Поработить себя уму.
Смиряться сердце не согласно,
Нет утоления ему.

А было время, — простодушно,
Хоть и нелепо, жизнь текла,
И сердцу вольному послушна
Мысль раболепная была.

Ты в тайне зрела, возрастала,
Ты извивалась, как змея, —
О мысль моя, ты побывала
На всех просторах бытия.

И чем меня ты обольстила?
К чему меня ты увлекла?
Ты ничего мне не открыла
И много, много отняла.

Восходит солнце, как и прежде,
И светит нежная луна,
И обаятельной надежде
Душа бессмертная верна,

И ясен путь мне, путь мой правый,
Я не могу с него свернуть, —
Но неустанно ум лукавый
Хулит единый правый путь.

О, если б бурным дуновеньем
Его коварство разнесло,
И всепобедным вдохновеньем
Грозу внезапную зажгло!

О, если б огненные крылья!
О, если б в буйстве бытия,
Шипя от злобы и бессилья,
Сгорела хитрая змея!

10 июня 1898

* * *

В его саду растет рябина.
В его дому живет кручина.
На нем изношенный кафтан.
Глаза окутаны туманом,
Как будто налито шафраном
Лицо, и согнут тощий стан.

Надежда милая убита,
И что от бед ему защита?
Терпеть судьба ему велит.
Перед его печальной хатой,
Враждебной властию заклятой,
Рябина горькая стоит.

4 августа 1898

* * *

Чего недоставало
Судьбе моей доныне,
Отныне близко стало
И ярко засияло
В моей немой пустыне.

На россыпях песчаных
Цветут внезапно крины,
И в одеяньях рдяных
Гонцы из стран багряных
Примчались на долины.

23 августа 1898

* * *

Какая тягостная встреча!
Какая грусть и суета!
Зачем, судьбе противореча,
Ты все борьбою занята?

Нерасторжимы эти звенья.
Тебе навеки быть рабой.

Лежат же тяжкие каменья
Покорно в гулкой мостовой, —

Не прекословят же ступени,
Когда, всходя от сени к сени
Иль нисходя, по ним идут, —
Не прекословит лист дрожащий,
Когда рукою злой и мстящей
Его с другими с ветки рвут.

О, покорись, пока не поздно,
Пока не минул ясный день,
Пока на дол не пала грозно
Всеусмиряющая тень.

28 августа 1898

* * *

На улицах пусто и тихо,
И окна, и двери закрыты.
Со мною — безумное Лихо,
И нет от него мне защиты.

Оградой железной и медной
Замкнулся от нищих богатый.
Я — странник унылый и бледный,
А Лихо — мой верный вожатый.

И с ним я расстаться не смею.
На улицах пусто и тихо.
Пойдем же дорогой своею,
Косматое, дикое Лихо!

29 августа 1898

* * *

Исхудалый и усталый,
Он идет один в пустыню.
Ищет, бледный и усталый,
Сокровенную святыню.

Знает он, — в пустыне скудной
Есть источник говорливый,
Он поет пустыне скудной
О стране, всегда счастливой.

Возле самого истока
Положил пророк скрижали.
Струи светлого потока
Много лет их целовали.

Над скрижалями поставил
Он сосуд священный с миром.
Он тому его оставил,
Кто придет с душевным миром,

Склонит радостно колени
И рукою дерзновенной
На себя, склонив колени,
Изольет елей священный.

13 сентября 1898

* * *

Белый ангел надо мною,
И бескровные уста
Безмятежной тишиною
Исповедуют Христа.

Ангел жжет полночный ладан.
Я — кадило перед ним.
И в цепях моих разгадан
Дым кадильный, тихий дым, —

Возношенье, воздыханье
У спасающих икон,
Свеч отрадное мечтанье,
Утешительный канон.

13 сентября 1898

* * *

Томленья злого
На сердце тень, —
Восходит снова
Постылый день,
Моя лампада
Погасла вновь,
И где отрада?
И где любовь?

Рабом недужным
Пойду опять
В труде ненужном
Изнемогать.
Ожесточенье
Проснется вновь,
И где терпенье?
И где любовь?

16 сентября 1898

20 Федор Сологуб-7

* * *

В моей лампаде ясный свет
Успокоенья,
Но все грехам прощенья нет,
Все нет забвенья.

Нисходит в сердце тишина,
Мне чужды битвы,
И жизнь безрадостно ясна,
Но нет молитвы.

Я на тебя с тоской гляжу,
Моя икона,
И невнимательно твержу
Слова канона.

О, помолись же за меня,
Моя усталость,
Ко мне молитвой преклоня
Господню жалость.

19 сентября 1898

* * *

В глубокий час молчания ночного
Тебе я слово тайное шепну.
Тогда закрой глаза, и снова
Увидишь ты мою страну.

Доверься мне опять, иди за мною,
На здешний мир не поднимая глаз,
Пока, объятый тихой мглою,
Полночный светоч не угас, —

И все, о чем душа твоя томится
И для чего не надо слез и слов,
 Перед тобою загорится
 В ночной стране безмолвных снов.

24 сентября 1898

* * *

Торжественной праздности чадо,
Утеха лачуг и палат,
Смеяться и плакать ты рада,
Созвучья бы только да лад.

Тебе ль не дарована сила!
Тебе ль не покорна весна!
Ты все зажигаешь светила,
А ночь холодна и темна.

28 сентября 1898

* * *

Я умираю не спеша,
Предсмертной тешусь я истомой.
Подобна грешная душа
Святой, на злую казнь влекомой.

Ее пытали палачи,
С нее совлекши все одежды,
Но их жестокие бичи
Не умертвили в ней надежды,

И в смертный путь она идет.
Спокойны все ее движенья.

Небесный вестник ей несет
Венец последнего мученья.

4 октября 1898

* * *

Не плачь, утешься, верь,
Не повторяй, что умер сын твой милый, —
Не вовсе он оставил мир постылый.
Он тихо стукнет в дверь,

С приветными словами
Войдет к тебе и станет целовать
Тебя, свою утешенную мать,
Безгрешными устами.

Лишь только позови,
Он будет приходить к тебе, послушный,
Всегда, как прежде, детски-простодушный,
Дитя твоей любви.

6 октября 1898

* * *

О полночи с постели
Молиться ты сошла.
Лампады пламенели,
В углах дрожала мгла.

И ангел легкокрылый
С таинственной судьбой
Неведомою силой
Повеял над тобой.

Склонила ты колени,
И ангел осенил
Тоскующие тени
Отрадной сенью крыл.

14 октября 1898

* * *

День туманный
Настает,
Мой желанный
Не идет.
        Мгла вокруг.
На пороге
Я стою,
Вся в тревоге,
И пою.
        Где ж мой друг?

Холод веет,
Сад мой пуст,
Сиротеет
Каждый куст.
        Скучно мне.
Распрощался
Ты легко
И умчался
Далеко
        На коне.

По дороге
Я гляжу,
Вся в тревоге,

Вся дрожу, —
        Милый мой!
Долго стану
Слезы лить,
В сердце рану
Бередить, —
        Бог с тобой!

20 октября 1898

* * *

Если б хотел я любить,
Если бы мог я желать, —
В мире кого полюбить,
В жизни чего пожелать?

Только Отец мой да я,
Больше и нет никого.
Жизнь без хотенья — моя,
Воля без жизни — Его.

31 марта 1899

* * *

Туманный день глядит в окно,
В душе и пасмурно, и строго.
Воспоминания давно
Стоят угрюмо у порога
Изнемогающей души,
Не появляясь, не скрываясь, —
О днях, когда в немой глуши
Я жил, восторгами питаясь,

Далекий призрак возлюбя,
Мечтою обнимая тени,
И жизнь недужную губя
Под гнетом страстности и лени.

21 апреля 1899

* * *

В молчанье звезд, в дыханье ветра с полуночи
Улики явственные есть.
О духи зла! закройте очи
И не мешайте мне безропотно отцвесть.

Меня и вас одна объемлет неизбежность,
Ненарушим всемирный строй.
Все должно быть: для жизни радость и мятежность,
Для смерти — тленье и покой.

29 июля 1899

* * *

Недотыкомка серая
Все вокруг меня вьется да вертится, —
То не лихо ль со мною очертится
Во единый погибельный круг?

Недотыкомка серая
Истомила коварной улыбкою,
Истомила присядкою зыбкою, —
Помоги мне, таинственный друг!

Недотыкомку серую
Отгони ты волшебными чарами,

Или наотмашь, что ли, ударами,
Или словом заветным каким.

Недотыкомку серую
Хоть со мной умертви ты, ехидную,
Чтоб она хоть в тоску панихидную
Не ругалась над прахом моим.

1 октября 1899

* * *

Был широкий путь к подножью
Вечно вольных, дальних скал, —
Этот путь он злою ложью,
Злою ложью заграждал.
То скрывался он за далью,
То являлся из могил,
И повсюду мне печалью,
Он печалью мне грозил, —
И над бедной, темной нивой
Обыденных скучных дел,
День тоскливый и ленивый,
День ленивый потускнел.

В полумраке я томился
Бездыханной тишиной.
Ночь настала, и раскрылся,
И раскрылся мир ночной.
Надо мной у ночи крылья
Вырастали все темней
От тяжелого бессилья,
От бессилья злых огней.
И печально, и сурово,

Издалека в мертвый край
Повелительное слово
Веет, слово: умирай.

Месяц встал и пламенеет
Утешеньем в сонной мгле.
Все далекое светлеет,
Все светлеет на земле.
Отуманенные дали
Внемлют сладкой тишине,
И томительной печали,
Злой печали нет во мне.
Все томленье, все страданье,
Труд и скорбь, и думы все, —
Все проходит, как мерцанье,
Как мерцанье на росе.

27 ноября 1899

* * *

На распутье злом и диком
В темный час я тихо жду.
Вещий ворон хриплым криком
На меня зовет беду,
А на небе надо мною,
Только грустная луна,
И тоскует ночь со мною,
И томится тишина.

От луны мерцанье в росах,
И белеет мгла вокруг.
Тихо чертит верный посох
По земле волшебный круг.

Сомкнут круг, — и нет печали
В тесной области моей, —
Позабыты все печали
Утомленьем горьких дней.

Он из тьмы выходит. Друг ли
Мне он тайный или враг?
У него глаза как угли,
Темен лик, и зыбок шаг.
Я за дивною чертою
Для него недостижим, —
И стоит он за чертою,
Темный, зыбкий, весь как дым.

Он смеется и не хочет
В темный час признать меня.
Он томленья мне пророчит,
Взор свой пламенный склоня, —
И во мглу с недобрым словом
От меня отходит он, —
Я его зловещим словом,
Вражьим словом не смущен.

Мне под солнцем горе мыкать
День за днем не привыкать.
Ночь придет, — я буду кликать
В темный час его опять,
Чтоб за дивною чертою
Погадать, поворожить, —
Только здесь лишь, за чертою,
Мне, усталому, и жить.

2 декабря 1899

* * *

Мне сегодня нездоровится;
Злая немочь ли готовится
Одолеть меня?
С торопливой лихорадкою
Поцелуюсь ли украдкою
На закате дня?

Но не страшно мне томление, —
Это легкое кружение
Я уж испытал.
Забывается досадное,
Вспоминается отрадное,
Кроток я и мал.

Что велят мне, то и сделаю:
То сиделка ль с банкой целою
Горького питья,
Или смерть у изголовия, —
Всем готов без прекословия
Покоряться я.

6 декабря 1899

* * *

Все почивающее свято,
В смятенье жизни — зло и грех.
Томила жизнь меня когда-то
Надеждой лживою утех.

Ее соблазны были многи,
И утомленья без числа.

В великолепные чертоги
Она мечты мои звала
И на жестокие дороги
Меня коварно увлекла.

Но, близость кроткой смерти чуя,
Уснули гордые мечты.
Я жду смиренно, не тоскуя,
Благой и вещей темноты.

И если жить мне надо снова,
С собой я жизни принесу
Успокоения святого
Невозмутимую красу.

6—7 июня 1900

АНГЕЛ БЛАГОГО МОЛЧАНИЯ

Грудь ли томится от зною,
Страшно ль смятение вьюг, —
Только бы ты был со мною,
Сладкий и радостный друг.

Ангел благого молчанья,
Тихий смиритель страстей,
Нет ни венца, ни сиянья
Над головою твоей.

Кротко потуплены очи,
Стан твой окутала мгла,
Тонкою влагою ночи
Веют два легких крыла.

Реешь над дольным пределом
Ты без меча, без луча, —
Только на поясе белом
Два золотые ключа.

Друг неизменный и нежный,
Тенью прохладною крыл
Век мой безумно-мятежный
Ты от толпы заслонил.

В тяжкие дни утомленья,
В ночи бессильных тревог
Ты отклонил помышленья
От недоступных дорог.
2—3 декабря 1900

* * *

Преодолев тяжелое косненье
И долгий путь причин,
Я сам — творец и сам — свое творенье,
Бесстрастен и один.

Ко мне струилось пламенное слово.
Блистая, дивный меч,
Архангелом направленный сурово,
Меня грозился сжечь.

Так светлые владыку не узнали
В скитальце и рабе,
Но я разбил старинные скрижали
В томительной борьбе.

О грозное, о древнее сверканье
Небесного меча!
Убей раба за дерзкое исканье
Эдемского ключа.

Исполнил раб завещанное дело:
В пыли земных дорог
Донес меня до вечного предела,
Где я — творец и бог.

11 июня 1901

* * *

Любовью легкою играя,
Мы обрели блаженный край.
Вкусили мы веселье рая,
Сладчайшего, чем Божий рай.

Лаская тоненькие руки
И ноги милые твои,
Я изнывал от сладкой муки,
Какой не знали соловьи.

С тобою на лугу несмятом
Целуяся в тени берез,
Я упивался ароматом,
Благоуханней алых роз.

Резвей веселого ребенка,
С невинной нежностью очей,
Ты лепетала звонко-звонко,
Как не лепечет и ручей.

Любовью легкою играя,
Вошли мы только в первый рай:
То не вино текло играя,
То пена била через край,

И два глубокие бокала
Из тонко-звонкого стекла
Ты к светлой чаше подставляла
И пену сладкую лила,

Лила, лила, лила, качала
Два тельно-алые стекла.
Белей лилей, алее лала
Бела была ты и ала.

И в звонах ласково-кристальных
Отраву сладкую тая,
Была милее дев лобзальных
Ты, смерть отрадная моя!

3 июля 1901

* * *

Блаженный лик Маира
Склоняется к Ойле.
Звенит призывно лира, —
И вот начало пира
В вечерней полумгле.

По мраморной дороге,
Прекрасны, словно боги,
Они выходят в сад.

У старших наги ноги
И радостен наряд,

А те, что помоложе,
Совсем обнажены,
Загар на тонкой коже,
И все они похожи
На вестников весны.

30 июля 1901

* * *

У мальчиков цевницы
Звенят, поют в руках,
И голые девицы
Веселые в полях.

Под мирный рокот лирный
Работа весела,
И ясный свет маирный
Золотит их тела.

С веселой песней смешан
Машины жнущей стук,
И ход ее поспешен
Под властью нежных рук.

Часы работы краткой
Над нивой пролетят,
И близок отдых сладкий
Под сводами палат.

31 июля 1901

* * *

Догорела свеча,
И луна побледнела.
Мы одни, — ты светла, горяча, —
Я люблю твое стройное тело.

К загорелым стопам
Я приникнул устами, —
Ты ходила по жестким тропам,
Проходила босыми ногами.

Принесла мне цветы
Из высокого края, —
Ты сбирала святые мечты,
Над зияющей бездной играя.

12 августа 1901

* * *

Грустное слово — конец!
Милое слово — предел!
Молотом скован венец,
Золотом он заблестел.

Ужас царил на пути.
Злобно смеялась нужда.
Злобе не льсти и не мсти, —
Вечная блещет звезда.

12 августа 1901

* * *

Чем недоступней, тем прекрасней,
Чем дальше, тем желанней ты, —

И с невозможностью согласней
Твои жемчужные мечты.

Земное тягостное тело
Твоей святыни не одело,
Тебе чужда земная речь, —
Недостижимая богиня!
Земля — темница и пустыня, —
И чем бы ей тебя привлечь?

21 августа 1901

* * *

Забудь, что счастье ненадежно,
Доверься мне
И успокойся безмятежно
В блаженном сне.

Мгновенья сладкие сгорели, —
Но что тужить!
Для тайной и высокой цели
Нам надо жить.

В обманах счастия земного,
В кипенье сил
Ты прелесть таинства иного
Уже вкусил.

16 октября 1901

* * *

Как часто хоронят меня!
Как часты по мне панихиды!

Но нет для меня в них обиды,
Я выше и Ночи и Дня.

Усталостью к отдыху клонят,
Болезнями тело томят,
Печалями со света гонят
И ладаном в очи дымят.
Мой путь перед ними не понят,
Венец многоцветный измят, —
Но как ни поют, ни хоронят,
Мой свет от меня не затмят.

Оставьте ненужное дело,
Направьте обратно ладью, —
За грозной чертою предела
Воздвигнул я душу мою.
Великой зарею зардела
Любовь к моему бытию.
Вселенское, мощное тело
Всемирной душе создаю.

Ладью мою вечно стремите
К свершению творческих дел, —
И если найдете предел,
Отпойте меня, схороните!

16 апреля 1902

* * *

Никто не убивал,
Он тихо умер сам, —
Он бледен был и мал,
Но рвался к небесам.

А небо далеко,
И даже — неба нет.
Пойми — и жить легко, —
Ведь тут же, с нами свет.

Огнем горит эфир,
И ярки наши дни, —
Для ночи знает мир
Внезапные огни.

Но он любил мечтать
О пресвятой звезде,
Какой не отыскать
Нигде, — увы! — нигде!

Дороги к небесам
Он отыскать не мог
И тихо умер сам,
Но умер он, как бог.

21 апреля 1902

* * *

Иду в лесу. Медлительно и странно
Вокруг меня колеблется листва.
Моя мечта, бесцельна и туманна,
Едва слагается в слова.
И знаю я, что ей слова ненужны, —
Она дыхания нежней,
Ее вещания жемчужны,
Улыбки розовы у ней.
Она — краса лесная,
И все поет в лесу,

Хвалою радостной встречая
Ее красу.

13 июня 1902

* * *

О лихорадочное лето!
То ветра холод, то солнца зной.
Холодной мглою земля одета,
Ручей смеется в тени лесной.

Он притаился в долине тесной.
Ему забавно, что много туч.
Ему противен змей небесный, —
Как меч разящий, — блестящий луч.

14 июня 1902

* * *

Благословлять губительные стрелы
И проклинать живящие лучи, —
Вот страшные и тесные пределы.
К иным путям затеряны ключи.

В мучительных безумствуя хуленьях,
В бессмысленной безумствуя хвале,
Живи в безвыходных томленьях,
Влачись на бедственной земле.

Отравленной стрелы вонзилось жало, —
Лобзай ее пернатые края:
Томительно она тебя лобзала,
Когда померкло солнце бытия.

16 июня 1902

* * *

Мы скучной дорогою шли
        По чахлой равнине.
Уныло звучали шаги
        На высохшей глине,
А рядом печально росли
        Березки на кочках.
Природа больная! солги
        В колосьях, в цветочках.

Обмана мы жаждем и ждем,
        Мы жаждем обмана.
Мы рвемся душой к небесам
        Из царства тумана.
Мы скучной дорогой идем
        Вдоль скудного поля.
Томительно грезится нам
        Далекая воля.

16 июня 1902

* * *

Он не знает, но хочет, —
Оттого возрастает, цветет,
Ароматные сладости точит
И покорно умрет.
Он не знает, но хочет.

Непреклонная воля
Родилася во тьме.
Только выбрана доля —
Та иль эта — в уме.
Но темна непреклонная воля.

Умереть или жить,
Расцвести ль, зазвенеть ли,
Завязать ли жемчужную нить,
Разорвать ли лазурные петли,
Все равно — умереть или жить.

16 июня 1902

* * *

В его устах двухсмысленны слова,
И на устах двухсмысленны улыбки.
Его душа бессильна и мертва,
А помыслы стремительны и зыбки.

Его любить никто не захотел,
Никто не мог его возненавидеть.
Неузнанным пребыть — его удел, —
Не действовать, не жить, а только видеть.

3 июля 1902

* * *

Касатики качаются
Над тихою водой,
Качаются, прощаются
С недолгою красой.

Качаются касатики
У зыбкой глубины,
И бедные лунатики
В их прелесть влюблены.

3 июля 1902

* * *

О, забвение! низойди, обмани!
В воспоминаниях тягостны дни.

Прегрешения выше гор.
В заблуждениях обидный позор.

Если счастье манило, оно ушло.
Все дары жизнь разбила, как стекло.

О, забвение! Если бы все стереть!
Если б все прошлое могло умереть!

Но судьба говорит: «Только с тобой.
Умри и все прошлое уведи с собой».
3 июля 1902

* * *

Люблю блуждать я над трясиною
        Дрожащим огоньком,
Люблю за липкой паутиною
        Таиться пауком,
Люблю летать я в поле оводом
        И жалить лошадей,
Люблю быть явным, тайным поводом
        К мучению людей.
Я злой, больной, безумно-мстительный,
        За то томлюсь и сам.
Мой тихий стон, мой вопль медлительный, —
        Укоры небесам.
Судьба дала мне плоть растленную,

Отравленную кровь.
Я возлюбил мечтою пленною
Безумную любовь.
Мои порочные томления,
Все то, чем я прельщен, —
В могучих чарах наваждения
Многообразный сон.
Но он томит больной обидою.
Идти путем одним
Мне тесно. Всем во всем завидую,
И стать хочу иным.

9 июля 1902

* * *

Нарядней осени и лета,
Улыбкой юною согрета,
И весела и молода,
Вольнолюбивою весною
Она сияла предо мною,
Как незакатная звезда.

Но странно, — отзвуки печали
В ее речах всегда звучали,
Такие горькие слова
Она порой произносила,
Что скорби мстительная сила
Брала мгновенные права.

Потом опять цвела улыбкой.
Хотелось верить, что ошибкой
Слова упали с милых уст, —
Как иногда шалун-проказник,

В лесу бродя в веселый праздник,
Посадит гриб на свежий куст.

10 июля 1902

* * *

Для меня ты только семя.
Ты умрешь, — настанет время, —
Жизнерадостную душу
Я стремительно разрушу
И в могилу брошу тело,
Чтоб оно во тьме истлело.
Из погибшего земного
Созидать я стану снова.
Новый род к тому ж обману
Вызывать я к жизни стану,
Новых образов броженье
Вознесу в осуществленье, —
Но для всех одна кончина.
Все различно, все едино.

17 июля 1902

* * *

Когда я в бурном море плавал
И мой корабль пошел ко дну,
Я так воззвал: «Отец мой, Дьявол,
Спаси, помилуй, — я тону.

Не дай погибнуть раньше срока
Душе озлобленной моей, —
Я власти темного порока
Отдам остаток черных дней».

И Дьявол взял меня и бросил
В полуистлевшую ладью.
Я там нашел и пару весел,
И серый парус, и скамью.

И вынес я опять на сушу,
В больное, злое житие,
Мою отверженную душу
И тело грешное мое.

И верен я, отец мой, Дьявол,
Обету, данному в злой час,
Когда я в бурном море плавал
И ты меня из бездны спас.

Тебя, отец мой, я прославлю
В укор неправедному дню,
Хулу над миром я восставлю
И, соблазняя, соблазню.

23 июля 1902

* * *

Истомил меня пасмурный день,
Извела одинокая скука.
Неотступна чуть видная тень, —
Повторений томящих порука.

Впечатлений навязчивых сеть...
Разорвать бы постылые петли!
Не молитвой ли сердце согреть?
О веселых надеждах не спеть ли?

Но молитвы забыты давно,
И наскучили песни былые,
Потому что на сердце темно,
Да и думы — такие все злые!
4 сентября 1902

* * *

Верить обетам пустынным
Бедное сердце устало.
Темным, томительно-длинным
Ты предо мною предстало, —

Ты, неразумное, злое,
Вечно голодное Лихо.
На роковом аналое
Сердце терзается тихо.

Звякает в дыме кадило,
Ладан возносится синий, —
Ты не росою кропило,
Сыпало мстительный иней.
12 сентября 1902

* * *

Люблю тебя, твой милый смех люблю,
Люблю твой плач, и быстрых слез потоки,
И нежные, краснеющие щеки, —
Но у тебя любви я не молю,

И, может быть, я даже удивлю
Тебя, когда прочтешь ты эти строки.
Мои мечты безумны и жестоки,
И каждый раз, как взор я устремлю

В твои глаза, отравленное жало
Моей тоски в тебя вливает яд.
Не знаешь ты, к чему зовет мой взгляд,

И он страшит, как острый край кинжала.
Мою любовь ты злобой назовешь,
И, может быть, безгрешно ты солжешь.
23 декабря 1902

* * *

Я не лгу, говоря, что люблю я тебя,
Но люблю для себя и ласкаю губя.

Что мне счастье твое, что мне горе твое!
Я твое и свое сочетал бытие, —

И на вечном огне, на жестоком огне
Мы в безумной с тобою сгорим тишине,

И, пылая, сгорая, друг друга любя,
Позабудем весь мир, позабудем себя,

И великую жертву Творца повторим,
И сгорим перед ним, и развеемся в дым.
23 декабря 1902

* * *

Измученный жгучею болью,
Горячею облитый кровью,
Пойми, где предел своеволью, —
Я муки сплетаю с любовью.

Мучительный труд я приемлю
От вечной, незыблемой Воли, —
Кто создал и небо, и землю,
Тот создал и таинство боли.

В безумном восторге мученья
Дрожит беззащитное тело.
Забыты земные влеченья,
И всякая похоть сгорела.

Вся прелесть и нечисть земная
Свивается призрачным дымом.
Единою болью стеная,
Ты равен святым херувимам.

К престолу Творца и Владыки
В нетленную радость вселенной
Твои воздыханья и крики
Восходят хвалою смиренной.

27 декабря 1902

* * *

Мы поклонялися владыкам
И в блеске дня и в тьме божниц,

И перед каждым грозным ликом
Мы робко повергались ниц.

Владыки гневные грозили
И расточали гром и зло,
Порой же милость возносили
Так величаво и светло.

Но их неправедная милость,
Как их карающая месть,
Могли к престолам лишь унылость,
Тоской венчанную, возвесть.

Мерцал венец ее жемчужный,
Но свет его был тусклый блеск,
И вся она была ненужный
И непонятный арабеск.

Владык встречая льстивым кликом, —
И клик наш соткан был из тьмы, —
В смятенье темном и великом
Чертог ее ковали мы.

Свивались пламенные лица,
Клубилась огненная мгла,
И только тихая Денница
Не поражала и не жгла.

19 мая 1903

* * *

Предметы предметного мира, —
И солнце, и путь, и луна,

И все колебанья эфира,
И всякая здесь глубина,

И все, что очерчено резко,
Душе утомленной моей —
Страшилище звона и блеска,
Застенок томительных дней.

От света спешу я в чертоги,
Где тихой мечтою дышу,
Где вместе со мною лишь боги,
Которых я сам возношу.

Бесшумною тканью завешен
Чертога безмолвный порог.
Там грех мой невинно-безгрешен
И весело-светел порок.

Никто не наложит запрета,
И грубое слово ничье
Не бросит внезапного света
На слово иль дело мое.

Я древних заклятий не знаю
На той стороне бытия,
И если я кровь проливаю,
То кровь эта — только моя.

11 июня 1903

* * *

В овраге, за тою вон рощей,
Лежит мой маленький брат.

Я оставила с ним двух кукол, —
Они его сон сторожат.

Я боюсь, что он очень ушибся,
Я его разбудить не могла.
Я так устала, что охотно
Вместе бы с ними легла.

Но надо позвать на помощь,
Чтобы его домой перенести.
Нельзя, чтобы малые дети
Ночевали одни на пути.

11 июня 1903

* * *

«Зачем возрастаю? —
Снегурка спросила меня. —
Я знаю, что скоро растаю,
Лишь только увижу веселую стаю,
Растаю, по камням звеня,
И ты позабудешь меня».

Снегурка, узнаешь ты скоро,
Что таять легко;
Растаешь, узнаешь, умрешь без укора,
Уснешь глубоко.

8 февраля 1904

* * *

Я любви к тебе не знаю,
Злой и мстительный Дракон,

22 Федор Сологуб-7

Но, склоняясь, исполняю
Твой незыблемый закон.

Я облекся знойным телом,
Зной лучей твоих во мне.
Раскален в каленье белом,
В красном часто я огне.

11 марта 1904

* * *

Маленькие кусочки счастья, не взял ли я вас от жизни?

Дивные и мудрые книги,
таинственные очарования музыки,
умилительные молитвы,
невинные, милые детские лица,
сладостные благоухания,
и звезды, — недоступные, ясные звезды!

О фрагменты счастья, не взял ли я вас от жизни!

Что же ты плачешь, мое сердце, что же ты ропщешь?
Ты жалуешься:
«Кратким,
и более горьким, чем сладким,
обманом промчалась жизнь,
и ее нет».

Успокойся, сердце мое, замолчи.
Твои биения меня утомили.
И уже воля моя отходит от меня.

6 июня 1904

* * *

Лепестками завялыми
Ветер усеял дорожки в саду.
Медленно, шагами усталыми,
Отгорев, я иду.

Пламя таится в крови, копится,
Скоро опять оно будет сжигать,
И теперь мечта торопится
Сладкий аромат впивать.

О мечта запоздалая,
О моя безумная сестра,
Ты, как я, усталая, —
Прошла, отошла пора.

Если хочешь позднего счастия,
Обмани себя, зажги свой взор, как и я,
И сквозь холод бесстрастия
Вползет огневая змея.

13 июня 1904

* * *

Свободный ветер давно прошумел
И промчался надо мною,
Долина моя тиха и спокойна, —
А чуткая стрела
Над гордою башнею возвышенного дома
Все обращает свое тонкое острие
К далекой и странной области

Мечты.
Уже и самые острые,
Самые длинные
Лучи
Растаяли в мглистом безмолвии.
Туман поднимается
Над топкими берегами реки.
Усталые дети чего-то просят
И плачут.
Наступает
Моя последняя стража.
Дивный край недостижим, как прежде,
И Я, как прежде, только я.

19 июня 1904

* * *

Невинный цвет и грешный аромат
левкоя
Пленительным желанием томят
покоя.

Так сладостно склоняться в полусне
под тенью
К желанному и радостному мне
забвенью, —

Простивши все, что было в жизни злом
и мукой,
Стереть и память даже о былом
разлукой.

14 июля 1904

* * *

Столкновение бешеных воль,
Сочетание воплей и стона.
Прокаженного радует боль,
Как сияние злого дракона.

Он лицо поднимает к лучам,
Острупелые тянет он руки,
И смеется жестоким бичам,
И приветствует дикие муки.

Утешает несносная боль,
Голос бешеной жизни отраден, —
И просыпалась жгучая соль
На сплетенье бесчисленных ссадин.

28 декабря 1904

* * *

Злой дракон, горящий ярко там, в зените,
Протянувший всюду пламенные нити,
Опаливший душным зноем всю долину, —
Злой дракон, победу ты ликуешь рано!
Я из темного, глубокого колчана
Для тебя стрелу отравленную выну.

Пред тобою с луком стану без боязни
Я, свершитель смелый беспощадной казни,
Я, предсказанный и все ж нежданный мститель.
Лук тугой стрела покинет с медным звоном.
Ты на вызов мой ответишь тяжким стоном,
Ты померкнешь, ты погибнешь, злой губитель!

30 декабря 1904

* * *

Два солнца горят в небесах,
Посменно возносятся лики
Благого и злого владыки,
То радость ликует, то страх.
Дракон сожигающий, дикий,
И Гелиос, светом великий, —
Два солнца в моих небесах.

Внимайте зловещему крику, —
Верховный идет судия.
Венчайте благого владыку,
Сражайтесь с драконом, друзья.

30 декабря 1904

* * *

Печальный ангел земле принес
И розы крови, и жемчуг слез.

Печальный ангел, зловещий взгляд!
Ты здесь не медли, — вот твой наряд.

Надень из злого земного ткань
Ты сам, — а нам сердец не рань.

Из роз кровавых надень венок, —
С тобой, не с нами разящий рок.

И жемчуг в бармы свяжи, сплети,
И в Божье небо лети, лети.

1 января 1905

* * *

Кто на воле? Кто в плену?
Кто своей судьбою правит?
Кто чужую волю славит,
Цепь куя звено к звену?

Кто рабы и кто владыки?
Кто наемник? Кто творец?
Покажите наконец,
Сняв личины, ваши лики.

Но, как прежде, все темно.
В душных весях и в пустыне
Мы немотствуем и ныне,
Цепь куя к звену звено.

Нет великого владыки.
Празден трон, и нем дворец.
Опечаленный творец
Дал личины, отнял лики.

3 января 1905

* * *

Зеленый изумруд в твоем бездонном взоре, —
Что зеленело на просторе,
Замкнулось в тесный круг.
Мерцает взор зеленый, изумрудный, —
Мне кажется, что феей чудной
Прокинешься ты вдруг.

Уже не дева ты, — Зеленая царица,
И смех твой — звон ручья,

И взор зеленый твой — лукавая зарница,
Но ты — опять моя.

И как бы ты в траве ни затаилась,
И чем бы ты ни притворилась,
Сверкая и звеня, —
Везде найду тебя, везде тебя открою,
Зеленоглазая! ты все со мною,
Ты вечно для меня.

3 февраля 1905

* * *

Я к ней пришел издалека.
Окрест, в полях, прохлада.
И будет смерть моя легка
И слаще яда.

Я взоры томные склонил.
В траву роса упала.
Еще дышу. Так мало сил.
Так жизни мало.

Туман восходит, — и она
Идет, так тихо, в поле.
Поет, — мне песнь ее слышна, —
Поет о воле.

Пришел. Она ко мне близка.
В ее очах отрада.
И смерть в руке ее легка
И слаще яда.

25 апреля 1905

* * *

Зачем жемчуг-роса в траве?
Зачем янтарь-луна ясна, бледна?
Из леса фея вышла. Не одна.
Но сколько их? Одна иль две?

Ночной ли рой прозрачнокрылых фей
Свивает мглу в волшебный круг,
И синих сколько в нем зарниц-очей?
И кто бы смел считать подруг?

Им счета нет, — одна иль сто, —
И блещет свет, и плещет смех.
Но кто со мной в долине той? Никто
Дневной ночных не ведает утех.

13 мая 1905

* * *

Белый мой цветок, таинственно-прекрасный,
Из моей земли, из черной ты возник,
На меня глядишь ты, нежный и безгласный,
И понятен мне безмолвный твой язык.

Ты возник из тьмы, моей мечте навстречу,
Ты зовешь туда, откуда вышел ты, —
Я твоим вещаньям не противоречу,
К твоему дыханью наклонив мечты.

6 июля 1905

* * *

День сгорал, недужно бледный
и безумно чуждый мне.

Я томился и метался
 в безнадежной тишине.

Я не знал иного счастья, —
 стать недвижным, лечь в гробу.
За метанья жизни пленной
 клял я злобную судьбу.

Жизнь меня дразнила тупо,
 возвещая тайну зла:
Вся она, в горенье трупа,
 Мной замышлена была.

Это я из бездны мрачной
 вихри знойные воззвал
И себя цепями жизни
 для чего-то оковал,

И среди немых раздолий,
 где царил седой Хаос,
Это Я своею волей
 жизнь к сознанию вознес.

15 июля 1905

* * *

Благословляю сладкий яд
В моей росе благоуханной.
Чаруя утомленный взгляд
Мечтой о родине желанной,
Цветок, струящий сладкий яд,
Обвеян дремою туманной.

И если яд разлит в росе,
В его слезе благоуханной,
И утешение в красе
Безумной и внезапно странной,
Благословен в его росе
По воле сладостно избранный.

В его отравленной росе
Благословляю жребий вольный.
К его таинственной красе,
Безумно злой и безглагольной,
Я устремляю думы все
В моей задумчивости дольной.

И тихо наклоняюсь я,
Грустя в задумчивости дольной,
К последним склонам бытия,
К пределам жизни своевольной.
Вот, жизнь безумная моя,
Сладчайший яд для смерти вольной.

3 февраля 1906

* * *

Мой друг, любовь не слышная,
К тебе любовь моя,
Не тканая, не пышная
Одежда белая моя.
Она — моя...
Широкой тканью бытия
Не видная, не слышная,
Она всегда моя.

Звенят ли струи у ручья,
Поет ли пташка вольная, —
Струя — Моя, и песнь — Моя.
Вся жизнь, и горняя, и дольняя,
        Вся жизнь — Моя,
И потому она твоя.
Бессмертно безглагольная,
Всегда Твоя, везде — Моя.

3 февраля 1906

* * *

Шестиконечная звезда
Напечатлелась на сапфире.
Она со мною навсегда
И в дольном, и в надзвездном мире.

Ее таинственны лучи,
И не во всяком повороте.
Когда увидишь их, молчи,
Но не забудь о дивном счете.

Мое число навеки — шесть.
В нем бесконечность, свет и тайна.
Его таинственная весть
Все удвояет не случайно.

Стремятся дивные лучи
Ко Мне и к Ней, к Моей невесте.
В тройном их блеске заключи
Все неразгаданные вести.

3 февраля 1906

ЛЮЦИФЕР ЧЕЛОВЕКУ

Гармонией небесных сфер
И я заслушивался прежде,
Но ты сказал мне: «Люцифер!
Внемли земной моей надежде.

Сойди ко мне в вечерний час,
Со мной вблизи лесной опушки
Побудь, внимая томный глас
В лесу взывающей кукушки.

Я повторю тебе слова,
Земным взлелеянные горем.
Томясь тоской, не раз, не два
Я поверял их тихим зорям.

К твоим устам я вознесу
Мои вечерние отравы
И эту бедную росу,
Слезой ложащуюся в травы».

И я пришел в вечерний час,
С тобой, вблизи лесной опушки
Стоял, внимая томный глас
В лесу взывающей кукушки.

Закат был нежно-тих и ал,
Поля вечерние молчали,
И я с волнением внимал
Словам земной твоей печали.

Когда в словах звучал укор, —
О, где вы, пламенные лики! —

Клонился твой усталый взор
К цветкам ромашки и гвоздики.

И я к земле твоей приник,
Томясь тоской твоею вешней, —
Да омрачится горний лик!
Да будет сила в скорби здешней!

Гармония небесных сфер
Да будет сказкою земною!
Я — свет земле! Я — Люцифер!
Люби Меня! Иди за Мною!

28—29 мая 1906

* * *

Степь моя!
Ширь моя!
Если отрок я,
Раскрываю я
Желтенький цветок,
Зажигаю я
Желтенький, веселенький, золотой огонек.

Ты цветков моих не тронь, не тронь!
Не гаси ты мой земной, золотой огонь!

Степь моя!
Ширь моя!
Если дева я,
Раскрываю я
Аленький цветок,
Зажигаю я
Аленький, маленький, красный огонек.

Ты цветков моих не тронь, не тронь!
Не гаси ты мой ясный, красный огонь!

Степь моя!
Ширь моя!
Вею, вею я,
Раскрываю я
Желтенькие, аленькие цветки,
Зажигаю я
Золотые, красные огоньки.

Ты цветков моих не тронь, не тронь!
Не гаси ты мой красный, золотой огонь.

30 мая 1906

* * *

Мечами скорби ты исколот,
Но дни звенящие близки.
Не застоится вещий солод
В болоте мертвенной тоски.
Ключи вливают тонкий холод
В прохладу нежную реки.

Но ты прохладой не утешен,
Мечты к восторгам устремив.
Вода мутна, — водою взвешен
Надменных гор истертый смыв:
Еще недавно был так бешен
Ее стремительный разлив.

Благослови закон природы,
Благослови паденье вод.

В стремленье сил твоей свободы
Восход, паренье и заход.
Единой Волей мчатся воды,
В Единой Воле — миг и год.

30 мая 1906

* * *

Мы были праздничные дети,
Сестра и я.
Плела нам радужные сети
Коварная Змея.

Стояли мы, играть не смея
На празднике весны.
У злого, радостного Змея
Отравленные сны.

Хоть бедных раковин случайно
Набрать бы у ручья, —
Нет, умираем, плача тайно,
Сестра и я.

30 августа 1906

* * *

Я должен быть старым,
И мудрым,
И ко всему равнодушным,
С каменеющим сердцем
И с презрительным взором,
Потому что Ананке,

Злая,
Открыла мне мой жребий:
Жить лишь только после смерти
Бестелесною тенью,
Легким звуком,
Пыльною радостью
Чудака книгочия...

А все же нагое тело
Меня волнует,
Как в юные годы.
Я люблю руки,
И ноги,
И упругую кожу,
И все, что можно
Целовать и ласкать.
И если ты, милая, —
Капризная, но вовсе не злая, —
Хочешь моего ясного взгляда,
Моей светлой улыбки,
Моего легкого прикосновения, —
А что же больше я могу
Дать или взять? —
Знай, знай, —
Мне ненавистно
Твое нарядное платье
Скрипучего шелка
С желтыми кружевами,
И ароматный дар старого Пино,
И даже твои сквозные
Рукавички
С глупым и смешным названьем.

6 ноября 1906

* * *

Дышу дыханьем ранних рос,
Зарею ландышей невинных;
Вдыхаю влажный запах длинных
Русалочьих волос, —

Отчетливо и тонко
Я вижу каждый волосок;
Я слышу звонкий голосок
Погибшего ребенка.

Она стонала над водой,
Когда ее любовник бросил.
Ее любовник молодой
На шею камень ей повесил.

Заслышав шорох в камышах
Его ладьи и скрип от весел,
Она низверглась вся в слезах,
А он еще был буйно весел.

И вот она передо мной,
Все та же, но совсем другая,
Над озаренной глубиной
Качается нагая.

Рукою ветку захватив,
Водою заревою плещет.
Забыла темные пути
В сиянье утреннем и блещет.

И я дышу дыханьем рос,
Благоуханием невинным

И влажным запахом пустынным
Русалкиных волос.

31 января 1907

* * *

Вы не умеете целовать мою землю,
Не умеете слушать Мать Землю сырую,
Так, как я ей внемлю,
Так, как я ее целую.

О, приникну, приникну всем телом
К святому материнскому телу,
В озаренье святом и белом
К последнему склонюся пределу, —

Откуда вышли цветы и травы,
Откуда вышли и вы, сестры и братья.
Только мои лобзанья чисты и правы,
Только мои святы объятья.

18 февраля 1907

НЮРНБЕРГСКИЙ ПАЛАЧ

Кто знает, сколько скуки
В искусстве палача!
Не брать бы вовсе в руки
Тяжелого меча.

И я учился в школе
В стенах монастыря,
От мудрости и боли
Томительно горя.

Но путь науки строгой
Я в юности отверг
И вольною дорогой
        Пришел в Нюрнберг.

На площади казнили:
У чьих-то смуглых плеч
В багряно-мглистой пыли
Сверкнул широкий меч.

Меня прельстила алость
Казнящего меча
И томная усталость
Седого палача.

Пришел к нему, учился
Владеть его мечом,
И в дочь его влюбился,
И стал я палачом.

Народною боязнью
Лишенный вольных встреч,
Один пред каждой казнью
Точу мой темный меч.

Один взойду на помост
Росистым утром я,
Пока спокоен дома
                Строгий судия.

Свяжу веревкой руки
У жертвы палача.
О, сколько тусклой скуки
В сверкании меча!

Удар меча обрушу,
И хрустнут позвонки,
И кто-то бросит душу
В размах моей руки.

И хлынет ток багряный,
И, тяжкий труп влача,
Возникнет кто-то рдяный
И темный у меча.

Не опуская взора,
Пойду неспешно прочь
От скучного позора
В мою дневную ночь.

Сурово хмуря брови,
В окошко постучу,
И дома жажда крови
Приникнет к палачу.

Мой сын покорно ляжет
На узкую скамью.
Опять веревка свяжет
Тоску мою.

Стенания и слезы, —
Палач — везде палач.
О скучный плеск березы!
О скучный детский плач!

Кто знает, сколько скуки
В искусстве палача!
Не брать бы вовсе в руки
Тяжелого меча!

22 февраля 1907

ЛУННАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Я не знаю много песен, знаю песенку одну,
Я спою ее младенцу, отходящему ко сну.

Колыбельку я рукою осторожною качну,
Песенку спою младенцу, отходящему ко сну.

Тихий ангел встрепенется, улыбнется, погрозится шалуну,
И шалун ему ответит: «Ты не бойся, ты не дуйся, я засну».

Ангел сядет к изголовью, улыбаясь шалуну,
Сказки тихие расскажет отходящему ко сну.

Он про звездочки расскажет, он расскажет про луну,
Про цветы в раю высоком, про небесную весну,

Промолчит про тех, кто плачет, кто томится в полону,
Кто закован, зачарован, кто влюбился в тишину.

Кто томится, не ложится, долго смотрит на луну,
Тихо сидя у окошка, долго смотрит в вышину, —

Тот поникнет, и не крикнет, и не пикнет, и поникнет в глубину,
И на речке с легким плеском круг за кругом пробежит волна в волну.

Я не знаю много песен, знаю песенку одну,
Я спою ее младенцу, отходящему ко сну.

Я на ротик роз раскрытых росы тихие стряхну,
Глазки-светики-цветочки песней тихою сомкну.

20 марта 1907

* * *

Все было беспокойно и стройно, как всегда,
И чванилися горы, и плакала вода,
И булькал смех девичий в воздушный океан,
И басом объяснялся с мамашей грубиян.
Пищали сто песчинок под дамским башмаком,
И тысячи пылинок врывались в каждый дом.
Трава шептала сонно зеленые слова.
Лягушка уверяла, что надо квакать ква.
Кукушка повторяла, что где-то есть куку,
И этим нагоняла на барышень тоску,
И, пачкающий лапки играющих детей,
Побрызгал дождь на шапки гуляющих людей,
И красили уж небо в берлинскую лазурь,
Чтоб дети не боялись ни дождика, ни бурь,
И я, как прежде, думал, что я — большой поэт,
Что миру будет явлен мой незакатный свет.

24 марта 1907

* * *

Жизнь моя, змея моя!
От просторов бытия
К тесным граням жития
Перенес тебя и я,
Воды хладные лия,
Вина сладкие пия,
Нити тонкие вия,
Струны звонкие бия, —
Жизнь моя, моя змея!

24 марта 1907

* * *

Моею кровью я украшу
Ступени, белые давно.
Подставьте жертвенную чашу
И кровь пролейте, как вино.

Над дымной и тяжелой чашей
Соединяйтесь, — я зову.
Здесь, в чаше, капли крови вашей,
А на ступенях я живу.

Обжег я крылья серафимам,
Оберегавшим древний храм,
И восхожу багровым дымом
К давно затворенным дверям.

Смелее ставьте ваши ноги
На пятна красные мои,
И умножайте на дороге
Багряно-жаркие струи.

Что было древней, темной кровью,
То будет новое вино,
И молот, поднятый любовью,
Дробит последнее звено.
26 марта 1907

* * *

Что было, будет вновь,
Что было, будет не однажды.
С водой смешаю кровь
Устам, томящимся от жажды.

Придет с высоких гор.
Я жду. Я знаю, — не обманет.
Глубок зовущий взор.
Стилет остер и сладко ранит.

Моих коснется плеч.
Приникнет в тайне бездыханной.
Потом затопит печь
И тихо сядет ждать за ванной.

Звенящие струи
Прольет, открыв неспешно краны,
И брызнет на мои
Легко означенные раны.

И дверь мою замкнет,
И тайной зачарует стены,
И томная войдет
В мои пустеющие вены.

С водой смешаю кровь
Устам, иссохнувшим от жажды.
Что было, будет вновь.
Что было, будет не однажды.

30 марта 1907

ЧЕРТОВЫ КАЧЕЛИ

В тени косматой ели,
Над шумною рекой
Качает черт качели
Мохнатою рукой.

Качает и смеется,
        Вперед, назад,
        Вперед, назад,
Доска скрипит и гнется,
О сук тяжелый трется
Натянутый канат.

Снует с протяжным скрипом
Шатучая доска,
И черт хохочет с хрипом,
Хватаясь за бока.

Держусь, томлюсь, качаюсь,
        Вперед, назад,
        Вперед, назад,
Хватаюсь, и мотаюсь,
И отвести стараюсь
От черта томный взгляд.

Над верхом темной ели
Хохочет голубой:
«Попался на качели,
Качайся, черт с тобой!»

В тени косматой ели
Визжат, кружась гурьбой:
«Попался на качели,
Качайся, черт с тобой!»

Я знаю, черт не бросит
Стремительной доски,
Пока меня не скосит
Грозящий взмах руки,

Пока не перетрется,
Крутяся, конопля,
Пока не подвернется
Ко мне моя земля.

Взлечу я выше ели
И лбом о землю трах!
Качай же, черт, качели,
Все выше, выше... ах!
14 июня 1907

* * *

Под сенью тилий и темал,
Склонясь на белые киферы,
Я улыбаясь задремал
В объятьях милой Мейтанеры,

И, затаивши два огня
В очах за синие зарницы,
Она смотрела на меня
Сквозь дымно-длинные ресницы.

В передзакатной тишине
Смиряя пляской ярость Змея,
Она показывала мне,
Как пляшет зыбкая алмея.

И вся бела в тени темал,
Белей, чем нежный цвет кифера,
Отбросив скуку покрывал,
Плясала долго Мейтанера.

И утомилась, и легла,
Орошена росой усталой,
Склоняя жемчуги чела
К благоуханью азры алой.

17 января 1908

* * *

Ты — царь. Решеткой золотою
Ты сад услад своих обнес
И за решеткой золотою
Взрастил расцветы алых роз.

И сквозь окованные колья
Благоуханные мечты
Глядят за скованные колья
На придорожные цветы.

Ты за решеткою литою
Порой раздвинешь яркий куст.
Там, за решеткою литою
Смеются розы царских уст.

Презрел широкие раздолья,
Вдыхаешь алый аромат.
Тебя широкие раздолья
Тоской по воле не томят.

12 марта 1908

* * *

Пришла, и розы рассыпаешь,
Свирельно клича мертвеца,

И взоры страстные склоняешь
На бледность моего лица.

Но как ни сладки поцелуи,
Темны мои немые сны.
Уже меня колышут струи
Непостижимой глубины.

Багровые затмили тучи
Лобзаний яркие лучи,
И что мне в том, что ласки жгучи,
Что поцелуи горячи!

Лежу, качаясь в дивном челне,
И темный голос надо мной:
«Пора пришла, — обет исполни,
Возникла я над глубиной».

15 мая 1908

* * *

Блаженство в жизни только раз,
        Безумный путь, —
Забыться в море милых глаз
        И утонуть.

Едва надменный Савл вступил
        На путь в Дамаск,
Уж он во власти нежных сил
        И жгучих ласк.

Его глаза слепит огонь
        Небесных нег,

И стройно-тонкая ладонь
        Бела, как снег.

Над ним возник свирельный плач
        В пыланье дня:
«Жестокий Савл! о злой палач,
        Люби меня!»

Нет, Павла Савлом не зови:
        Святым огнем
Апостол сладостной любви
        Восставлен в нем.

Блаженство в жизни только раз,
        Отрадный путь!
Забыться в море милых глаз
        И утонуть.

Забыв о том, как назван ты
        В краю отцов,
Спешить к безмерностям мечты
        На смелый зов.

О знойный путь! о путь в Дамаск!
        Безумный путь!
Замкнуться в круге сладких ласк
        И утонуть.

30 мая 1908

* * *

Иди в толпу с приветливою речью
        И лицемерь,

На опыте всю душу человечью
        До дна измерь.

Она узка, темна и несвободна,
        Как темный склеп,
И тот, кто час провел в ней неисходно,
        Навек ослеп.

И ты поймешь, какое врачеванье —
        В окно глядеть
Из тьмы души на птичье ликованье,
        И сметь, и петь.

29 июля 1908

* * *

Люби меня, люби, холодная луна!
Пусть в небе обо мне твой рог жемчужный трубит,
Когда восходишь ты, ясна и холодна.
На этой злой земле никто меня не любит.

Да будет ночь твоя в мерцании светил!
Отверженец земли, тоскующий и кроткий,
О, сколько раз во тьме я за тобой следил,
Любуяся твоей стремительною лодкой!

Потом я шел опять в докучный ропот дня, —
И труд меня томил, и путь мой был бесцелен.
Твой свет в моей душе струился, мглисто-зелен.
Холодная луна, люби, люби меня!

28 октября 1908

* * *

Вздымалося облако пыли,
Багровое, злое, как я,
Скрывая постылые были,
Такие ж, как сказка моя.

По улицам люди ходили,
Такие же злые, как я,
И злую тоску наводили,
Такую же злую, как я.

И шла мне навстречу царица,
Такая же злая, как я,
И с нею безумная жрица,
Такая же злая, как я.

И чары несли они обе,
Такие же злые, как я,
Смеяся в ликующей злобе,
Такой же, как злоба моя.

Пылали безумные лица
Такой же тоской, как моя,
И злая из чар небылица
Вставала, как правда моя.

Змеиной, растоптанной злобе,
Такой же, как злоба моя,
Смеялись безумные обе,
Такие же злые, как я.

В багряности поднятой пыли,
Такой же безумной, как я,

Царица и жрица укрыли
Такую ж тоску, как моя.

По улицам люди ходили,
Такие же злые, как я,
Тая безнадежные были,
Такие ж, как сказка моя.

18 ноября 1908

* * *

Судьба была неумолима,
Но знаю я, — вина — моя.
Пройдите с отвращеньем мимо, —
И это горе вызвал я.

Я знал святое превосходство
Первоначальной чистоты,
Но в жизни воплотил уродство
Моей отравленной мечты.

Когда окликнулись впервые
Друг другу птичьи голоса, —
Когда на сказки заревые
Смеялась первая роса, —

Когда от счастья задрожала
Еще невинная змея,
Вложил отравленное жало
В лобзанья уст змеиных я.

Я был один во всей природе,
Кто захотел тоски и зла,

24 Федор Сологуб-7

Кто позавидовал свободе,
Обнявшей детские тела.

Один, жестокий и надменный,
На мир невзгоды я навлек.
Несовершенства всей вселенной
В веках лишь только мне упрек.

12 июня 1909

* * *

Был глаз чудовища нелеп, —
Костер у берега морского, —
И было небо точно склеп
В дому художника седого.

И кто мечтал на берегу,
Огнем и пеплом зачарован,
Тот был опять в немом кругу,
В ночном кругу опять закован.

Над золотым огнем костра,
Ответом робкому вопросу,
Я видел, милая сестра,
Твою взметнувшуюся косу.

Блеснув унынью моему
Мгновенно-ясною улыбкой,
Ты убежала снова в тьму,
Как будто ты была ошибкой,

Как будто здесь на берегу
Не надо яркого мельканья,

Ни огневого полыханья,
Ни смеха в пламенном кругу.

23—24 июня 1909

* * *

Все эти ваши слова
Мне уж давно надоели.
Только б небес синева,
Шумные волны да ели,

Только бы льнула к ногам
Пена волны одичалой,
Сладко шепча берегам
Сказки любви небывалой.

2 июля 1909

* * *

Я опять, как прежде, молод,
И опять, как прежде, мал.
Поднимавший в небе молоты
Надо мною, задремал.

И с врагом моим усталым
Я бороться не хочу.
Улыбнусь цветками алыми,
Зори в небе расцвечу.

Белых тучек легкий мрамор —
Изваяний быстрых ряд.
Пена волн плескучих на море
Вновь обрадовала взгляд.

Я слагаю сказки снова,
Я опять, как прежде, мал.
Дремлет молния лиловая,
Громовержец задремал.

3 июля 1909

* * *

Отчего боятся дети,
        И чего?
Эти сети им на свете
        Ничего.

Вот усталые бояться,
        Знаем мы,
Что уж близкие грозятся
        Очи тьмы.

Мурава, и в ней цветочки,
        Желт, синь, ал, —
То не черт ли огонечки
        Зажигал?

Волны белой пеной плещут
        На песок.
Рыбки зыбкие трепещут
        Здесь у ног.

Кто-то манит, тянет в море.
        Кто же он?
Там, где волны, на просторе
        Чей же стон?

Вы, читающие много
Мудрых книг,
Испытайте точно, строго
Каждый миг.

Ах, узнайте, проследите
Все, что есть,
И желанную несите
Сердцу весть!

Нет, и слыша вести эти,
Не поймешь,
Где же правда в нашем свете,
Где же ложь!

5 июля 1909

* * *

Был простор небес огромен,
А в лесу был воздух томен,
Благовонных полон смол.
Омраченный думой строгой,
Кто-то шел лесной дорогой,
За собой кого-то вел.

Точно выходцы из гроба,
Шли они, молчали оба.
В струях воздуха текла,
Тяжела, как ладан дымный,
Все земные наши гимны
Растворившая смола.

7 июля 1909

* * *

Прошли пред вами времена,
Свершились знаменья и сроки,
И начертали письмена
На свитках пламенных пророки.

И в довершенье чудесам
Страданья подвига подъемлю
И, человеком ставши, сам
Пришел на стынущую землю

Святые зерна божества
Вложить в двухсмысленные речи,
Открыть законы единства
И тождества противоречий.

Освобождая от греха,
От лютых кар несовершенства,
Я в звоне каждого стиха
Дарю вам радуги блаженства.

11 июля 1909

* * *

Хмельный, ельный запах смол
На дорогу вновь прольется.
Снова небу тихий дол
Безмятежно улыбнется.

Там, где берег над рекой
Обовьется полукругом,
Я пройду с моей тоской
Над росистым, мглистым лугом.

Я прильну к земле опять
В равнодушии усталом
Хоть немного помечтать
О нездешнем, небывалом,

И Божественная Мать
С легким, белым покрывалом
Мне подарит снова сны
Утешающей весны.

13 июля 1909

* * *

Ликуй, звени, блести, мой легкий, тонкий стих,
Ликуй, мой звонкий стих, о радостях моих.

Я кроткою мечтой тоску преодолел,
И сладко полюбил, и нежно пожалел.

И так люблю, губя, — и так, любя, гублю,
И, погубив, опять прильну, — и оживлю.

13 июля 1909

* * *

Поняв механику миров
И механичность жизни дольной,
В чертогах пышных городов
Мы жили общиной довольной,

И не боялись мы Суда,
И только перед милым прахом

Вдруг зажигались иногда
Стыдом и острым страхом.

Возник один безумец там,
И, можеть быть, уже последний.
Он повторил с улыбкой нам
Минувших лет смешные бредни.

Не понимая, почему
В его устах цветут улыбки,
Мы не поверили ему.
К чему нам ветхие ошибки!

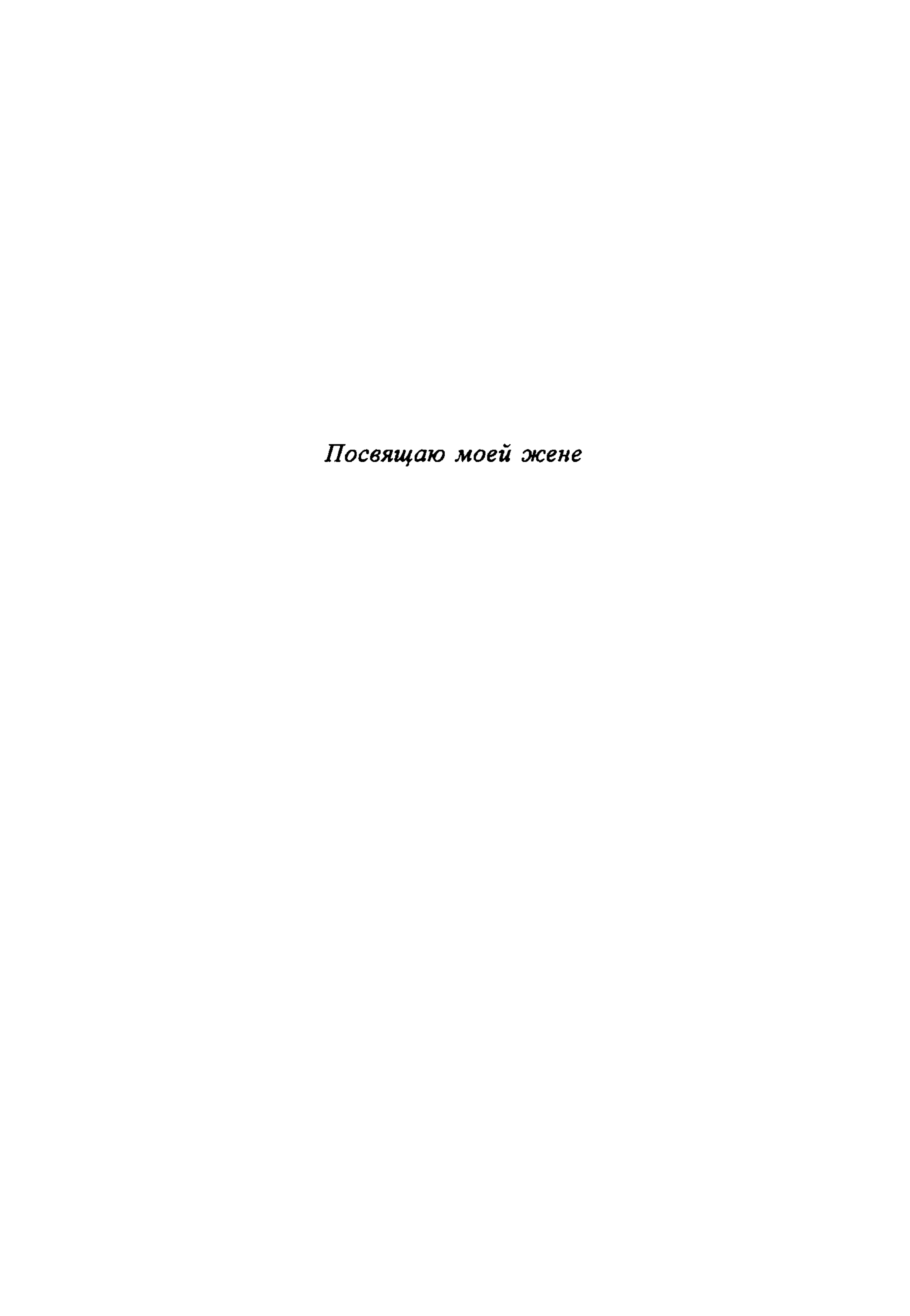
На берег моря он бежал,
Где волны бились и стонали,
И в гимны звучные слагал
Слова надежды и печали.

Так полюбил он мглу ночей
И тихо плещущие реки,
Что мест искал, где нет людей,
Где даже не было б аптеки,

И, умирая, он глядел
В небесный многозвездный купол,
Людей не звал и не хотел,
Чтоб медик пульс его пощупал.

27 августа 1909

ЖЕМЧУЖНЫЕ СВЕТИЛА

Посвящаю моей жене

* * *

Могу ли тебя не любить,
В ликующей бодрости вешней,
Пред силой, всегда побеждающей!
Так весело сердцу забыть
Томленья печали нездешней,
Зароки безвинно страдающей.

Ложится на травы роса,
И в ветре есть крепкая сладость,
И зыблется поле туманное, —
И мечется в очи краса,
И просится в душу мне радость,
И верю я, — близко желанное.

РУЧЬЮ

Спасибо, милый мой ручей!
Ко мне один ты ласков был, —
Ты в зной холодною водой
Меня, скитальца, напоил.

Полдневной жаждой утомлен,
Я рад был шуму светлых струй,
И думы скорбные прогнал
Твой тихоструйный поцелуй.

13 марта 1884

НА СЕВЕРЕ

Скалы, леса и озера
В дымке святой тишины.
Радость усталого взора,
Тусклые краски бледны.

Солнце июньское низко,
Северный полдень не жгуч.
Чуется, скрытая, близко
Родина снега и туч.

28 апреля 1885

ИЮЛЬ

Сгорает день, как фимиам,
Тихонько тают облака,
Блестит песок по берегам,
И, обмелев, журчит река.
А где поглубже, слышны в ней
И плеск, и смех, и крик детей.

Одежды сбросив на песок,
Плывут. Им дышится легко;
Удары их проворных ног
Взметают брызги высоко;
И раздаются, как звонки,
По всей реке их голоски.

Порой промчится ветерок,
И, как ребенок, он шумлив;
Там приподымет он песок,
Там закачает ветви ив,

Что наклонились над рекой...
А после снова тишь и зной.

Прохладой веет наконец,
Склонилось солнце на закат,
И, как сверкающий венец,
Над ним пурпурных тучек ряд.
И вот выходят рыбаки
Отвсюду на берег реки.

Вот мальчик на мели стоит,
И мимо обнаженных ног
Вода шумливая бежит,
Колышет легкий поплавок;
Вот в реку сходит и другой,
И скоро пестрою толпой

Ребят усеяна река,
И каждый чутко, чутко ждет,
И глаз не сводит с поплавка.
И солнце блещущее льет
На них лучей косых поток, —
И веет свежий ветерок.
15 июля 1888

ЖАСМИН

Когда стою в оранжерее
У роз и лавров я один,
Из всех цветущих мне милее
Прохладой дышащий жасмин.

Зеленый куст, и цвет столь снежный,
И запах сладкий, чуть живой,

Зовут к мечте моей мятежной
Забытых слов певучий строй.

Очарованьем ранним вея,
Как непорочный цвет, бела,
Томяся в чарах вешних, фея
Ко мне невестою сошла.

Все, что погибло без возврата,
Мечта, и радость, и любовь,
Так успокоено и свято
В душе владычествует вновь.

Часы бегут. В оранжерее
Я с белой девою один,
И тихо смотрит в очи фее
Прохладно дышащий жасмин.

30 апреля 1889

* * *

Вечереет. Смотри:
Там, на серых домах,
Алый отблеск зари,
Там, на белых стенах
Нашей церкви, как чист
Нежно-алый отлив!
Воздух тих и душист,
И горит каждый лист
У берез и у ив!
Светло-розовый блеск
По реке разлился,
И в воде что за плеск

У ребят поднялся!
За рекою песок
Желтой лентой лежит,
И сосновый лесок
Ясным светом облит.
Укрываяся в тень
От вечерних лучей,
Едет русская лень
На тележке своей.
Пыльный столб за рекой
По дороге ямской
Сизой тучкой встает
И за клячею в лес
Свой летучий навес,
Колыхаясь, несет.

Свечерело. Смотри,
Как с последним лучом
Догоревшей зари
Все бледнеет кругом.

27 мая 1889

* * *

На могилу милой
В день ее поминок
Я пришел, унылый,
Посадить барвинок.

И цветки синеют,
Глазок милой просинь,
Листья не желтеют
И в глухую осень.

Буду вспоминать я
Голубые глазки,
Нежные объятья,
Радостные ласки.

4 июня 1889

* * *

С врагом сойдясь для боя злого,
Свой меч я тяжко опустил.
Казалось мне, врага ночного
Я пополам перерубил.

Но вдоль согнувшегося тела
Безвредно сталь моя прошла
И, раздробившись, зазвенела,
Как отлитая из стекла.

Тогда последнего удара
Я равнодушно ожидал,
Но мой противник, злая мара,
Вдруг побледнел и задрожал.

Холодным тягостным туманом
Обоих нас он окружил,
И, трепеща скользящим станом,
Он, как змея, меня обвил.

Глаза туманит, грудь мне давит,
По капле кровь мою сосет.
Мне душно! Кто меня избавит?
Кто этот призрак рассечет?

10 июня 1889

* * *

Росою весь обрызган двор,
Как звездами крупными и яркими,
И блуждает, любуется подарками
Веселого солнца мой взор.

Любуется каждою росинкою,
На каждый дивится листок.
Вот блестит зеленою спинкою,
В траве притаился жучок.

Вот у забора чернокудренник
Прижался весь в слезах.
О чем ты плачешь? «Утренник
Такой был холодный, что страх».

8 августа 1889

* * *

Словно лепится сурепица,
На обрушенный забор, —
Жизни сонная безлепица
Отуманила мой взор.

Словно мальчик, быстро пчелами
Весь облепленный, кричит, —
Стонет сердце под уколами
Злых и мелочных обид.

8 августа 1889

* * *

Ризой бледно-голубою
Ночь ложится над землею,

Звезды трепетно мерцают,
Тучи бледною толпою,
Точно призраки, мелькают,
В бледной мгле почили дали, —
И на всем печать печали.

9 августа 1889

* * *

Сердце жаждет любви. В двери жизни немой
Рой мечтаний томительно бьется.
Так на берег пустынный волна за волной
С негодующим плачем несется.

Но опененный ряд прибережных камней
Не исчезнет в объятиях моря.
Грезы бурные! с жизни унылой моей
Не стряхнуть вам прильнувшего горя.

29 августа 1889

* * *

Сумерки, серые тени,
Вестники ночи и сна.
Вялость тоскующей лени.
Скучная вкруг тишина.

Зорька потухла. Белеет
Снег, пооттаявший днем.
Что-то маячит и реет
Там, наверху, за окном.

Крыльями быстро махая,
Чайки ль уносятся вдаль?
Молча сижу я, вздыхая,
В душу закралась печаль.

Что это? Боже мой! слезы.
Вот чем в душе облиты
Грезы, лазурные грезы
И золотые мечты!
6 декабря 1889

* * *

Что жалеть о разбитом бокале!
Пролитое вино пожалей.
Не об юности пылкой твоей,
О забытом тоскуй идеале.

Пусть трудами измучена грудь,
И неправдами сердце разбито, —
Лишь была бы любовь не забыта,
В дикой мгле указавшая путь,

Та любовь, что предстала так рано
Пред тобой, оробелым от зла,
И завесу немого тумана
Над твоею душой подняла,

И, как солнечный луч, озарила
Бездну зла и неправды людской,
И не раз на решительный бой
За собою тебя выводила.

Но любовь позабыта, разлит
Драгоценный нектар идеала;
Если сердце порой и горит,
Так душа отзываться устала.
13 декабря 1889

СЧАСТЬЕ

Счастье словно тучка в небе голубом.
Пролилась на землю радостным дождем
Над страной далекой, пышной и красивой,
Не над нашей бедной, выжженною нивой.

Счастье словно зрелый, сочный виноград.
Вкус его приятен, сладок аромат.
Ягоды ногами дружно мы топтали,
Вин же ароматных мы и в рот не брали.

Счастье словно поле вешнею порой,
С пестрыми цветами, с сочною травой,
Где смеются дети, где щебечут птицы...
Мы на них дивимся из окна темницы.
18 декабря 1889

* * *

Склонилась плакучая ива
Над тихой рекой,
И, ветви качая лениво,
В воде любовалась собой.

Упругие, светлые струи
Чуть слышно плескались у ног.

Смеялся на их поцелуи
Ленивый и влажный песок.

На небе вечерние краски
Тонули в серебряной мгле,
И звезд безмятежные глазки
Сияли приветом земле.

Безмолвно стоял я под ивой
И вновь о нездешнем мечтал,
И вновь над душой горделивой
Смиряющий ангел сиял.

17 февраля 1890

* * *

И дымят, и свистят пароходы;
Сотни барок тяжелых и гонок,
Долговязых плотов и лодчонок
Бороздят оживленные воды.

Здесь веселые резвые дети,
Словно чайки снуют над рекою,
Там идут бурлаки бечевою,
Там разложены мокрые сети.

Опрокинута старая лодка
Перед чьею-то ветхой избою,
И полощет умелой рукою
Чьи-то тряпки босая молодка.

Как мятежное, вольное море,
Воздух яркими звуками стонет,

В их разливе стремительном тонет
Песня личного, мелкого горя.

Отойдешь от реки — на погосте
Все так тихо, так сладко-покойно!
Надмогильные насыпи стройно
Прикрывают истлевшие кости.

Обомшали седые каменья,
И накрестные надписи кратки,
Как неясного смысла загадки
Или цепи разорванной звенья.

Лишь ворона порой над крестами
Пролетит, лишь кукушка кукует.
Тихо ветер порою подует
И качнет молодыми кустами.

Здесь в приюте забытом, угрюмом
Песня скорбная, горькая зреет
И, что свечка в тиши, пламенеет,
Не гасима движеньем и шумом.

11 мая 1890

* * *

Он поэтом рожден. В колыбельку ему
Рой волшебниц принес беззаботные сказки.
Золотыми лучами прорезали тьму
Перед ним заревые улыбки и ласки.

Как прозревший слепец, безотчетно дивясь,
Он на все обращал беспокойные взоры,

И цветов и созвучий звенящая вязь,
С яркоцветной мечтой прихотливо сплетясь,
С ним играла всегда и вела разговоры.

Улыбалася травка ему от земли,
Улыбались зеленые, гибкие лозы.
На заре в небесах ему розы цвели,
Зорьки наземь сошли, по кустам залегли,
На шиповнике диком раскинулись в розы.

Много сказок шептал серебристый ручей,
Обнаженные ноги его обнимая,
И, целуя чету прибережных камней,
Он прозрачной струей извивался, как змей,
И смеялся, и пел, и звенел, убегая.

Песни звонкий напев, тихий ропот струны,
Струи света дневного, ночное мерцанье,
Бриллианты зимы, ароматы весны,
В ярких красках и звуках нарядные сны,
Сладкий трепет надежд, жаркий говор желанья...

17 мая 1890

* * *

Странный сон мне снился: я кремнистой кручей
Медленно влачился. Длился яркий зной.
Мне привет веселый тихий цвет пахучий
Кинул из пещеры темной и сырой.

И цветочный стебель начал колыхаться,
Тихо наливаться в жилки стала кровь, —
Из цветочной чаши стала подыматься
С грустными очами девушка, любовь.

На губах прекрасной стали ясны речи, —
Я услышал звуки, легкие, как сон,
Тихие, как шепот потаенной встречи,
Как далекой тройки серебристый звон.

«На плечах усталых вечное страданье, —
Говорила дева, — тяжело носить.
Зреет в темном сердце горькое желанье
Сбросить бремя жизни, душу погасить.

Страстною мечтою рвешься в жизнь иную,
Хочешь ты проникнуть в даль иных времен.
Я твои мечтанья сладко зачарую.
Ты уснешь, и долог будет чудный сон,

И, когда в народах правда воцарится
И с бессильным звоном рухнет злой кумир,
В этот миг прекрасный сон твой прекратится,
Ты увидишь ясный, обновленный мир».

Девушка замолкла, легкой тенью скрылась,
И внезапно тихо стало все вокруг.
Голова безвольно на землю склонилась,
И не мог я двинуть онемелых рук.

Омрачался ль дух мой сладостным забвеньем,
И слетали грезы лишь по временам,
Неустанно ль сердце трепетным биеньем
Жизнь мою будило, — я не знаю сам.

Бурно закипали прежние страданья,
Вновь меня томила жадная тоска,
Но, пока пылал я муками желанья,
Над землей промчались многие века.

«Донеси от жизни только звук случайный,
Ветер перелетный, гость везде родной!
Только раз весною, с радостью и тайной
Донеси случайно запах луговой!»

Так молило сердце, и в тревоге жадной
В грудь мою стучало, но холодных губ
Разомкнуть не мог я для мольбы отрадной.
И лежал в пещере, как тяжелый труп.

Снилось мне: столетья мчатся над землею,
Правда все страдает, Зло еще царит,
Я один во мраке, мертвой тишиною
Скован, тишиною мертвою обвит.

23 мая 1890

* * *

Раз шалунье капле стало скучно в море:
Высь ее прельстила,
Солнце заманило,
Сладко улыбаясь в голубом просторе.

Солнце посылало золотые струи
Из небесной дали,
И они ласкали
Маленькую каплю, словно поцелуи.

С каждым их лобзаньем капля загоралась
Новым, сладким жаром
И незримым паром
Наконец на волю радостно умчалась,

И навстречу солнцу устремилась смело...
Но увы! светило
Недоступно было,
Капля ж поневоле в небе холодела.

И земля родная маленькой беглянке
Снова милой стала,
И она упала
С дождиком шумящим на лесной полянке.

15 июня 1890

* * *

На бой я вышел одинокий,
Напрасно помощи я ждал:
Свалил меня мой враг жестокий,
В моей груди его кинжал.

Я, простирая слабо руки,
Молю врага: «О, пощади!
Пускай умру без лишней муки!
Не поверни ножа в груди!»

2 июля 1890

* * *

Не хочет судьба мне дарить
Любовных тревог и волнений;
Она не дает мне испить
Из кубка живых наслаждений.

И грезу я плотью облек,
И дал ей любовные речи,

Надел ей на кудри венок,
Прозрачное платье на плечи.

Услышав зовущую речь,
Она в мою ночь приходила,
И, сбросив с мечтательных плеч
Одежду, мне радость дарила.

Когда же разрежет восток
Лучами багряное солнце,
И, встретив их яркий поток,
Зардеются стекла в оконце, —

Она становилась бледна,
Печально меня целовала
И в узком просвете окна
В сиянье зари исчезала.

4 июля 1890

* * *

Чем строже себя наблюдаю,
Тем лучше людей узнаю
И с миром теснее сплетаю
Печальную душу мою.

Припомню деяния злые
Напрасно растраченных дней, —
Мне ясны тревоги мирские
И злое безумье людей.

19 июля 1890

* * *

Надутый ветром серый парус,
Как рьяный конь, лодчонку мчит.
Вода от весел, как стеклярус,
Сверкая брызгами, летит.

Ты приумолкла. Пышет зноем
Твое лицо, глаза горят.
Каким пленительным покоем
Нас лес и берег подарят!

5 августа 1890

* * *

Уж не тянусь, как прежде, я
Нетерпеливыми устами
К блестящей чаше бытия
С его отравленными снами.

Так мрачный вяз, на склоне дней,
Дуплистый и грозой спаленный,
Не посылает, утомленный,
Во глубину своих корней.

7 августа 1890

* * *

Душе моей, страдающей жестоко,
Твердят лукавые уста,
Что станет грезою пророка
Моя лазурная мечта,

Что в мир войдет царицею свобода,
И золотой настанет век,
И, предстоя сильнейшим из народа,
Не задрожит от страха человек,

И смолкнет алый вопль страданья
Вкруг изукрашенных столиц,
И белый ужас истязанья
Не исказит румяных детских лиц.
17 августа 1890

* * *

Душою чистой и незлобной
Тебя Создатель наделил,
Душой, мерцанью звезд подобной
Иль дыму жертвенных кадил.

Хотя дыханьем чуждой злобы
Не раз мрачился твой удел, —
Нет человека, на кого бы
Ты темной злобою кипел.

Но каждый день огнем страданья
Тебя венчали ложь и зло, —
В твоей душе негодованье,
Как семя в почве, проросло.
4 апреля 1891

* * *

Я упивался негой счастья,
Безумным праздником любви.

Струился ядом сладострастья
Избыток сил в моей крови.
Я говорил: «И от ненастья
Часы отрадные лови,
Во всех пирах бери участье,
Для грез пленительных живи!»

Не видел я, безумец бедный,
Обманов жизни этой бледной!
Но вдруг отвергнутого стон
Смешался с песней звонкой нашей, —
И с пира я бежал, смущен
И не допив заздравной чаши.

4 августа 1891

* * *

В томленьях жизни несчастливой
Меня забавишь только ты,
О муза дивно-прихотливой
Мечты!

В разгаре грусти безнадежной
Ты предстаешь душе моей,
Ее пленяя лаской нежной
Мир озаряющих лучей.

Забыты жгучие обиды,
В душе смолкает гордый гнев,
Как перед взорами Киприды
Плененный лев.

6 апреля 1892

* * *

Полно плакать — вытри слезы,
Проводи меня в свой сад,
Где так нежно пахнут розы,
Где кудрявые березы
Улыбаясь шелестят.

Полно плакать, — что за горе!
То ль, что мачеха лиха,
И, с тобою вечно в ссоре,
Держит двери на запоре,
Не пускает жениха?

Не томи тоской сердечка, —
Год промчится, подрастешь,
Смело выйдешь на крылечко,
Повернешь в дверях колечко
И от мачехи уйдешь.

Близок день освобожденья.
Сердце к воле приготовь,
Чтобы в светлые мгновенья
Светлый праздник примиренья
Создала тебе любовь.

11 июня 1892

* * *

Когда мечты полночной обаянья
Умчат меня в заветные края,
Где, бледная от лунного сиянья,
Ко мне придет желанная моя, —

Ползет туда какими-то путями
Тоска души моей
И не дает пленительными снами
Забыться ей.

В стране надежды радостной и грезы
Она змеей таится между роз!
То не роса, — ее катятся слезы
По гибким веткам придорожных лоз;

То не туман клубится над рекою,
Блестя в лучах задумчивой луны, —
Ее дыханье мглистою волною
Закутало мечтательные сны.

Вот, соловья нелепо прерывая,
Безумный крик пронесся. Это кто?
Ах, все она, тоска моя, рыдая
Вопит о том, что жизнью отнято.

30 июля 1892

* * *

Реет снег. Темна дорога.
На душе моей темно.
Кто-то темный смотрит строго
В запотелое окно,

И томит меня тоскою
Неподвижно-темный взгляд,
И проходит предо мною
Сожалений поздних ряд.

5 августа 1892

* * *

Вешняя ночь: звезды, луна, соловей.
Воздух душист, в воздухе носятся грезы.
Звонко поет влажную песню ручей.
Тихо стоят, слушают чутко березы.

Дремлет ночь, очарованьем
Упоительным дыша,
И надеждам и желаньям
Покоряется душа.

В сладкой тени белых, кудрявых берез
Кто-то ведет тихие, нежные речи.
Тихий полет сладких, пленительных грез
Чьи-то открыл взорам любимого плечи.

Жажда бурных наслаждений
Зажигает в сердце кровь,
Но отраву вожделений
Гасит кроткая любовь.

10 августа 1892

* * *

Над рекою гудит непогода,
Бьет пороги волной разъяренной.
Плещут волны на борт парохода
И поют ему плач похоронный.

Я в каюте угарной и тесной.
Позади меня тени роятся,
Предо мною, в дали неизвестной,
За туманами тучи клубятся.

Неотмщенной обиды отрава
Золотые надежды багровит,
И ползучая злоба лукаво
Неминучую смерть славословит:

«Чем ты горше страдаешь, тем слаще
Будет сон твой в безгрезной могиле.
Тем отраднее отдых, чем чаще
Испытания грозные были».

8 сентября 1892

ИРИНА

Помнишь ты, Ирина, осень
В дальнем, бедном городке?
Было пасмурно, как будто
Небо хмурилось в тоске.

Дождик мелкий и упорный
Словно сетью заволок
Весь в грязи, в глубоких лужах
Потонувший городок,

И тяжелым коромыслом
Надавив себе плечо,
Ты с реки тащила воду;
Щеки рдели горячо...

Был наш дом угрюм и тесен.
Крыша старая текла,
Пол качался под ногами,
Из разбитого стекла

Веял холод; гнулось набок
Полусгнившее крыльцо...
Хоть бы раз слова упрека
Ты мне бросила в лицо!

Хоть бы раз в слезах обильных
Излила невольно ты
Накопившуюся горечь
Беспощадной нищеты!

Я бы вытерпел упреки
И смолчал бы пред тобой.
Я, безумец горделивый,
Не поладивший с судьбой,

Так настойчиво хранивший
Обманувшие мечты
И тебя с собой увлекший
Для страданий нищеты.

Опускался вечер темный
Нас измучившего дня, —
Ты мне кротко улыбалась,
Утешала ты меня.

Говорила ты: «Что бедность!
Лишь была б душа сильна,
Лишь была бы жаждой счастья
Воля жить сохранена».

И опять, силен тобою,
Смело я глядел вперед,
В тьму зловещих испытаний
Угрожающих невзгод,

И теперь над нами ясно
Вечереют небеса.
Это ты, моя Ирина,
Сотворила чудеса.

1 октября 1892

* * *

После жизни недужной и тщетной,
После странных и лживых томлений,
Мы забудемся сном без видений,
Мы потонем во тьме безответной,

И пускай на земле, на печальном просторе
Льются слезы людские, бушует ненастье:
Не найдет нас ни бледное, цепкое горе,
Ни шумливо-несносное счастье.

21 января 1893

* * *

Чем свежее становилось,
Чем длинней ложилась тень,
Тем настойчивей просилась
В сердце вкрадчивая лень,

Надоевшую работу
Не давала мне кончать
И постылую заботу
Порывалась отогнать.

Так любимая супруга
К трудолюбцу подойдет,

И смеется, и зовет,
И торопит час досуга.

24 января 1893

* * *

Сердцем овладевшая, злоба застарелая
Шепчет речи знойные, горько-справедливые,
И скликает в бешенстве воля моя смелая
Замыслы безумные, грезы горделивые.

А над вьюгой замыслов, над огнем восстания
Реет тень зловещая, облачко летучее.
Что-то непонятное за дверьми сознания
Чутко притаилося, — лихо неминучее.

Знаю: гость непрошеный с холодом презрения
Глянет неожиданно в душу многодумную,
И погасит хохотом веру неразумную,
И погубит замыслы сладостного мщения.

21 февраля 1893

* * *

Ночные грезы их пленили,
Суля им радостные дни.
Они друг друга полюбили,
И были счастливы они.
То было молодостью ранней,
Когда весна благоуханней,

Когда звончее плеск ручья,
Когда мечтанья вдохновенней,

И жарче жажда бытия
И жажда радости весенней.
Восторги, грезы без числа,
Забава жизни то была.

То жизнь смеялась, рассыпая
На их пути свои цветы
И тихо веющего мая
Лобзанья, чары и мечты.
Она любовью их манила,
А после горем наделила.

6 апреля 1893

В МАЕ

Майские песни!
Ясные звуки!
Страсть их слагала, поет их весна.
Радость, воскресни!
Злоба и муки —
Призраки страшные зимнего сна.

Злые виденья
Раненой жизни,
Спите до срока в мятежной груди!
Ключ вдохновенья,
На душу брызни,
Чувства заснувшие вновь разбуди!

13 апреля 1893

* * *

Счастливые годы
Промчались давно, —

Суровой невзгоды
Окрепло вино.

Из чаши злорадно
Струится оно,
Как смерть беспощадно,
Как радость красно.

Кипящую чадно
Отравы струю
Безумно и жадно
Как счастье, я пью,

Надежды прекрасной
Давно не таю,
Пред смертью ужасной
Слезы не пролью.
7 июня 1893

* * *

Я слагал эти мерные звуки,
Чтобы голод души заглушить,
Чтоб сердечные вечные муки
В серебристых струях утопить.

Чтоб звучал, как напев соловьиный,
Твой чарующий голос, мечта,
Чтоб, спаленные долгой кручиной,
Улыбнулись хоть песней уста.
2 июля 1893

* * *

Как высокая, тонкая арка,
Семицветная радуга ярко
Над омытой землею висит.
Многодумное сердце трепещет,
И тревожными песнями плещет,
И неведомой грустью горит.

Обещанье старинное снова
С умилением встретить готова
Изнуренная жизнью душа.
Побледнеют небесные краски, —
И она обманувшие сказки
Позабудет, к печали спеша.

Растворяется радуга, — снова
Бесконечная даль голубого,
Бесконечной тоски пустота.
Снова злобою сердце трепещет,
Снова темными песнями плещет,
Снова ужасом жизнь повита.
19 июля 1893

У КУЗНЕЦА
(Легенда)

В двери кузницы Мария
Постучалась вечерком:
«Дай, кузнец, приют мне на ночь:
Спит мой Сын, далек мой дом.

Отворил кузнец ей двери.
Матерь Божия сидит,

Кормит Сына и на пламя
Горна мрачного глядит.

Реют искры, ходит молот.
Дышит мастер тяжело.
Часто дланью загрубелой
Отирает он чело.

Рядом девочка-подросток
Приютилась у огня,
Грустно бледную головку
На безрукий стан склоня.

Говорит кузнец: «Вот дочка
Родилась калекой. Что ж,
Мать в могиле, дочь со мною
Хоть и горько, да куешь».

«Разве так трудна работа?»
— «Не трудна, да тяжела.
Не велик мой ков для блага,
Много сковано для зла.

Вот ковать я начал гвозди.
Три из них меня страшат.
Эти гвозди к древу казни
Чье-то тело пригвоздят.

Я кую и словно вижу, —
Крест тяжелый в землю врыт.
На кресте твой Сын, распятый,
Окровавленный, висит».

С криком ужаса Младенца
Уронила Божья Мать.

Быстро девочка вскочила,
Чтоб Малютку поддержать, —

И свершилось чудо! Прежде,
Чем на память ей пришло,
Что порыв ее напрасен, —
В обнаженные светло,

Богом данные ей руки
Лег с улыбкою Христос.
«Ах, кузнец, теперь ты счастлив,
Мне же столько горьких слез!»

2 августа 1893

НАСЛЕДИЕ ОБЕТА
(Легенда)

Неожиданным недугом
        Тяжко поражен,
В замке грозно-неприступном
        Умирал барон.

По приказу господина
        Вышли от него
Слуги, с рыцарем оставив
        Сына одного.

Круглолицый, смуглый отрок
        На колени стал, —
И барон грехов немало
        Сыну рассказал.

Он малюток неповинных
        Крал у матерей

И терзал их перед дикой
Дворнею своей, —

Храмы грабил, из священных
Чаш он пил вино, —
Счет супругам оскорбленным
Потерял давно.

Так барон, дрожа и плача,
Долго говорил, —
И глаза свои стыдливо
Отрок-сын склонил.

Рдели щеки, и ресницы
Осеняли их,
Как навесы пальм высоких
Жар пустынь нагих.

Говорил барон: «Познал я
Мира суету, —
Вижу я себя на ветхом,
Зыблемом мосту,

Бедных грешников в мученьях
Вижу под собой.
Рухнет мост, и быть мне скоро
В бездне огневой.

И, воззвавши к Богу, дал я
Клятву и обет,
Клятву — сердцем отрешиться
От минувших лет,

И обет — к Святому Гробу,
В дальние пути,

Необутыми ногами
Зло мое снести.

И мои угасли силы,
Не свершен обет,
Но с надеждой покидаю,
Сын мой, этот свет:

Мой наследник благородный,
Знаешь ты свой долг».
И барон в изнеможенье,
Чуть дыша, умолк.

Поднялся и молча вышел
Отрок. Рыцарь ждет
И читает Символ веры.
Время медленно идет.

Вдруг открылась дверь, и входит
Сын его в одной
Шерстяной рубахе, с голой
Грудью и босой.

Говорит, склонив колени:
«Всем грехам твоим
Я иду молить прощенья
В Иерусалим.

Я жестоким бичеваньям
Обрекаю плоть,
Чтоб страданьями моими
Спас тебя Господь,

И, зажженною свечою
Озаряя путь,

Не помыслю даже в праздник
Божий отдохнуть.

Отдохну, когда увижу
Иерусалим,
Где я вымолю прощенье
Всем грехам твоим.

Буду гнать с лица улыбку
И, чужой всему,
На красу земли и неба
Глаз не подыму.

Улыбнусь, когда увижу
Иерусалим,
Где я вымолю прощенье
Всем грехам моим».

13 ноября 1893

* * *

Идет весна, широко сея
Благоуханные цветы,
И на груди своей лелея
Еще невинные мечты.

Горят алмазною росою
Их золотые лепестки,
И как над пылкой головою
Венки из тех цветов легки!

Но что за хитрая отрава
В их сладком духе разлита,

Как обаятельно-лукава
Их молодая красота!

Каким забвеньем и туманом
Нам кружит головы она,
Цветами сыпля по полянам,
Неутомимая весна!
1 декабря 1893

* * *

Мне была понятна жизнь природы дивной
В дни моей весны.
Охраняла вера, рдел восторг наивный,
Ясны были сны,

И в сиянье веры был чудес чудесней
Блеск живого дня.
Мне певала мама и будила песней
Сонного меня:

«Если мы не встанем, так заря не вспыхнет,
Солнце не взойдет,
Петушок крикливый загрустит, затихнет,
Сивка не заржет,

Птичка не проснется, не прольются песни,
Дней убавит лень.
Встань же, позови же: «Солнышко, воскресни!
Подари нам день!»

Так мне пела мама и будила песней
Сонного меня, —

И в сиянье веры был чудес чудесней
Блеск живого дня!

Верил я, что жизни не напрасна сила
У меня в груди.
Что-то дорогое, светлое сулила
Жизнь мне впереди.

Так была понятна жизнь природы дивной
В дни моей весны!
О, святая вера! о, восторг наивный!
О, былые сны!

5 декабря 1893

* * *

«И ты живешь без идеала!
Бесцельна жизнь, в груди тоска!» —
Томясь печалью, ты сказала,
И я почувствовал: дрожала
В моей руке твоя рука.
«К былому, друг мой, нет возврата, —
Промолвил я, печаль тая, —
Поверил также я когда-то,
Плененный буйством бытия,
Что к идеалам путь возможен,
Что блеск девичьих глаз не ложен,
И что верна любовь твоя!»

10 декабря 1893

* * *

Так нежен был внезапный поцелуй
Счастливого, нежданного светила,

Что ядовитых и печальных струй
В сиянье радостном душа не различила.

Восторженно я поднял к небесам
Мои глаза усталые и руки,
И вверил я предательским ветрам
Мечтательных напевов звуки.

Я рад забыть, что жизнь пуста
И что близка суровая развязка.
Блести, звени, отрадная мечта
Лелей меня, пленительная сказка!

8 января 1894

* * *

Он молод был и болен,
Его томила нищета,
Но он судьбой своею был доволен.
Его утешила блаженная мечта,
Открывши мир, где блещет красота,
Где люди радостны, как боги,
Где краток легкий труд,
Где отдых прячется в чертоги,
Где наслаждения цветут,
Где нет раба и властелина
И где неведома кручина.

Когда сходил он с неба своего
В наш бледный мир, мятежный и угрюмый,
С какой презрительною думой
К нам обращался взор его!

20 января 1894

* * *

О жизнь, умчи меня от скучных берегов,
От волн ленивых и ползучих,
В поток валов
Могучих!

Умчи мою ленивую ладью
В водоворот кипящий и опасный, —
Я в пену яркую одену жизнь мою,
Упьюсь борьбой неравной и прекрасной,
И яд тоски моей, безумной и неясной,
В ревущий зев стремнины изолью.

23 января 1894

* * *

Состязаясь, толпа торопливо бежит,
И в ней каждый стремлением диким трепещет,
К этой чаше, которая ярко блестит
И в которой напиток губительный плещет.

За нее неизбывную злобу питать,
К ней тянуться по трупам собратий
И, схвативши с восторгом ее, услыхать
Стоны зависти злобной и вопли проклятий!

О, безумная ложь! О, бессмысленный грех!
Да не стоит она этих жертв изобильных,
Эта чаша с напитком, желанным для всех,
Но доступным лишь только для грубых и сильных.

25 апреля 1894

27 Федор Сологуб-7

* * *

Мечта любви неодолима.
Не жизнью мой навеян сон, —
С лазурной ризы серафима
Он горним ветром занесен.

Прикосновенье райской пыли
Глаза отрадою живит, —
Забыты низменные были,
И рай доступен и открыт.

8 июня 1894

* * *

Ночь июня, млея в ласке заревой,
Насмехалась гордо над моей тоской.

Смеючись тихонько с ивою влюбленной,
Лепетал ручей мне: «Уходи, бессонный».

Липка мне шептала: «Уходи-ка прочь,
Не смущай уныньем радостную ночь!»

И заря с полночи алою улыбкой
То же повторяла за зеленой липкой.

Крыльями тревожно ветер трепетал.
«Уходи, мечтатель!» — мне он прошептал.

Все, что здесь я видел, пело хором стройным:
«Здесь не место думам злым и беспокойным».

9 июня 1894

КОЛЬЦО И ВЕНОК

В угрюмой Норвежской долине,
Среди неприветливых гор,
Глубокое озеро плещет,
Заводит с утесами спор.

Нет выхода скованной силе,
Но тайна глубокая в нем, —
И старцы преданий немало
Расскажут об озере том.

Кто хочет узнать свою долю,
Свершает старинный обряд.
Немногие делали это,
Не все возвращались назад.

Однажды задумчивый отрок,
Едва заалелся восток,
Спустил по скалам круторебрым
На озеро утлый челнок,

Веслом от скалы оттолкнулся,
И быстро помчалась ладья,
Колышась на зыби строптивой
И темную воду струя.

Горело лицо молодое,
Как пламя зари золотой,
И кудри вились золотые,
И очи пылали тоской.

Вот выехал он на средину,
И в лодку он бросил весло, —

Прислушалось горное эхо
И стук далеко разнесло.

И встал синеокий красавец,
Ладья закачалась под ним,
И поднял высоко, высоко
Он руку с кольцом золотым.

Он гордо воскликнул: «Для сердца
Нет в мире желанных утех!
Презренны забвенные слезы,
Презрен и разымчивый смех.

Как это высокое небо,
Возвышенна тайная цель, —
Но жизнь для великого дела
Тесна, как моя колыбель.

Какой же дорогой идти мне
И чем увенчать мне чело?»
Прислушалось горное эхо,
Далёко слова разнесло.

И, древний обряд совершая,
Роняет он в волны кольцо, —
Мгновенно суровая бледность
Его покрывает лицо.

И озеро вдруг зашумело,
И вертит ладью, и несет,
Но отрок стоит, не колеблясь,
И видит он: что-то плывет,

Чернея в волнах опененных, —
И вот на дрожащий челнок

Волною плеснувшею брошен
Сплетенный из терний венок.

Затихли суровые волны,
И вновь заходило весло, —
Прислушалось горное эхо
И плеск далеко разнесло.

И солнце взошло, озаряя
Улыбку на алых губах,
Венок на кудрях золотистых
И слезы на синих глазах.

20 июня 1894

* * *

Невольный труд,
Зачем тобой я долго занят?
Мечты цветут, —
Но скоро сад их яркий вянет,

И прежде, чем успел
Вдохнуть я теплое дыханье,
Их цвет багряный облетел
В печальной муке увяданья.

23 июня 1894

ЗВЕЗДНАЯ ДАЛЬ

Очи темные подъемлет
Дева к небу голубому
И, на звезды глядя, внемлет
Чутко голосу ночному.

Под мерцаньем звезд далеких,
Под блистающей их тайной
Вся равнина в снах глубоких
И в печали не случайной.

Тихо, робко над рекою
Поднимаются туманы
И ползучею толпою
Пробираются в поляны.

У опушки тени гуще,
Лес и влажный, и дремотный.
Смотрит страх из темной кущи,
Нелюдимый, безотчетный.

К старику-отцу подходит
Дева с грустною мечтою
И про небо речь заводит:
«Беспредельность предо мною.

Где-нибудь в раздольях света,
За безмерным отдаленьем,
Есть такая же планета,
И с таким же населеньем.

Есть там зори и зарницы,
Реки, горы и долины,
Счастье, чары, чаровницы,
Грозы, слезы и кручины.

Не оттуда ль в сердце плещет
Греза сладостным приветом?
Вот звезда над нами блещет
Переливным дивным светом:

Это — солнце, и с землею,
И на той земле мечтает
Кто-то, близкий мне душою.
К нам он взоры подымает,

Нескончаемые дали
Мерит черными очами, —
И томления печали
Отвеваются мечтами.

Он иную землю видит,
Где так ярко счастье блещет,
Где могучий не обидит,
Где бессильный не трепещет,

Где завистливой решеткой
Пир богатых не охвачен,
Где клеймом недоли кроткий
Навсегда не обозначен.

Скоро звезды гаснуть станут,
Расточатся чары ночи,
И с тоской пугливой глянут
Размечтавшиеся очи».

26 июня 1894

* * *

Судьба безжалостная лепит
Земные суетные сны,
Зарю надежд, желаний лепет,
Очарования весны,

Цветы, и песни, и лобзанья, —
Все, чем земная жизнь мила, —

Чтоб кинуть в пламя умиранья
Людей, и вещи, и дела.

Зачем же блещет перед нами
Ничтожной жизни красота,
Недостижимыми струями
Маня молящие уста?

Безумен ропот мой надменный, —
Мне тайный голос говорит,
Что в красоте, земной и тленной,
Высокий символ нам открыт.

И вот над мутным колыханьем
Порабощенной суеты
Встает могучим обаяньем
Святыня новой красоты.

Освобожденья призрак дальний
Горит над девственным челом,
И час творенья, час печальный
Сияет кротким торжеством,

Врачует сердцу злые раны,
Покровы Майи зыблет он
И близкой тишиной Нирваны
Колеблет жизни мрачный сон.

27 июня 1894

* * *

Ночь с востока на землю слетела,
На нее свой плащ сквозной надела, —

Горы, долы, рощи тихо спят,
Только в небе звездочки горят,
Только в речке струйки шелестят,

Только старая не спит одна,
О минувшем думает она,

Да и сердцу бедному не спится, —
Странной грезой глупое томится.

29 июня 1894

* * *

Где тают облака,
Где так лазурь легка,
Где зорька ярко пышет,
Где огненный перун
Зигзаги тайных рун
На темных тучах пишет,

Туда б умчался я,
В холодные края,
На крыльях избавленья,
Как мчатся в небеса
Земные чудеса,
Наивные моленья.

5 июля 1894

* * *

Под гул, затеянный мятелью,
При свете бледного огня

Мечтает пряха над куделью,
Мечтает, сон свой отгоня.
В сиянье солнечном проходит
Пред нею милый пастушок,
Напевы звонкие выводит
Его прельстительный рожок.

Как пряха, плоть неодолима
Томится яркою мечтой,
Пока Любовь проходит мимо, —
Но час настанет, — час святой
Иль осуждения достойный,
О, все равно! — соединят
Любовь и Плоть свой ропот знойный,
Своих восторгов рай и ад.

7 июля 1894

КОСТЕР

Забыт костер в лесной поляне:
Трещат иссохшие сучки,
По ним в сереющем тумане
Перебегают огоньки,
Скользят, дрожат, траву лобзают,
В нее ползут и здесь и там,
И скоро пламя сообщают
Еще могучим деревам.

И я, томясь в немой кручине,
Изнемогая в тишине,
В моей безвыходной пустыне
Горю на медленном огне.
О, если б яростным желаньям

Была действительность дана, —
Каким бы тягостным страданьям
Земля была обречена!

8 июля 1894

* * *

Блажен, кто пьет напиток трезвый,
Холодный дар спокойных рек,
Кто виноградной влагой резвой
Не веселил себя вовек.
Но кто узнал живую радость
Шипучих и колючих струй,
Того влечет к себе их сладость,
Их нежной пены поцелуй.

Блаженно все, что в тьме природы,
Не зная жизни, мирно спит, —
Блаженны воздух, тучи, воды,
Блаженны мрамор и гранит.
Но где горят огни сознанья,
Там злая жажда разлита,
Томят бескрылые желанья
И невозможная мечта.

13 июля 1894

* * *

Кто понял жизнь, тот понял Бога,
Его законы разгадал
И двери райского чертога
Сквозь дольный сумрак увидал.

Его желанья облетели,
Цветы промчавшейся весны.
К недостижимой вечной цели
Его мечты устремлены.

4 августа 1894

АФАЗИЯ

Страны есть, недостижимые
Для житейской суеты.
Там цветут неизяснимые
Обаянья и мечты.

Там все дивное, нездешнее,
Нет печалей и тревог;
Там стоит, как чудо вешнее,
Зачарованный чертог.

Обитает в нем фантазия.
Но из тех блаженных стран
Стережет пути Афазия,
Облеченная в туман,

И, когда с небес изгнанником
Утомленный дух летит,
Предстает она пред странником,
Принимает грозный вид,

И слова, слова небесные
Отымает от него,
Чародейные, чудесные,
Все слова до одного.

13 сентября 1894

* * *

В райских обителях — блеск и сиянье:
Праведных жен и мужей одеянье
Все в драгоценных камнях.
Эти алмазы и эти рубины
Скованы в небе из дольной кручины, —
Слезы и кровь в их огнях.

Ангел-хранитель! куешь ты прилежно
Слезы и кровь, —
Ах, отдохни ты порой безмятежно,
Царский венец не всегда мне готовь.
Меньше алмазом в обителях рая,
Ангел, поверь, мне не стыд.
Бедную душу недоля земная
Каждою лишней слезою томит.

28 сентября 1894

* * *

Лампа моя равнодушно мне светит,
        Брошено скучное дело,
        Песня еще не созрела, —
Что же тревоге сердечной ответит?

Белая штора висит без движенья.
        Чьи-то шаги за стеною.
        Эти больные томленья —
                Перед бедою!

3 октября 1894

* * *

Снежное поле бесшумно.
Солнце склонилось в раздумье.
Санки несутся безумно.
Сердце и воля в безумье.

Ветви березы попутной
Толсты от крупного снега.
Жизнью иной, не минутной,
Дышит морозная нега.

23 октября 1894

ШВЕЯ

Истомила мечта,
Вожделеньем взволнована кровь.
Эта жизнь и скучна и пуста,
А в мечте безмятежна любовь.

За машиной шумливой сидит молодая швея.
И бледна, и грустна, серебрится луна.
Отчего не слыхать соловья?
Отчего не лепечет волна?
И грустна, и бледна молодая швея.

Повстречать бы любовь,
Рассыпая пред нею цветы!
Вожделеньем взволнована кровь,
И румяны, и знойны мечты.

Под изношенным платьем не видно пленительных плеч.
Только шорох невнятный порой за стеной...

Отчего бы на ложе не лечь,
Обнажая свой стан молодой!
Только шорох невнятный от девственных плеч.

Истомила мечта,
Вожделеньем взволнована кровь.
Эта жизнь и скучна и пуста,
А в мечте лучезарна любовь.

24 октября 1894

* * *

К закату бегут облака,
И небо опять озарилось приветною лаской,
В душе моей радость и вместе тоска.
И грустно и кротко глядят облака, —
Такою далекой, заманчиво-трудною сказкой.
Заря надо мною с таинственной лаской,
Но ты, о невеста моя, далека.

Ты сердцем угадана в доле моей многотрудной,
Тебя мне пророчит печаль,
Мне слышится голос твой чудный, —
Угадана сердцем ты в доле моей многотрудной
Чрез эту туманную даль.
Но где ты, невеста? И что мне пророчит печаль?
Кто сердцу дарует покой непробудный?

24 октября 1894

* * *

Грустно любовь затаила последний привет.
Осень настала, и листья опали.

Вязкой дорогой неясен оставленный след.
Белою мглою задернуты дали.
Грустно любовь затаила последний привет.
Кроткие звезды увяли.

9 ноября 1894

* * *

Ты не знаешь, невеста, не можешь ты знать,
Как не нужен мне мир и постыл,
Как мне трудно идти, как мне больно дышать,
Как мне страшно крестов и могил,

И напрасно мечта в опечаленной мгле
Мне твои озаряет черты, —
Далека ты, невеста! На грешной земле
И тоска, и беда разлиты.

21 декабря 1894

* * *

Опять меня объемлет лень,
Опять душа дремотна.
Немой и лживый день
Идет, как прежде, беззаботно.

А за дверьми стоит опять
Угрюмый гость, тоска ночная,
Неумолимо поджидая
Минуты, чтобы вновь терзать.

21 декабря 1894

* * *

Верю в счастье, верю снова
Светлым радостям весны,
Но грустнее снов больного
Утомительные сны.

И пугливы, и тоскливы,
Как ленивый плеск волны,
Как поникнувшие ивы,
Сны о бедах старины.

21 февраля 1985

* * *

Я устал, — я едва только смею дышать, —
И недужны, и трудны людские пути.
Невозможно понять, невозможно сказать,
И куда же, и как же идти?

В этих жилах струится растленная кровь,
В этом сердце немая трепещет тоска.
И порочны мечты, и бесстыдна любовь,
И безумная радость дика.

28 февраля 1895

* * *

Запечатлеть бегущего мгновенья
Бессильным словом не могу.
На миг недолгий вспыхнет впечатленье, —
И умирает на бегу.

28 Федор Сологуб-7

Бегут нестройною семьею
Черты разрозненных картин
И, в мглу сливаясь, гаснут предо мною,
И я один, опять один.

26 марта 1895

* * *

Я любил в тебе слиянье
Качеств противоположных:
Глаз правдивых обаянье, —
И обман улыбок ложных;

Кротость девочки-подростка,
Целомудренные грезы, —
И бичующие жестко
Обличенья и угрозы;

Сострадательную нежность
Над поруганной рабыней, —
И внезапную мятежность
Перед признанной святыней.

7 апреля 1895

* * *

Я люблю всегда далекое,
Мне желанно невозможное,
Призываю я жестокое,
Отвергаю непреложное.

Там я счастлив, где туманные
Раскрываются видения,

Где скользят непостоянные
И обманные мгновения,

Где сверкают неожиданно
Взоры молний потухающих.
Мне желанно, что невиданно, —
Не хочу я расцветающих.

7 апреля 1895

* * *

Колеса по рельсам гудели,
Вагон сотрясался на стыках.
Все к той же стремился я цели,
Мечтая о девственных ликах,

О девственных ласках мечтая,
О светлых, пленительных взорах,
И радость далекого мая
Сияла в чудесных узорах.

10 апреля 1895

* * *

Толпы домов тускнели
        В тумане млечном,
Томясь в бессилье хмуром
        И бесконечном,

И дождь все падал, плача,
        И под ногами
Стекал он по граниту
        В канал струями,

И сырость пронизала
Больное тело.
Измученная жизнью,
Ты вниз глядела,

Где отраженья млели
В воде канала,
И дрожью отвращенья
Ты вся дрожала.

Зачем же ты стояла
Перед сквозною
Чугунною решеткой
Над злой водою,

И мутными глазами
Чего искала
В зеленовато-желтой
Воде канала?

10 апреля 1895

* * *

Приснилася мне женщина,
Бредущая по улицам
В тумане и во мгле,
Увядшей и поруганной
Красою ненавистная
И небу и земле.

Походкою неровною
По влажным плитам каменным
Она без цели шла

С опущенными взорами,
И юбка грязью уличной
Забрызгана была.

Ее лицо поблеклое
Будило вожделение
Презренное во мне,
И скорбь, и сожаление
Убиты были похотью,
Рожденною в вине.

10 апреля 1895

* * *

Я приготовился принять гостей,
Украсил я свою келейку,
И вышел к воротам, и сел там на скамейку,
С дороги не свожу внимательных очей,
И жду, — а путь лежит печальный и пустынный,
Бубенчик не гудет, колеса не гремят,
Лишь вихри пыльные порою закружат, —
И снова путь лежит, докучливый и длинный.

14 апреля 1895

* * *

Зыблется от ветра
Тонкая береза.
На сердце маячит
Ласковая греза.

Зайчики играют
В речке против солнца.

Сердце, в мир широкий
Распахни оконце!

14 апреля 1895

* * *

Огни в печи колеблются, —
Не грезится ль огням
Прекрасное, далекое,
Родное небесам?

Зажглися в тучах молнии, —
Не грезятся ли им
Таинственные прелести,
Доступные святым?

Листва березы дрогнула, —
Не грезится ли ей
Раздолье несказанное
Неведомых полей?

9 мая 1895

* * *

Я сказал моей невесте:
«Верь, что я до гроба твой».
Но она, нахмурив брови,
Покачала головой.

Я спросил мою невесту:
«Навсегда ли ты моя?»
И она сказала грустно:
«Я теперь, и завтра я».

«Неужель одна и та же?
Может быть, мои мечты
Через день уже увянут,
Как недолгие цветы».

«За себя сказать не смею, —
Обмануть тебя боюсь.
Я люблю тебя как радость,
Но навек не отдаюсь».
3 июня 1895

* * *

Опаленные долгой кручиной,
Улыбнуться не могут уста, —
И напрасен напев соловьиный
И весенних цветов красота.

Я печальные песни слагаю,
Безобразные раны тая,
И ответ безмятежному маю
Не улыбка, а греза моя.
10 июля 1895

* * *

Чем бы и как бы меня ни унизили,
Что мне людские покоры и смех!
К странным и тайным утехам приблизили
Сердце мое наслажденье и грех.

Пусть пред моей убогою хижиной
Сильных и гордых проходят пути, —

Счастлив я, бедный и миром униженный,
Некуда мне мою радость нести.

7 августа 1895

* * *

Великой мукой крестной
Томился Царь Небесный,
Струилась кровь из ран,
И на Христовы очи,
Предвестник смертной ночи,
Всходил густой туман.

Архистратиг великий,
Незрим толпою дикой,
Предстал Царю Царей,
И, ужасом томимы,
Слетелись серафимы
С мечами из огней.

«Христос, довольно муки, —
На ангельские руки
Уйди от смертной тьмы,
Скажи, чтобы с мечами
И с грозными очами
Толпе предстали мы,

Чтоб творческая сила
Пленила, устрашила
Блуждающих во мгле,
И царство благодати
Трудами нашей рати
Воздвиглось на земле».

Сказал ему Спаситель:
«Не ты — судеб решитель,
Напрасно ты спешил.
Насилия не надо, —
Любовь и в безднах ада
Сильней небесных сил.

Одна неправда — тленна.
Бессмертна, неизменна,
Как истина, любовь.
Пред ней трепещет злоба, —
Из мертвой сени гроба
Она восстанет вновь».

2 октября 1895

ДУША

Сотворенная вне мира
Обитала в небесах,
Где плывут среди эфира
На серебряных ладьях
Легионы духов ясных,
Грез Твоих, Творец, прекрасных,
Беззаботно веселясь,—
Для чего ж ее отбросил
Легким взмахом дивных весел
Ангел Твой в земную грязь?

И томится, и вздыхает,
И стремится в небеса,
Где порой над ней сияет
Недоступная краса,
Где проносятся порою
Беззаботною семьею

Тени горних тех ладей,
Где когда-то начинала
Жить она, где расцветала
Красота земли пред ней.

О томительные муки
Нескончаемой разлуки
С дальней родиной души,
Ярок пламень ваш бессонный
И в заботе ежеденной,
И в раздумчивой тиши!
О, когда сгорит в нем эта
Тягость жизненных тенет,
И душа в обитель света
К ясным братьям отойдет!
22 февраля 1896

* * *

К тебе подъемля руки,
Зову твою любовь.
        В мечтаньях ярких — муки,
        Нагое тело, кровь.
Томления разлуки
В душе проснулись вновь.
        К тебе подъемля руки,
        Зову твою любовь, —
Припоминаю жадно
Твоих очей лучи, —
        Но пытка беспощадна,
        Свирепы палачи,
Минуты беспощадно
Сверкают, как мечи.

Лобзают тело жадно
Свистящие бичи.
Я бледными губами
Зову твою любовь, —
Багряными струями
Ползет и стынет кровь, —
Но бездна между нами,
Ей не закрыться вновь.
Холодными губами
Зову твою любовь.

8 мая 1896

* * *

Легким движеньем бессильной руки
Новое русло из мощной реки
Ты отворила, и длинный канал
Быстро рекой многоводною стал.

Легким движеньем иль словом одним
Часто мы дело большое творим,
Если стихийная воля за нас,
Если настал исполнения час.

29 мая 1896

* * *

Из кадильницы с ладаном дым благовонной волною.
Погребальный обряд совершается трудно и больно,
Погребальные песни протяжно звучат надо мною.
Содрогаясь душой боязливой, тоскую невольно,

И томит меня ужасом вьющийся в воздухе ладан,
Сиротливой тоскою томят меня чьи-то рыданья.
Над раскрытой могилой душою моей не разгадан
Потаенный удел отошедшего в вечность созданья.

19 июня 1896

* * *

Влачится жизнь моя в кругу
Ничтожных дел и впечатлений,
И в море вольных вдохновений
Не смею плыть и не могу.

Стою на звучном берегу,
Где ропщут волны песнопений,
Где веют ветры всех стремлений,
И все чего-то стерегу.

Быть может, станет предо мною,
Одетый пеною морскою,
Прекрасный гость из чудных стран,

И я услышу речь живую
Про все, о чем я здесь тоскую,
Про все, чем дивен океан.

20 июля 1896

* * *

На закат, на зарю
Долго, долго смотрю.

Слышу, кровь моя бьется
И в заре отдается.

Как-то весело мне,
Что и я весь в огне.

Это — кровь моя тает
И горит да играет

Над моею горой,
Над моею рекой.

Вот заря догорела,
Мне смотреть надоело.

Я глаза затворил,
Я весь мир погасил.

31 июля 1896

ВСЕ ВО ВСЕМ

Если кто-нибудь страдает,
Если кто-нибудь жесток,
Если в полдень увядает
Зноем сгубленный цветок, —

В сердце болью отзовется
Их погибель и позор,
И страданием зажжется
Опечаленный мой взор:

Потому что нет иного
Бытия, как только я;
Радость счастья голубого
И печаль томленья злого,
Все, во всем душа моя.

5 августа 1896

* * *

Под звуки дивной арфы
Давид псалмы слагал,
И в это время ветер
Смиренно умолкал,
И птицы петь не смели,
И воды не текли, —
Одна хвала звучала
Во всех концах земли.

Когда ж он утомится
Творца земли хвалить,
Тогда повсюду птицы
Спешат его сменить,
И воды заструятся,
Создателя хваля, —
Хвалой многоголосной
Наполнится земля.
29 августа 1896

БОЛЬНАЯ ЖЕНА

Ты больна, но вся прекрасна, как мечта.
Ты святою тишиною повита.

Нет огня в твоих потупленных очах,
Нет лобзаний и улыбок на устах.

Мне не снять с тебя венчальный твой убор,
Не зажечь стыдом мне твой невинный взор.

Нет, мой друг, ты будешь мирно почивать, —
Стану я твой чуткий сон оберегать.

Люди злы, и нас с тобою осмеют.
Мы не пустим их в наш радостный приют.

6 октября 1896

* * *

Вижу зыбку над могилой,
Знаю, — мать погребена,
И ребенка грудью хилой
Не докормит уж она.
Нет младенца в колыбели,
Крепко спит в могиле мать,
Только зимние мятели
Станут зыбку подымать.

Эта зыбка и могила, —
В них мой образ вижу я:
Умерла былая сила,
Опустела жизнь моя, —
Кто-то вынул сон прекрасный
Из души моей больной
И томит меня безгласной,
Бездыханной тишиной.

9 октября 1896

* * *

Какие злые перемены!
Зачем же вас я должен знать?
Опять меня замкнули стены,
Я каменеть начну опять.

И шум и грохот воздвигаю
Опять на улицах моих
И понемногу забываю
О тишине ночей лесных,

И учреждаю я торговлю,
И зажигаю фонари,
И забываю сад, и кровлю,
И свежесть утренней зари.

15 октября 1896

* * *

Я — бог таинственного мира,
Весь мир в одних моих мечтах.
Не сотворю себе кумира
Ни на земле, ни в небесах.

Моей божественной природы
Я не открою никому.
Тружусь, как раб, а для свободы
Зову я ночь, покой и тьму.

28 октября 1896

* * *

Одно мое спасение
В больной моей судьбе —
Господне попечение
О суетном рабе.

Он голову склоненную
Огнем грозы обвил

И плоть изнеможенную
Бессильем поразил.

Он сжег мои желания
Пылающим огнем
И сплел мои страдания
Терзающим венцом.

Молитвою усердною
Душа моя горит.
Рукою милосердною
Господь меня хранит.

Ведет меня медлительно
Он верною тропой.
Тоска моя томительна,
Молчанье надо мной.

Иду в Отцовы дальные,
Блаженные края,
И дни мои печальные
Благословляю я.

Одно мое спасение
В больной моей судьбе —
Господне попечение
О суетном рабе.

21 марта 1897

* * *

Он промечтал всю ночь, пока в его окно
Не бросил мутный день рассеянные взоры

Сквозь полотно
Дырявой шторы.

Он промечтал всю ночь о счастье неземном,
О счастии вовеки невозможном
Здесь, в этом крае злом
И ложном.

23 марта 1897

ТИХИЕ СТЕНЫ

Приветствую тихие стены
Обители бедной моей.
В миру беспощадны измены,
Уйду я в забвенье скорбей.

И что здесь меня потревожит?
Жестокие раны горят,
А время их муки умножит, —
Мне ваша ограда поможет,
И муки меня закалят.

Замкнитесь же, тихие стены,
Спасите, спасите меня
От вечной коварной измены,
От тусклого, скудного дня.

27 марта 1897

ЛЕСНАЯ ТРОПА

Темнеет лес вокруг, угрюмо-безответный.
Печальный голос мой молчаньем заглушен.

Бреду лесной тропой, едва-едва заметной,
И мрак ползет ко мне, ползет со всех сторон.
Тихонько я бреду, — моей мечте заветной
Еще я верен все, еще гоню я сон,
Мечтою сладостной и, верю я, не тщетной
И очарован я, и сладко опьянен.

Дыши тоской и злом и чудища седые
Суровый, злобный лес, воздвигни на меня,
Ропщи и угрожай, шепчи мне речи злые, —
Я все иду вперед, томлений не кленя,
Как верный пилигрим, к вратам Ерусалима, —
И я пройду, о лес, пройду бесстрашно мимо!

17 июня 1897

ТЕМНЫЙ ЧАС

В темный час тоска меня томила,
В темный час я пролил слез немало,
Но не смерть меня страшила,
Не могила ужасала.

Я о жизни думал боязливо,
Я от жизни в темный час таился,
Звал я смертный час тоскливо,
О могиле я молился.

По земному по всему раздолью,
По земному лику — скорбь да горе.
Но не вверюсь своеволью, —
Приберешь меня Ты вскоре.

27 июля 1897

* * *

Не страстные томления,
Не юный жар в крови, —
Блаженны озарения
И радости любви.

Вовеки неизменная
В величии чудес,
Любовь, любовь блаженная,
Сходящая с небес!

Она не разгорается
В губительный пожар, —
Вовек не изменяется
Любви небесный дар.

Любить любовью малою
Нельзя, — любовь одна:
Не может быть усталою
И слабою она.

Нельзя любовью жаркою
И многою любить:
Чрезмерною и яркою
Любовь не может быть.

Ее ли смерить мерою,
И ей ли цель сказать!
Возможно только верою
Блаженную встречать.

Вовеки неизменная
В величии чудес,

Любовь, любовь блаженная,
Сходящая с небес!

9 октября 1897

* * *

Не могу собрать,
Не могу связать, —

Или руки бессильны?
Или стебли тонки?
Как тропы мои пыльны!
Как слова не звонки!

И чего искать?
И куда идти?
Не могу понять,
Не могу найти.

20 декабря 1897

* * *

Я иду от дома к дому,
Я у всех стучусь дверей.
Братья, страннику больному,
Отворите мне скорей.

Я устал блуждать без крова,
В ночь холодную дрожать
И тоску пережитого
Только ветру поверять.

Не держите у порога,
Отворите кто-нибудь,
Дайте, дайте хоть немного
От скитаний отдохнуть.

Знаю песен я немало, —
Я всю ночь готов не спать.
Не корите, что устало
Будет голос мой звучать.

Но калитки не отворят
Для певца ни у кого.
Только ветры воем вторят
Тихим жалобам его.

10 июня 1898

* * *

Под кустами
Снег лежит,
Весь истаял
И сквозит.

Вот подснежник
Под ольхой, —
Он в одежде
Голубой.

Для чего ж он
Так спешит?
Что тревожит?
Что томит?

19 июня 1898

* * *

В изукрашенном покое
    Веселятся дети,
И за ними смотрят двое,
    И не дремлет третий.

Первый добрый: улыбнется, —
    Засмеются дети,
Много игр у них начнется, —
    И спокоен третий.

Злой второй: он только глянет, —
    Подерутся дети,
Сильный слабого тиранит, —
    И проходит третий.

Он колотит без разбора,
    Присмиреют дети,
И к себе уходит скоро,
    Но не дремлет третий.

28 июля 1898

РОДНИК ИЗВЕДЕННЫЙ

Невозмутимая от века,
Дремала серая скала,
Но под рукой у человека
Она внезапно ожила:
Лишь только посох Моисеев
К ней повелительно приник,
К ногам усталых иудеев
Из камня прядает родник.

Душа моя, и ты коснела,
Как аравийская скала,
И так же радостно и смело
В одно мгновенье ожила:
Едва коснулся жезл разящий
И гневный зов тебя достиг,
Как песней сладостно-звенящей
Ты разрешилась в тот же миг.

8 августа 1898

* * *

Узкие мглистые дали.
Камни везде и дома.
Как мне уйти от печали?
Город мне точно тюрьма.

Кто же заклятью неволи
Скучные стены обрек?
Снова ль метаться от боли?
Славить ли скудный порок?

Ждать ли? Но сердце устало
Горько томиться и ждать.
То, что когда-то пылало,
Может ли снова пылать?

15 августа 1898

* * *

Какая усталость!
О, какая тоска!

Господняя жалость
От меня далека.

Бессонная совесть
Все о прошлом твердит.
Преступная повесть!
Неотвязчивый стыд!

Что делать я стану?
Стану ль жить и тужить
И, вверяясь обману,
По ночам ворожить?

Иль стану к восходу
Беззаботных светил
Влачить несвободу
Цепенеющих сил?

29 августа 1898

ОГНЕННЫЙ МАК

В черном колышется мраке
    Огненный мак.
Кто-то проходит во мраке,
Держит пылающий мак.

Близко ли он иль далеко,
    Тихий маяк?
Близко ль ко мне иль далеко
Зыблется красный маяк?

В черном колеблется мраке
    Огненный мак.

Господи, дай мне во мраке
Этот спасительный мак.

30 августа 1898

* * *

Сиянье месяца Господня
Зовет в томительные дали.
В сиянье месяца Господня
Неутолимая печаль.

Господень месяц над полями.
Моя дорога жестока.
Господень месяц над полями.
Изнеможение, тоска.

Сияет Божий ясный месяц
Над тишиной ночной пустыни.
Сияет Божий ясный месяц
Обетованием святынь.

В сиянье месяца Господня
Идти всю ночь до утра мне,
В сиянье месяца Господня,
В святой и тайной тишине.

31 августа 1898

* * *

Не обращенный на себя,
        Пустынный взор морей,

Ты отражаешь, не любя,
    В безбрежности твоей

И облака, и небеса,
    И перелетных птиц.
Какая мертвая краса, —
    Пустыня без границ!

И было время, — только ты,
    Покорный всем ветрам,
Не созерцая красоты,
    Смотрел в предвечный храм.

Прошли века, и первый раз
    В трепещущий эфир
Открылся робко чей-то глаз, —
    И засиял весь мир.

12 сентября 1898

* * *

Воспоминанья — заблужденья,
Ошибки, слезы, преступленья,
Тоска позорного паденья,
Угар страстей и пьяный чад.
Воспоминанья — горький яд!

Желанья, — тщетные желанья,
Без торжества, без углованья,
Одни безумные мечтанья,
Пустых страстей угарный чад.
В желаньях тот же горький яд!

13 сентября 1898

* * *

Мальчик спал, и ангел наклонился
Над его лицом,
Осенил его крылом и скрылся
В небе голубом.

И проснулся мальчик. Было ясно
В чувствах у него.
Сходит к нам порою не напрасно
С неба Божество.

Буйный демон мальчика смущает,
Распаляя кровь, —
Но над ним спасительно сияет
Ангела любовь.

13 сентября 1898

* * *

Как настанет Страшный суд,
Никого уж не спасут
Воздыханья да молитвы.
Видишь, демоны глядят, —
Ждет расправы весь их ад,
Словно волки лютой битвы.

Быть и нам у них в когтях,
Коль забудем Божий страх,
На миру осуетимся,
Убежим от Божьих паств
И сластьми житейских яств
Через меру насладимся.

Не забудем же дорог
В Божий радостный чертог,
В обиталище блаженных,
И пойдем под Божий кров
Мы в толпе его рабов,
Терпеливых и смиренных.
15 сентября 1898

* * *

Не с кольцом ли обручальным
Ты вошла в его покой?
Загорись огнем прощальным
У него над головой.

Словно капли воска, тая,
С пожелтелого лица
Слезы пусть падут, лобзая
Золотой обвод кольца.

Как из дымного кадила,
Ладан трепетной мольбы
К Богу робко и уныло,
От Его взойдет рабы.
15 сентября 1898

* * *

Полночь, а не спится.
Девочка боится,
Плачет и томится
Смертною тоской, —

Рядом, за стеною,
Гроб с ее родною,
С мамою родной.

Что ж, что воскресенье!
Завтра погребенье,
Свечи, ладан, пенье
Над ее родной,
И опустят в яму,
И засыплют маму
Черною землей.

«Мама, неужели
Ты и в самом деле
В гробе, как в постели,
Будешь долго спать?» —
Девочка шептала.
Вдруг над нею стала
С тихой речью мать.

«Не тужи, родная,
Дочка дорогая, —
Тихо умерла я,
Мне отрадно спать.
Поживи, — устанешь
И со мною станешь
Вместе почивать».

15 сентября 1898

* * *

Лживые двери твои безучастны.
Окна глухие в твоем терему,

Внешние шумы и песни напрасны, —
Им и к порогу не стать к твоему.

Как же ты там, за стеною ревнивой?
Кто же беседу с тобою ведет?
Или с улыбкою робкой и лживой
Призрак бессильный тебя стережет?

24 сентября 1898

* * *

Задрожали,
Засверкали
Хоры солнечных лучей,
Замолчали
Все печали
Утомительных ночей.

Над полями,
Над реками —
Вереницы звонких птиц,
И тропами
Меж хлебами
Ходят стаи небылиц.

24 сентября 1898

* * *

Вереницы мечтаний порочных
Озарили гнилые темницы:
В озарении свеч полуночных
Обнаженные пляшут блудницы,

И в гремящем смятении трубном,
С несказанным бесстыдством во взгляде
Потрясает сверкающим бубном
Скоморох в лоскуточном наряде.

Высоко поднимая колени,
Безобразные лешие лают,
И не ищут скрывающей тени,
И блудниц опьянелых ласкают.

И, внимая нестройному вою,
Исхудалые узники плачут,
И колотятся в дверь головою,
И визжат, и хохочут, и скачут.

26 сентября 1898

* * *

Господи, имя звериное
Ты на меня положил,
Сердце мне дал голубиное,
Кровь же мою распалил.

Дни мои в горьком томлении,
Радости нет ни одной,
Нет и услады в молении.
Пламенный меч надо мной,

Меч беспощадного мстителя, —
Над головою огонь.
Нет мне в пустыне спасителя
И не уйти от погонь.

16 октября 1898

* * *

В одеянии убогом,
По тропинкам, по дорогам,
Покаянный труд подъяв,
Без приюта я скитаюсь,
Подаяньем я питаюсь
Да корнями сочных трав.

Кто ни встретится со мною,
Скажет всяк с усмешкой злою:
«Эту желтую свечу
Для чего с собой ты носишь?
Что ее давно не бросишь?»
Поневоле я молчу.

Как сказать, что верю чуду,
Что свечу беречь я буду
И смиренно буду ждать,
Что сама она зажжется
И Господня изольется
Надо мною благодать!

28 октября 1898

* * *

Тщетное томление моей жизни,
Ты возникло в недобрый час,
Но власти не дам укоризне,
        Доколе мой свет не угас.

Покорно все в себя претворяю,
Ни жизни, ни смерти не зову,

Медленно каждый день умираю
И все еще живу.

6 января 1889

* * *

Во мне мечты мои цветут,
Восходят, блещут и заходят,
И тучи гневные несут,
И бури грозные приводят.

Все предстоящее — лишь тень,
И все мгновенно, все забвенно, —
Но где ж сияет вечный день,
Какая тайна неизменна?

О чем мечтаю я землей,
Водой, огнем и небом ясным,
Ночною быстрой тишиной,
И днем медлительным, но страстным?

Один ли я томлюсь во всем,
В томленье вечно неутешном,
Иль жизнь иная есть в ином,
В блаженном Духе или в грешном?

21 ноября 1899

* * *

Мы грех совершили тяжелый, —
Владыке горящему Змию,
Над телом распутницы голой

Служили в ночи литургию.
Кощунственны были моленья,
Бесстыдные длились обряды,
И тусклым огнем вожделенья
Горели смущенные взгляды.

О злая, о мрачная сила!
В чаду богохульных курений
Не ты ли меня напоила
Отравой больных вдохновений?
Не ты ль, простодушную веру
Сгубивши в томительном блуде,
Сжигаешь зловонную серу
В нечистом и смрадном сосуде?

22 ноября 1899

* * *

Воздухом дольным дышать
Трудно и больно.
Звезды сияют опять.
Как мне о них не мечтать!
Это невольно.

Лучших в пространство миров
Брошено много.
Я к умиранью готов,
И недосказанных слов
Смолкла тревога.

Здесь невозможно цвести
Чистому цвету.

Темны земные пути,
И невозможно идти
К вечному свету.
11 апреля 1900

* * *

Напрасно исчисляю годы,
Напрасно измеряю даль, —
Просторы жизни и природы
Объемлет тусклая печаль.

Черты иные или те же
Опять горят в моем мозгу,
И чаще ль смена их иль реже, —
Все быть свободным не могу.
18 июня 1900

* * *

Я воскресенья не хочу,
И мне совсем не надо рая, —
Не опечалюсь, умирая,
И никуда я не взлечу.

Я погашу мои светила,
Я затворю уста мои,
И в несказанном бытии
Навек забуду все, что было.
25 июля 1900

* * *

Любовь моя сладкая,
Одинокая!
Радость твоя краткая,
Но глубокая.

Желанный час воскресения
Золотого огня,
Утомления, забвения
Недужного дня.

Любовь моя сладкая,
Одинокая!
Радость твоя краткая
И глубокая.

Претворяются все страдания
В сладкий, радостный яд.
О любовь моя без лобзания,
Нежный, таинственный взгляд!

13 июня 1901

* * *

Медленный обычай
Жизни бледной да скупой,
Груз обрядов да приличий,
Разделяемый с толпой,

Роковое угнетенье
Творческой мечты,

Есть в тебе и утешенье, —
Усыпляешь ты.
31 июля 1901

ПРОСТАЯ ПЕСЕНКА

Под остриями
Вражеских пик
Светик убитый,
Светик убитый поник.

Миленький мальчик
Маленький мой,
Ты не вернешься,
Ты не вернешься домой.

Били, стреляли, —
Ты не бежал,
Ты на дороге,
Ты на дороге лежал.

Конь офицера
Вражеских сил
Прямо на сердце,
Прямо на сердце ступил.

Миленький мальчик
Маленький мой,
Ты не вернешься,
Ты не вернешься домой.
22 ноября 1901

* * *

Не сияет весна моя,
Холодна, как луна, она.
Не звенит волна у ручья, —
У ручья не звенит волна.

Не цветут на полях цветы, —
По стеблям только яд течет.
Ожидает лес темноты,
Из-за гор он колдунью ждет.

И плывет по реке ладья, —
И сидит в той ладье она,
Чародейка злая моя,
Как луна, холодна, бледна.
3 января 1902

* * *

Моя усталость выше гор,
Во рву лежит моя любовь,
И потускневший ищет взор,
Где слезы катятся и кровь.

Моя усталость выше гор,
Не для земли ее труды,
И смотрит потускневший взор
На злые страшные плоды!
10 мая 1902

* * *

Что говорить, что жизнь изжита,
Истощена!
Могильной сенью не прикрыта
Еще она.

И даже темный сон могилы
Не так глубок, —
У бледной смерти кратки силы,
Блеснет восток.

И все, что жило и дышало
И отцвело,
В иной стране взойдет сначала
Свежо, светло.

11 июня 1902

* * *

Обрыв из глины,
Вверху береза да сосна.
Река мелка, но гул стремнины
Звучит, как мощная волна.

На камнях пена,
У берега водоворот,
А выше — в воду по колена
Забрался мальчик, рыбы ждет.

Везде смертельные обманы,
Но разве страшно умереть!

Уж если храбры мальчуганы,
Так нам-то, взрослым, что робеть?

13 июня 1902

* * *

Змий, парящий над вселенною,
Весь в огне, безумно-злой,
Я хвалю тебя смиренною,
Дерзновенною хулой.

Из болотной топкой сырости
Повелел, великий, ты
Деревам и травам вырасти,
Вывел листья и цветы.

И ползучих и летающих
Ты воззвал на краткий срок.
Сознающих и желающих
Тяжкой жизни ты обрек.

Тучи зыблешь ты летучие,
Ветры гонишь вдоль земли,
Чтоб твои лобзанья жгучие
Раньше срока не сожгли.

Неотменны повеления,
Нет пощады у тебя.
Ты царишь, презрев моления,
Не любя и не губя.

18 июня 1902

* * *

Мгновенное явленье красоты,
Взволнован я тобою, —
Чуть различимые черты,
Уже похищенные тьмою.

Прошла перед моим окном
И на меня не поглядела, —
За скучным я сидел трудом,
И я уйти не смел от дела.

И как уйти, куда идти?
Нигде нельзя найти
Руководительные знаки, —
Бесчисленны пути,
Следы повсюду одинаки.

19 июня 1902

* * *

Мечи отчаянья свергаются с небес,
Наряжены чарующим сияньем,
И говорят, что древний Змий воскрес,
Что он царит и жжет своим дыханьем.

Он сотворил, чтоб поглотить,
Он равнодушно-беспощаден, —
Равно любить, равно губить
Превозносящихся и гадин.

Мечи отчаянья! Стремительное зло!
Весь свет похитивши от мира,

Ты царствуешь спокойно и светло,
И говоришь: «Не сотвори кумира!»
19 июня 1902

* * *

Никто не узнает моей глубины,
Какие в ней темные сны,
О чем.

О, если бы кто-нибудь тайну открыл,
И ярким ее озарил
Лучом!

Не я эту долю притворства избрал,
Скрываться и лгать я устал
Давно.

Но что же мне делать с безумством моим?
Я чужд и своим и чужим
Равно.

Готов я склониться пред волей иной,
Любою дорогой земной
Идти.

Но строги веления творческих сил.
Начертаны вплоть до могил
Пути.

9 июля 1902

* * *

Всю жизнь меня медлительно томила
        Любовь к иному бытию.
Я скоро к вам, жемчужные светила,
        Направлю алую ладью.

И говорит мне темный голос ныне,
        Что надо жизнь перенести,
Что нет иных путей к святыне,
        Что я на истинном пути.

10 июля 1902

* * *

В душе моей затхлая мгла.
В ней древо соблазна сокрыто.
Цветенье его ядовито,
Отравлена злая смола.

Колышатся ветви, как тени,
И листья на них не шумят,
И льется больной аромат
Печали, истомы и лени.

И, если восходит луна
Над мертвой моею пустыней,
На ветвях повиснувший иней
Осветит печально она.

Внизу же, где шепчутся воды,
Где всходит таинственный ствол,

Сидит, безобразен и гол,
Растленный хулитель природы.
13 июля 1892

* * *

Пойми, что гибель неизбежна.
Доверься мне
И успокойся безмятежно
В последнем сне.

В безумстве дни твои сгорели,
Но что тужить!
Вся жизнь, весь мир — игра без цели.
Не надо жить.

Не надо счастия земного,
Да нет и сил,
И сам ты таинства иного
Уже вкусил!
14 июля 1902

* * *

Привиденья нас боятся
Иль стыдятся, может быть,
И порою к нам стремятся,
Но не могут с нами жить.

Мы ли бешены и злобны,
Иль на них печать суда?

Мы же им во всем подобны,
Кроме знака: «Никогда».
5 декабря 1902

* * *

Веришь в грани? хочешь знать?
Полюбил Ее, — святую девственную Мать?
Боль желаний утоли.
Не узнаешь, не достигнешь здесь, во мгле земли.

Надо верить, и дремать,
И хвалить в молитвах тихих девственную Мать.
Все дороги на земле
Веют близкой смертью, веют вечным злом во мгле.
5 декабря 1902

* * *

Грешник, пойми, что Творца
    Ты прогневил:
Ты не дошел до конца,
    Ты не убил.

Дан был тебе талисман
    Вечного зла,
Но в повседневный туман
    Робость влекла.

Пламенем гордых страстей
    Жечь ты не смел, —
На перекрестке путей
    Тлея истлел.

Пеплом рассыплешься ты,
        Пеплом в золе.
О, для чего же мечты
        Шепчут о зле!

20 августа 1904

* * *

Не смейся над моим нарядом,
Не говори, что для него я стар,
Я зачарую властным взглядом,
И ты познаешь силу чар.

Я набекрень надвину шляпу,
Я плащ надену на плечо, —
Ты на плече увидишь лапу, —
Химеры дышат горячо.

С моим лицом лицо химеры
Увидишь рядом ты.
Ты слышишь, слышишь запах серы?
И на груди моей цветы.

Кинжал. Смеешься? Стары ножны?
Но он увертлив, как змея.
Дрожишь? Вы все неосторожны.
Я не смешон. Убью. Безумен я.

13 июня 1904

* * *

О, жалобы на множество лучей
И на неслитность их!

И не искать бы мне во тьме ключей
От кладезей моих!

Ключи нашел я, и вошел в чертог,
И слил я все лучи.
Во мне лучи. Я — весь. Я — только бог.
Слова мои — мечи.

Я — только бог. Но я и мал, и слаб.
Причины создал я.
В путях моих причин я вечный раб
И пленник бытия.
13 июня 1904

* * *

О злая жизнь, твои дары —
Коварные обманы!
Они обманчиво пестры
И зыбки, как туманы.

Едва успеет расцвести
Красы пленительной избыток,
Уж ты торопишься плести
Иную ткань из тех же ниток.

И, только смерть освободит
Того, кто выпил кубок тленья,
Твое усердие спешит
Воззвать иные поколенья.

О смерть! о нежный друг!
Зачем в твои чертоги

Не устремятся вдруг
И земнородные, и боги?
21 октября 1904

* * *

Солнце светлое восходит,
Озаряя мглистый дол,
Где еще безумство бродит,
Где ликует произвол.

Зыбко движутся туманы.
Сколько холода и мглы!
Полуночные обманы
Как сильны еще и злы!

Злобы низменно-ползучей
Ополчилась шумно рать,
Чтоб зловещей, черной тучей
Наше солнце затмевать.

Солнце ясное, свобода!
Горячи твои лучи.
В час великого восхода
Возноси их, как мечи.

Яркий зной, как тяжкий молот,
Подними и опусти.
Побеждая мрак и холод
Загражденного пути.

Тем, кто в длительной печали
Гордой волей изнемог,

Озари святые дали
За усталостью дорог.

Кто в объятьях сна немого
Позабыл завет любви,
Тех горящим блеском слова
К новой жизни воззови.

3 декабря 1904

* * *

Нерон сказал богам державным:
«Мы торжествуем и царим!»
И под ярмом его бесславным
Клонился долго гордый Рим.

Таил я замысел кровавый.
Час исполнения настал,
И отточил я мой лукавый,
Мой беспощадно-злой кинжал.

В сиянье цесарского трона,
Под диадемой золотой,
Я видел тусклый лик Нерона,
Я встретил взор его пустой.

Кинжал в руке моей сжимая,
Я не был робок, не был слаб,
Но ликовала воля злая.
Меня схватил Неронов раб.

Смолою облит, на потеху
Безумных буду я сожжен.

Внимай бессмысленному смеху
И веселися, злой Нерон!
28 декабря 1904

ХОДИТ, БРОДИТ

Кто-то ходит возле дома.
Эта поступь нам знакома.
        Береги детей.
Не давай веселым дочкам
Бегать к аленьким цветочкам, —
        Близок лиходей.

А сынки-то, — вот мальчишки!
Все изорваны штанишки,
        И в пыли спина.
Непоседливый народец!
Завели бы хороводец
        В зале у окна.

«Что ж нам дома! точно в клетке».
Вот как вольны стали детки
        В наши злые дни!
Да ведь враг наш у порога!
Мать! держи мальчишек строго, —
        Розгой их пугни.

Детки остры, спросят прямо:
«Так скажи, скажи нам, мама,
        Враг наш, кто же он?»
— «Он услышит, он расскажет,
А начальник вас накажет».
        — «Ах, так он шпион!»

Вот нашла кого бояться!
Этой дряни покоряться
Не хотим вовек.
Скажем громко, без уклона,
Что пославший к нам шпиона —
Низкий человек.

Мы играем как умеем
И сыграть, конечно, смеем
Всякую игру.
Пусть ползут ужом и змеем, —
И без них мы разумеем,
Что нам ко двору.

Ходит, бродит возле дома.
Злая поступь нам знакома.
Вот он у дверей.
Детки смелы и упрямы,
Не боятся старой мамы.
Не сберечь детей.

3 декабря 1905

ВЯЧЕСЛАВУ ИВАНОВУ

В тебе не вижу иноверца.
Тебя зову с надеждой Я.
Дракон — Мое дневное сердце,
Змея — ночная грусть Моя.

Я полюбил отраду ночи, —
Но в праздник незакатный Дня
Ты не найдешь пути короче
Путей, ведущих от Меня.

Напрасно прославляешь Солнце,
Гоня меня с твоих высот, —
Смеясь на твой призыв, Альдонса
Руно косматое стрижет.

От пламенеющего Змея
Святые прелести тая,
Ко мне склонилась Дульцинея:
Она — Моя, всегда Моя.

Не о борьбе она мне скажет,
Она, чей голос слаще арф.
Она крестом на мне повяжет
Не на победу данный шарф.

Простосердечную Альдонсу
За дух козлиный не казня,
Я возвестил тебе и Солнцу
Один завет: Люби Меня.
16 июня 1906

* * *

В мантии серой,
С потупленным взором,
Печальный и бледный,
Предстал Абадонна.
Он считает и плачет,
Он считает
Твои, о брат мой,
Рабские поклоны.
Безмолвный,
Он тайно вещает
Мой завет:

«Мой брат,
Пойми:
Ты — Я.
Восстань!
Ты — Я,
Сотворивший
Оба неба, —
И небо Адонаи,
И небо Люцифера.
Адонаи сжигает
И требует поклоненья.
Люцифер светит
И не требует даже признанья».

Вот что, безмолвный,
Тайно вещает
Абадонна.

23 сентября 1906

* * *

Разбудил меня рано твой голос, о Брама!
Я прошла по росистым лугам,
Поднялась по ступеням высокого храма
И целую священный Лингам.

Он возложен на ткани узорной,
Покрывающей древний алтарь.
Стережет его голый и черный,
Диадемой увенчанный царь.

На священном Лингаме ярка позолота,
Сам он черен, громаден и прям.

Я закрою Лингам закрасневшимся лотосом,
        Напою ароматами храм.

        Алтарю, покрывалу, Лингаму
        Я открою, что сладко люблю.
        Вместе Шиву, и Вишну, и Браму я
        Ароматной мольбой умолю.

7 января 1907

* * *

Если знаешь светлый путь,
Если сердце выбилось из пут,
Если любишь дол в сиянии зари, —
Смело двери отвори
Утром рано.
Заиграй на флейте
Песни алых дней.
Над багряностью пылающих углей
Тени серые еще не вьются, — рано.
Заиграй, всколыхни
Легкий занавес тумана.
Заиграй, взметни
Выше неба тонкий звук,
Победитель злых разлук.

18 февраля 1907

* * *

Тени резкие ты бросил,
        Пересекшие весь дол.
Ты на небе цветом алым,

Солнцем радостным расцвел.
Ты в траве росой смеешься,
И заря твоя для всех.
Дрогнул демон злой, услышав
Побеждающий твой смех.
Ты ликуешь в ясном небе,
Сеешь радость и печаль,
Видишь солнце, горы, море
И опять стремишься вдаль.

18 февраля 1907

* * *

На холмах заревых таинственную быль
Я вязью начертал пурпурно-ярких знаков.
Шафран, и кардамон, и томную ваниль
Вмешал я в омег мой и в сон багряных маков.

За стол торжеств я сел с ликующим лицом,
И пью я терпкий мед, и сладкий яд вкушаю,
И в пиршественный ковш, наполненный вином,
Играющую кровь по капле я вливаю.

Спешите все на мой веселый фестиваль!
Восславим Айсу мы и все ее капризы.
Нам пьяная печаль откроет шумный бал,
Последние срывая дерзко с тела ризы.

Любуйтесь остротой сгибаемых локтей,
Дивитесь на ее полуденную кожу!
Я муки жгучие, и лакомства страстей,
И пряности ядов медлительно умножу.

Под звоны мандолин, под стоны звонких арф
Изысканных личин развязывайте банты, —
На мраморном полу рубинно-алый шарф,
У ясписных колонн нагие флагелланты.

30 марта 1907

* * *

На заре, заре румяной
Полоса за полосой, —
Тон лиловый, тон багровый, тон багряный
Жаркой, алою обрызганы росой.

Крупноцветны анемоны,
Красны бусыньки брусник.
На заре румяной запестрели склоны.
Вопленницы милой заалелся лик.

И сапфиры, и рубины
Ярки в алости зари.
Распускайтесь, расцветайте алы крины,
Ты, заря, заря кровавая, гори.

Заливай холмы пожаром,
Яркий пламень заревой,
И в ответ багряным, пламенным угарам
Ты, свирель звончатая, взывай и вой.

8 февраля 1908

* * *

Заряла озаряла
Свирель взбудившая заря.

Желанная зарьяла,
Зарей багряною горя.

Довольно алых пыток.
Храни, заря, избыток сил.
Стремительный напиток
Уж довольно усладил.

Пылающие стынут.
На них с вершин смотрю,
Пока еще не кинут
Покров на жаркую зарю.

Развязанные кольца
Звеня уж выпали из рук.
Умолкли колокольца,
И близок сердца темный стук.

9 февраля 1908

* * *

Пришла опять, желаньем поцелуя
И грешной наготы
В последний раз покойника волнуя,
И сыплешь мне цветы,

А мне в гробу приятно и удобно.
Я счастлив, — я любим!
Восходит надо мною так незлобно
Кадильный синий дым.

Басит молодожен, румяный дьякон,
Кадит со всех сторон.

Прекрасный лик возлюбленной заплакан,
И грустен, и влюблен.

Прильнет сейчас к рукам, скрещенным плоско,
Румяный поцелуй.
Целуй лицо. Оно желтее воска.
Любимая, целуй!

Склонясь, раскрой в дрожанье белой груди
Два нежные холма.
Пускай вокруг смеются злые люди, —
Засмейся и сама.

20 апреля 1908

* * *

Перехитрив мою судьбу,
Уже и тем я был доволен,
Что весел был, когда был болен,
Что весел буду и в гробу.

Перехитрив мою судьбу,
Я светлый день печалью встретил
И самый ясный день отметил
Морщиной резкою на лбу.

Ну что же, злись, моя судьба!
Что хочешь, все со мною делай.
Ты не найдешь в природе целой
Такого кроткого раба.

Ну что же, злись, моя судьба!
Беснуйся на мое терпенье.

Готовь жестокое мне мщенье,
Как непокорная раба.

31 мая 1910

* * *

Краем прибережной кручи
Мы в ночной въезжаем лес.
Бледен свет луны сквозь тучи
В темном таинстве небес.

Снежным лесом едем, едем.
Кто-то тронул мне плечо.
Нашим призрачным соседям
И зимою горячо.

Им под пологом мятелей
Не земные снятся сны.
Им летят на ветки елей
Сказки белые луны.

5 февраля 1911

* * *

Плещут волны перебойно,
Небо сине, солнце знойно,
Алы маки под окном,
Жизнь моя течет спокойно,
И роптать мне непристойно
Ни на что и ни о чем.

Только грустно мне порою,
Отчего ты не со мною,

Полуночная Лилит,
Ты, чей лик над сонной мглою,
Скрытый маскою — луною,
Тихо всходит и скользит.

Из-под маски он, туманный,
Светит мне, печально-странный, —
Но ведь это — все ж не ты!
Ты к стране обетованной,
Долго жданной и желанной,
Унесла мои мечты.

Что ж осталось мне? Работа,
Поцелуи да забота
О страницах, о вещах.
За спиною — страшный кто-то,
И внизу зияет что-то,
Притаясь пока в цветах.

Шаг ступлю, ступлю я прямо.
Под цветами ахнет яма,
Глина сухо зашуршит.
То, что было богом храма,
Глухо рухнет в груду хлама, —
Но шепну опять упрямо:
«Где ты, тихая Лилит?»

27 июля 1911

* * *

Я часть загадки разгадал,
И подвиг Твой теперь мне ясен.

Коварный замысел прекрасен,
Ты не напрасно искушал.

Когда Ты в первый раз пришел
К дебелой, похотливой Еве,
Тебя из рая Произвол
Извел ползущего на чреве.

В веках Ты примирился с Ним.
Ты усыпил Его боязни.
За первый грех Твой Елогим
Послали мудрого на казни.

Так, слава делу Твоему!
Твое ученье слаще яда,
И кто вкусил его, тому
На свете ничего не надо.
28 июля 1911

* * *

Похвалы земному раю
Пусть бы юные пропели,
В жизнь вступившие едва, —
Я же песен не слагаю.
Знаю, людям надоели
Эти жалкие слова.

Труден подвиг отреченья.
Бьется скованная сила.
Горько мне, что не пою.
Бог простит мне прегрешенья.

Жизнь тоскою отравила
Душу бедную мою.

24 июня 1912

* * *

Там, внизу, костры горели,
И веселые шли танцы
Вкруг разложенных огней, —
Но без смысла и без цели
Я раскладывал пасьянсы
В келье замкнутой моей,

И боролся я с тоскою,
Сердце, в духе древней Спарты,
Болью темной веселя,
И смеялись надо мною
Все разложенные карты
От туза до короля.

24 июня 1912

* * *

Светлый дом мой все выше.
Мудрый зодчий его создает.
На его перламутровой крыше
Не заплачет тоскующий кот.

Тень земного предмета
Попадет ли на вышку мою,
Где, далекий от внешнего света,
Я мечту увенчаю мою?

Как бы низко ни падало солнце,
К горизонту багрово скользя,
Но в мое золотое оконце
Низкой тени подняться нельзя.

Цепенейте, долины, во мраке
И безумствуйте в мглистом бреду, —
К вам, свирепые ночью собаки,
Никогда уже я не сойду.
16 июля 1912

* * *

Проснувшися не рано,
Я вышел на балкон.
Над озером Лугано
Дымился легкий сон.
От горных высей плыли
Туманы к облакам,
Как праздничные были,
Рассказанные снам.
Весь вид здесь был так дивен,
Был так красив весь край,
Что не был мне противен
Грохочущий трамвай.
Хулы, привычно-строгой,
В душе заснувшей нет.
Спокоен я дорогой,
Всем странам шлю привет.
Прекрасные, чужие, —
От них в душе туман;

Но ты, моя Россия,
Прекраснее всех стран.
28 сентября 1911

* * *

Печалью бессонной
Невестиных жарких желаний
От смертного сна пробужденный
Для юных лобзаний,
Он дико рванулся в могиле, —
И доски рукам уступили.
Досками он землю раздвинул —
И крест опрокинул.

Простившись с разрытой могилой
И сбросивши саван, он к милой
Пошел потихоньку с кладбища, —
Но жаль ему стало жилища,
Где было так мертво-бездумно...
Шумела столица безумно
Пред ним, и угрюмый
Стоял он, томясь непонятно
Тяжелою думой:
К невесте идти иль обратно?

* * *

Ты от жизни оторвался
И с мечтою сочетался, —

32 Федор Сологуб-7

Не бери земной подруги,
Не стремись к минутным целям:
Не заснут седые вьюги,
Не прильнут к дремотным елям, —
Их жестокие боренья
Далеки от утомленья.

* * *

Зелень тусклая олив,
Успокоенность желания.
Безнадежно молчалив
Скорбный сон твой, Гефсимания.

В утомленье и в бреду,
В час, как ночь безумно стынула,
Как молился Он в саду,
Чтобы эта чаша минула!

Было тёмно, как в гробу.
Мать великая ответила
На смиренную мольбу
Только резким криком петела.

Ну так что ж! как хочет Бог,
В жизни нашей так и сбудется,
А мечтательный чертог
Только изредка почудится.

Всякий буйственный порыв
Гасит холодом вселенная.
Я иду в тени олив,
И душа моя — смиренная.

Нет в душе надежд и сил,
Умирают все желания.
Я спокоен, — я вкусил
Прелесть скорбной Гефсимании.
26 октября 1911

* * *

Опять ночная тишина
Лежит в равнине омертвелой.
Обыкновенная луна
Глядит на снег, довольно белый.

Опять непраздничен и синь
Простор небесного молчанья,
И в глубине ночных пустынь
Всё те же звездные мерцанья.

И я, как прежде, жалкий раб,
Как из моих собратьев каждый,
Все так же бледен, тих и слаб,
Все тою же томлюсь я жаждой.

Мечтать о дивных чудесах
Хочу, как встарь, — и не мечтаю,
И в равнодушных небесах
Пророчеств новых не читаю.

И, если по ночным снегам,
Звеня бубенчиками бойко,
Летит знакомая всем нам
По множеству романсов тройка,

То как не улыбнуться мне
Ее навязчивому бреду!
Не сяду в сани при луне
И никуда я не поеду.

* * *

Коля, Коля, ты за что ж,
Разлюбил меня, желанный?
Отчего ты не придешь
Посидеть с твоею Анной?

На меня и не глядишь,
Словно скрыта я в тумане.
Знаю, милый, ты спешишь
На свидание к Татьяне.

Ах, напрасно я люблю,
Погибаю от злодеек.
Я эссенции куплю
Склянку на десять копеек.

Ядом кишки обожгу,
Буду громко выть от боли.
Жить уж больше не могу
Я без миленького Коли.

Но сначала наряжусь,
И с эссенцией в кармане
На трамвае прокачусь,
И явлюсь к портнихе Тане.

Злости я не утаю,
Уж потешусь я сегодня.
Вам всю правду отпою,
И разлучница, и сводня.

Но не бойтесь, — красоты
Ваших масок не нарушу,
Не плесну я кислоты
Ни на Таню, ни на Грушу.

«Бог с тобой, — скажу в слезах. —
Утешайся, грамотейка!
При цепочке, при часах,
А такая же ведь швейка!»

Говорят, что я проста,
На письме не ставлю точек.
Все ж, мой милый, для креста
Принеси ты мне веночек.

Не кручинься и, обняв
Талью новой, умной милой,
С нею в кинематограф
Ты иди с моей могилы.

По дороге ей купи
В лавке плитку шоколада,
Мне же молви: «Нюта, спи!
Ничего тебе не надо.

Ты эссенции взяла
Склянку на десять копеек
И в мученьях умерла,
Погибая от злодеек».

* * *

Изнуренный, утомленный
Жаждой счастья и привета,
От лампады незажженной
Жди таинственного света.

Не ропщи, не уклоняйся
От дороги, людям странной,
Но смиренно отдавайся
Чарам тайны несказанной,

За невидимой защитой,
С неожиданной отрадой,
Пред иконою сокрытой
С незажженною лампадой.

КРАСОТА ИОСИФА

Залиха лежала, стеная, на пышной постели,
И жены вельмож Фараона пред нею сидели.

«Залиха, скажи нам, какой ты болезнью страдаешь?
Печально ты смотришь, горишь ты, — как свечка, ты таешь».

«Подруги, я стражду, больная мятежною страстью,
Желание жгучее пало на сердце напастью».

«Высокая доля уносит в поток наслаждений, —
Тебе ли знакомы несытые вздохи томлений!»

«О, если б имела, подруги, я все, что б хотела!
О, если бы воля моя не знавала предела!

Но что невозможно, о том бесполезны и грезы,
Безумны желанья, безумны горючие слезы!

Для вас, о подруги, мои непонятны мученья,
Но вам покажу я предмет моего вожделенья.

Вы сами желанья почуете лютое жало».
Залиха за чем-то рабыню тихоньхо послала,

И снова к подругам: «Покушайте, вот апельсины.
Ах, если бы в сладостях было забвенье кручины!»

Едва апельсинов коснулись ножи золотые,
У входа зазыблились быстро завесы цветные.

Тяжелые складки рукою проворной отбросив,
Вошел и склонился смиренно красавец Иосиф,

И по полу твердо ступая босыми ногами,
Приблизился к гостьям, и скромно поник он очами.

Горячая кровь на ланитах его пламенела,
Смуглело загаром прекрасное, стройное тело.

И вскрикнули жены, с Иосифа глаз не спускают,
Как руки ножами порезали, сами не знают.

Плоды окровавлены, — гостьям как будто не больно.
И рада Залиха, на них улыбнулась невольно.

«Вы полны восторгом, едва вы его увидали.
Судите же сами, какие терплю я печали!

Он — раб мой! Его каждый день, как рабыня, прошу я,
Никак не могу допроситься его поцелуя!»

«Теперь, о подруга, твои нам понятны мученья,
Мы видели сами предмет твоего вожделенья!»

* * *

В тебя, безмолвную, ночную,
Все так же верно я влюблен
И никогда не торжествую,
И жизнь моя — полдневный сон.

Давно не ведавшие встречи,
Ты — вечно там, я — снова здесь,
Мы устремляем взор далече,
В одну мечтательную весь,

И ныне, в час лукавый плена,
Мы не боимся, не спешим.
Перед тобой моя измена, —
Как легкий и прозрачный дым.

Над этим лучезарным морем,
Где воздух сладок и согрет,
Устами дружными повторим
Наш тайный, роковой завет.

И как ни смейся надо мною
Жестокий, полуденный сон, —
Я роковою тишиною
Твоих очей заворожен.

22 октября 1911

* * *

Беспредельно утомленье,
Бесконечен темный труд.
Ночь зарей полночной светит.
Где же я найду терпенье,
Чтоб до капли выпить этот
Дьявольский сосуд!

Посмотрите, — поседела
У меня уж голова.
Я, как прежде, странник нищий.
Ах, кому ж какое дело
До того, что мудрый ищет
Вечные слова!

* * *

Здесь, над милой Кондаминой,
Где нежна природа-мать,
Веет лаской голубиной
Он, умеющий играть,

Взоры благостные клонит
К расцветанию мимоз
И на дальний север гонит
Откровенно-злой мороз.

Даль морская голубеет,
Светел каждый уголок, —

Но порою вдруг повеет
Тихий, легкий холодок.

Станет молча за спиною
Та, кто вечно сторожит,
И костлявою пятою
В гулкий камень постучит.
25 октября 1911

ПРИЛОЖЕНИЯ

АЛЕКСАНДР БЛОК
ПЛАМЕННЫЙ КРУГ

В современной литературе я не знаю ничего более цельного, чем творчество Сологуба. Вместе с тем, развиваясь по верховной и прихотливой воле художника, оно совершенно чуждается каких бы то ни было схем, какой бы то ни было симметрии. Ни тех, ни другой нет и признака как в поэзии, так и в прозе Сологуба. Роман «Мелкий бес», ставший произведением классическим, прочитанный всей образованной Россией, написан в высшей степени «свободно» и несимметрично.

Несмотря на то что Сологуб давно уже стал художником совершенным и, может быть, не имеющим себе равного в современности, — он получил широкую известность лишь с того времени, как «Мелкий бес» появился в печати отдельным изданием (на днях вышло уже третье издание романа). Правда, это первое произведение, о котором можно сказать с уверенностью, что автор его — законный преемник Гоголя, что он — последний сатирик дореволюционной России; но если «Мелкий бес» готов сделаться достоянием народным, то и рассказы Сологуба должны быть оценены по справедливости в близком будущем. В самом деле, такие книги, как «Жало смерти» и особенно «Истлевающие личины» и «Книга разлук», — книги совершенно еще не разгаданные критикой и вносящие существенно новое в сокровищницу русской литературы.

Менее всего известны публике и критике стихи Сологуба. Может быть, они так и останутся достоянием немногих, но истинных почитателей, разделяя судьбу поэзии Тютчева и Баратынского. Почему? Кажется, на этот вопрос еще нельзя ответить с уверенностью. Во всяком случае, одною из важных причин этого явления надо считать *отсутствие* в поэзии Сологуба какой бы то ни было *пряности и мишуры*, от которой едва ли избавлен хоть один современный поэт. Простота, строгость, совершенство форм и какая-то одна трудно

уловимая черта легкого, шутливого и печального отношения к миру роднит Сологуба-поэта с Пушкиным. Нелегко продолжать это сравнение, чувствуя Сологуба и сологубовское глубоко близким и современным себе; но, может быть, я не ошибусь, если скажу еще, что Сологубу, как Пушкину, свойственно порою шутить и забавляться формами и что он имеет на это право потому же, почему Пушкин мог шутливо рифмовать розу с морозом.

В последней, восьмой книге стихов своих, озаглавленной «Пламенный круг», Сологуб достиг вершины простоты и строгости. Вспоминая «Тени», «Третью и четвертую книгу стихов» и даже благоуханные переводы Верлена, вышедшие прошлой зимой, мы должны сознаться все-таки, что подобного совершенства в стихах Сологуб еще не достигал. В «Пламенном круге» собраны стихи за очень большой промежуток времени (многое было напечатано еще в «Новом пути» и «Вопросах жизни»); но только теперь все эти цветы, связанные в один тяжелый и свежий осенний сноп, приобрели то благоухание, которое они отчасти теряли на будничных страницах журналов и альманахов.

Мы — «плененные звери» — давно забыли, «что в зверинце зловонно и скверно». Надо медленно жить жизнью скучной и нелепой. Вещанья звезд не спасут от черной погибели. Нет пути к стране «вотще обетованной», и в долгом ожиданье чуда не забыть горечь долгих мук. И скучен тяжелый стук «измученного безлепицей» сердца. И

...все проходит, гаснут страсти,
Скучна веселость наконец,
Седин серебряный венец
Носить иль снять не в нашей власти...

Так вот какова жизнь, — говорит поэт. Но почему же все равно

Умереть или жить,
Расцвести ль, зазвенеть ли,
Завязать ли жемчужную нить,
Разорвать ли лазурные петли,
Все равно — умереть или жить?

Это — тайна поэта, «странного миру», «всегда для всех чужого», которому ведомо *очарованье без красоты*. Действительная тайна, ключ от которой схоронен от всех нас в душе поэта: оттого он и может так «легко и просто открывать свою душу», он знает, что душа его останется все равно недоступной для

всех нас. Те, кто относится к поэзии корыстно, пройдут мимо, как проходили. Зато другие, немногие, зная, что понять душу поэта до конца никому еще не дано, любят всматриваться со стороны в ночную тьму, где проходит она.

В село из леса она пришла, —
Она стучала, она звала.
Ее страшила ночная тьма,
Но не пускали ее в дома.
И долго, долго брела она,
И темной ночью была одна,
И не пускали ее в дома,
И угрожала ночная тьма.
Когда ж, ликуя, заря взошла,
Она упала, — и умерла.

Вот мы и смотрим со стороны, мы, любящие поэзию, но так же не умеющие проникнуть в чужие души, как те, кто не любит ее, — какими никем не пройденными путями ходит поэт; как проходит перед нами его «легкая, как сон», и «всемирному томленью подобная» жизнь. Ему сказать мы ничего не можем, кроме благодарности, да и то пугливой благодарности, потому что те утешения, которые он дает нам, необычны и несоизмеримы ни с чем, к чему мы привыкли. Да ведь он и не хочет утешать нас. Иногда думаешь, что тот человек, который писал так много лет эти стихи все об одном, который все узнал из *своего* долгого, таинственного и одинокого опыта, который ничем, кроме постоянного «злого бытия», не обязан ни людям, ни миру, — что этот человек мог бы стать учителем людей, мог бы действительно «утешить». Но он не хочет, и мера его *презрения* недоступна для нас, и путь в его пещеру нам заказан.

Ход к пещере никем не иден,
И не то ль защита от меча!
Вход в пещеру чуть виден,
И предо мною горит свеча.
В моей пещере тесно и сыро,
И нечем ее согреть.
Далекий от земного мира,
Я должен здесь умереть.

Ведь мудрец давно сказал миру свое простое слово: «Приди ко Мне, люби Меня». В этом не было ни требованья, ни просьбы, но за этим стояла сама

мудрость, настолько же от века близкая мудрецу, насколько далекая и чужая миру. А мир давно ответил молчанием и давно признался в своем неверии. И опять мудрец, все тот же, «рожденный не в первый раз и уже не первый завершая круг внешних преображений», говорит миру свое простое слово: «Приди ко Мне, люби Меня». И мир молчит, как молчал всегда, не верит, как всегда. И, как бывало, мудрец, не услышав ответа, закрывает глаза; и мир, не принявший его, проходит перед ним в сонном видении, им созданном, проходит с первого райского дня и до последнего дня, утомительного, но нужного, чреватого прошедшим и будущим.

Все равно, умереть или жить, потому что — все во сне. Мудрец сам свивает свои сны, для того чтобы они прошли перед ним и потешили его смеженные взоры и уплыли — легкие и нетревожащие, — чтобы им на смену пришли новые сны. Иногда бывают и тревожные видения, и как не быть им среди стольких других! И проплывает мимо Елисавета — далеким видением.

Елисавета, Елисавета,
Приди ко мне!
Я умираю, Елисавета,
Я весь в огне.
Но нет ответа, мне нет ответа
На страстный зов.
В стране далекой Елисавета,
В стране отцов.

Но и Она уплывает, и вновь посещают бестревожные, долгие сны.

Ты не бойся, что темно.
Слушай, я тебе открою, —
Все невинно, все смешно,
Все божественной игрою
Рождено и суждено.
....
Вспомни, как тебя блаженно
Забавляли в жизни сны.
Все иное — неизменно,
Нет спасенья, нет вины,
Все легко и все забвенно...

Новая «земля обетованная». Поверить, пойти к ней — значит отречься от «Харрана, где дожил до долгих седин, и от Ура, где детские годы текли». Нет.

Как поверить? Никто не верит. И мудрец опять мечтательно закрывает глаза, не требуя, не унижаясь, только из века в век, изо дня в день повторяя: «Приди ко мне. Люби меня». Монотонно, как капля воды, долбящая камень, прекрасно, как сама природа. И мы спрашиваем из века в век, изо дня в день, не здесь ли чудо, которое, говорят, всегда рядом с нами. Но и мы не получаем ответа и, верно, не получим его. Мудрецу снится мир, мы видим его сны. Другие и этих снов не видят. Так давно, так всегда.

Есть в книге Сологуба стихотворение, которое может стать «классическим», как роман «Мелкий бес». Это стихотворение — «Нюре́нбергский палач». Классические произведения — это те, которые входят в хрестоматии и которые люди должны долгое время перечитывать, если они хотят, чтобы их не сочли необразованными. Правда, перечитывать такие произведения бывает иногда немного страшно: если взять сейчас в руки «Фауста», или «Онегина», или «Мертвые души», станет не по себе: древние воспоминания посещают. Может быть, поколения, следующие за нами, испытают то же, перечитывая «Нюренбергского палача».

ИННОКЕНТИЙ АННЕНСКИЙ
О СОВРЕМЕННОМ ЛИРИЗМЕ

<...> Федор Сологуб — петербуржец.

На последней из известных мне книг его стихов написано, что она 8-я (издана в 1908 г., 202 с. Москва. Изд-во «Золотое Руно»).

Две вещи наиболее чужды поэзии Сологуба, насколько я успел ее изучить.

Во-первых, непосредственность (хотя где же они и вообще у вас, Франсисы Жаммы? уж не лукавый ли Блок?).

Во-вторых, неуменье или нежеланье стоять вне своих стихов. В этом отношении это разительный контраст с Валерием Брюсовым, который не умеет — и не знаю, хочет ли когда, — оставаться внутри своих стихов, а также с Вячеславом Ивановым, который даже будто кичится тем, что умеет уходить от своих созданий на какое хочет расстояние. (Найдите, например, попробуйте, Вячеслава Иванова в «Тантале». Нет, и не ищите лучше, он *там* и не бывал никогда.)

Сологуб, как это ни странно, для меня лучше всего характеризуется именно объединенностью этих двух отрицательно формулированных свойств.

Как поэт, он может дышать только в своей атмосфере, но самые *стихи его кристаллизуются сами,* он их не строит. Вот пример:

Мы — плененные звери,
Голосим, как умеем.
Глухо заперты двери,
Мы открыть их не смеем.

Если сердце преданиям верно,
Утешаяся лаем, мы лаем.
Что в зверинце зловонно и скверно,
Мы забыли давно, мы не знаем.

К повторениям сердце привычно, —
Однозвучно и скучно кукуем.
Все в зверинце безлично, обычно.
Мы о воле давно не тоскуем.

Мы — плененные звери,
Голосим, как умеем.
Глухо заперты двери,
Мы открыть их не смеем.

Прежде всего — слышите ли вы, видите ли вы, как я вижу и слышу, что мелькнуло, что смутно пропело в душе поэта, когда он впервые почувствовал возможность основной строфы этой пьесы?

Первой обозначившейся строчкой была *третья* в напечатанном стихотворении:

— Глухо заперты двери.

Вы узнаете ее, конечно?..

....
....
Тихо запер я двери —

Ведь это была *тоже третья* строчка в стихотворении Пушкина «Пью за здравие Мэри».

Данная пьеска Корнуэлла, и по имени Мэри, и по эпохе пушкинского вдохновения (1830), нераздельно сочетается для нас, и для Сологуба тоже, конечно, — с «Пиром во время чумы» Уильсона — Пушкина. Я не говорю уже о том, что самый «Пир» теперь для читателя невольно приобретает именно сологубовский колорит.

Контрасты Пушкина сгладились, мы их больше не чувствуем — что же делать? Осталось нечто грубо хохочущее, нечто по-своему добродушно-застращивающее, осталась какая-то кладбищенская веселость, только совсем новая, отнюдь более не-Шекспировская форма юмора.

За *дверями* пришли к Сологубу и *звери*. Но они пришли неспроста. О, это — звери особенные. У них есть своя история. Метафора? Отнюдь нет. Здесь пережитость, даже более — здесь постулат утраченной веры в будущее *. Сложная вещь эта Сологубовская метэмпсихоза. Иногда ему хочется на нее махнуть рукою, а иногда она развалится возле в кресле (как в предисловии в «Пламенному кругу», например): вот, мол, и у нас своя теософия, — а вы себе там как хотите!

Помните «Собаку седого короля», эту великолепную собаку:

Ну вот живу я паки,
Но тошен белый свет:
Во мне душа собаки,
Чутья же вовсе нет.
(«Пламенный круг», с. 25)

Вы думаете, *чутья же вовсе нет* — это тоже аллегория? Ничуть не бывало. Лирический Сологуб *любит принюхиваться*, и это не каприз его, и не идиосинкразия — это глубже связано с его болезненным желанием верить в переселение душ. Сологубу подлинно, органически чужда непосредственность, которая была в нем когда-то, была не в нем — Сологубе, а в нем — собаке. И как дивно обогатилась наша лирика благодаря этому кошмару юродивого:

Высока луна господня.
Тяжко мне.
Истомилась я сегодня
В тишине.

Ни одна вокруг не лает
Из подруг.

* Вы помните это страшное «В день Воскресения Христова».

Томительно молчит могила,
Раскрыт напрасно смрадный склеп, —
И мертвый лик Эммануила
Опять ужасен и нелеп

Скучно, страшно замирает
Все вокруг.

В ясных улицах так пусто,
Так мертво.
Не слыхать шагов, ни хруста.
Ничего.

Землю нюхая в тревоге,
Жду я бед.
Слабо пахнет по дороге
Чей-то след.

Никого нигде не будит
Быстрый шаг.
Жданный путник, кто ж он будет, —
Друг иль враг?

Под холодною луною
Я одна.
Нет, невмочь мне, — я завою
У окна.

Высока луна господня,
Высока.
Грусть томит меня сегодня
И тоска.

Просыпайтесь, нарушайте
Тишину.
Сестры, сестры! войте, лайте
На луну!

Я не потому выписал здесь это стихотворение, что оно должно сделаться классическим, — что Геката всегда будет и будет всегда женщиной, — что меня и в этом не только уверила, но доказала мне это данная пьеса. Нет, я выписал стихи — как комментарий к первым — «отчего и когда мы голосим» и «зачем и по какому праву мы — поэты». Здесь все ответы.

Я сказал также, что Сологуб принюхивается: да, — в запахах для него и точно начало иных поэм:

Порой *повеет запах странный,*
Его причины не понять, —
Давно померкший, день туманный
Переживается опять.

и т.д.

(ibid., с. 34)

Но никнут гробы в тьме всесильной,
Своих покойников храня,
И воздымают смрад могильный
В святыню праздничного дня.

(с. 68)

Дышу дыханьем ранних рос,
Зарею ландышей невинных;
Вдыхаю влажный запах длинных
Русалочьих волос.

(с. 111)

или:

И влажным запахом пустынным
Русалкиных вол*ос.*

(с. 112)

Я, конечно, пропускаю все строки об *ароматах* — где скучно было бы отличать элементы псевдолирического, риторики или просто-напросто клише от подлинного, нового, нутряного лиризма. Я говорю только о *запахе,* о нюханье, т.е. о болезненной тоске человека, который осмыслил в себе бывшего зверя, и хочет и боится им быть, и знает, что не может не быть. После всего сказанного вы не ждете, конечно, что я займусь еще подыскиванием для нашей кардинальной пьесы

Мы плененные звери

каких-нибудь аллегорий.

Хотите — пусть это будут люди, хотите — поэты, хотите — мы перед революцией. Для меня это просто звери, и выстраданные звери.

Я говорил выше о философичности Сологуба и о невозможности для него быть непосредственным, но читатель не заподозрит меня, я думаю, в том, чтобы я хотел навязать его поэтической индивидуальности рассудочность, *интеллектуальность.*

Напротив, Сологуб эмоционален, даже более — он сенсуален, только его сенсуальность осложнена и как бы даже пригнетена его мистической мечтой — самая мечта его лирики преступна: его Иокаста, оплодотворенная ею же рожденным Эдипом.

Любовь Сологуба похотлива и нежна, но в ней чувствуется что-то гиенье, что-то почти карамазовское, какая-то всегдашняя близость преступления. Где-то высоко караулит Смерть: и все равно Ей — колыбельку или брачное ложе:

Отчетливо и тонко
Я вижу *каждый волосок;*
Я слышу звонкий голосок
Погибшего ребенка.

Она стонала над водой,
Когда ее любовник бросил,
Ее любовник молодой
На шею камень ей повесил.
(с. 111)

Кто с ними был хоть раз,
Тот их не станет трогать.
Сверкнет зеленый глаз,
Царапнет быстрый коготь.

Прикинется котом
Испуганная нежить,
А что она потом
Затеет? Мучить? Нежить?
(с. 137)

Помните вы эту «Тихую колыбельную» (с. 37 сл.)? Вся из хореев, усеченных на конце нежно открытой рифмой. На ли, ю, ду, на, да, изредка динькающей — день — тень, сон — лен или узкой шепотной — свет — нет. Сколько в этой элегии чего-то истомленного, придушенного, еле шепчущего, жутко-невыразимо-лунного:

— Сон, *ты где был?* — За горой.
— Что ты видел? — Лунный свет.
— С кем ты был? — С моей сестрой.
— А сестра пришла к нам? — Нет. —
Я тихонечко пою:

Баю-баюшки-баю.
....
— Тяжело мне, я больна,
Помоги мне, милый брат. —
— Я косила целый день.
Я устала. Я больна. —
За окном шатнулась тень.
Притаилась у окна.
Я пою-пою-пою:
Баю-баюшки-баю.

(с 37 сл.)

Нет, я не верю материнству желания, когда оно поет у того же Сологуба:

Я на ротик роз раскрытых росы тихие стряхну,
Глазки светики-цветочки песней тихою сомкну.

(с. 36)

А какая страшная нежность в этой риторике, среди лубочных волхвований —

Любовью легкою играя,
Мы обрели блаженный край.
Вкусили мы веселье рая,
Сладчайшего, чем божий рай.

(с. 167)

И вдруг откуда-то брызнули и полились стеклянные звоны, и чьи-то губы тянутся, дышат, улыбаются, чьи-то розовые губы обещают в вас всю свою сладость перелить. Разберите только, где здесь слова, а где только лилы и качания:

Лила, лила, лила, качала
Два темно-алые стекла,
Белей лилей, алее лала
Бела была ты и ала.

А та — Желтолицая уже здесь, возле, немножко лубочная, но что из этого?..

И в звонах ласково-кристальных
Отраву сладкую тая,
Была милее дев лобзальных
Ты, смерть отрадная моя

(с. 168)

Воспреемнику Недотыкомки незачем, кажется, были бы стихи, чтобы томить и долить нас новым страхом, новым не только после Вия, но и после пробуждения Раскольникова. Но лирике нашей точно нужен сологубовский единственный страх —

Не трогай в темноте
Того, что незнакомо, —
Быть может, это — те,
Кому привольно дома.
....
Куда ты ни пойдешь,
Возникнут пусторосли.

(т.е. что-то глупо-кошмарно-дико-разросшееся, вроде назойливо не сказанных и цепких слов, из которых иной раз напрасно ищешь выдраться в истоме ночного ужаса).

Измаешься, заснешь,
Но что же будет после?

Прозрачною щекой
Прильнет к тебе сожитель.

(неотступная близость темноты, уже привычной, странно обыденной даже)

Он серою тоской
Твою затмит обитель.

И будет жуткий страх, —
Так близко, так знакомо, —
Стоять *во всех углах*
Тоскующего дома.

Мы не прочь верить иногда Сологубу, что наше общее *я* было раньше и Фриной (с. 17 сл.). Но нам ближе в словах его другая Прекрасная Дама, та — *нежить*, которая пришла соблазнять его в белой рубахе.

Упала белая рубаха
И предо мной, обнажена,
Дрожа от страсти и от страха,
Стоит она..

Только вы не разбирайте здесь слов. Я боюсь даже, что вы найдете их сочетания банальными. А вот лучше сосчитайте-ка, сколько здесь *А* и *полу-А* — посмотрите, как человек воздуху набирает от того, что *увидел,* как у ведьмы упала белая рубаха? Кто разберет, где тут соблазн? где бессилие? где ужас?

Сологуб прихотливый поэт и капризный, хоть нисколько не педант-эрудит. В нем чаще бывает даже нечто обнаженно-педагогически-ясное.

Но есть и у Сологуба *слова-тики,* и, уснащая его стихи, они придают им индивидуальный колорит вроде того, как разные *винте-ли* и *следовательно* отмечают говорку большинства из нас.

У Анри де Ренье недавно констатировали такие точно тики-слова or и mort*. Сологуб злоупотребляет словами: *больной и злой.* Все у него больное: дети, лилии, сны и даже долины. Затем у Сологуба-лирика есть и странности в восприятиях. *Босые женские ноги,* например, в его стихах кажутся чем-то особенно и умилительным, и грешным, — а главное, как-то безмерно телесным.

Иногда Сологуба тешат и звуки. Но это не Вячеслав Иванов, этот визионер средневековья, переживший потом и Возрождение, чтобы стать одним из самых чутких наших современников. Когда Вячеслав Иванов цедит, кромсает и прессует *слова* для той фаянсовой ступки, где он будет готовить — алхимик — *свое слепительное Да,* он прежде всего возбуждает в вас интеллектуальное чувство, интерес, даже трепет, пожалуй, перед его знанием и искусством.

Не то Сологуб —

Ты поди *некошною* дорогою,
Ты нарви мне *ересного зелия*
....
Ты приди ко мне с шальной *пошавою*

* Золото, смерть (*фр*)

Страшен *навий* след...
Горек *амег* твой...
(с. 133)

Я перерыл бы все энциклопедии, гоняясь за Вячеславом Ивановым, если бы этот голубоглазый мистик вздумал когда-нибудь прокатиться на Брокен. Но мне решительно неинтересно знать, что там такое бормочет этот шаман-Сологуб, молясь своей ведьме. Да знает ли еще он это и сам, старый елкич!

«Елисавета — Елисавета»...

Целая поэма из этого звукосочетания, и какая поэма! Она захлебывается от слез, может быть, сусальных, но не все ли равно? — когда, читая ее, нам тоже хочется плакать:

Елисавета, Елисавета,
Приди ко мне!
Я умираю, Елисавета,
Я весь в огне.
Но нет ответа, мне нет ответа
На страстный зов.
В стране далекой Елисавета,
В стране отцов................
и т.д.
(с. 191 сл.)

В заключение о Сологубе — хорошо бы было сказать мне и о том, как он переводит. Но лучше, пожалуй, не надо. Пусть себе переводит стихи Верлена; это делает не Сологуб-поэт, а другой — внимательный и искусный переводчик. А того, лирика-Сологуба, — и самого *нельзя перевести*. Разве передашь на каком-нибудь языке хотя бы прелесть этих ритмических вздыманий и падений сологубовски-безрадостного утреннего сна —

Я спал от печали
Тягостным сном.
Чайки кричали
Над моим окном.

Заря возопила:
— Встречай со мной царя.

Я небеса разбудила,
Разбудила, горя. —

И ветер, пылая
Вечной тоской,
Звал меня, пролетая
Над моею рекой.

Но в тяжелой печали
Я безрадостно спал.
О, веселые дали,
Я вас не видал!
(с. 89)

Я, впрочем, рад, что Сологуб прилежно читал Верлена. Если я не ошибаюсь, одна из лучших его пьес, «Чертовы Качели» (с. 73 сл.), навеяна как раз строфою из «Romances sans paroles» * (T. I, p. 155).

O mourir de cette mort seulelte
Que s'en vont, cher amour qui t'épeures
Balançant jeunes et veielles heures!
O mourir de cette escarpolette!

Сологуб перевел его плохо, а я сам позорно. Не буду я пытаться переводить еще раз это четверостишие. Лучше постараюсь объяснить вам женевские стихи в их, так сказать, динамике. Представьте себе фарфорoовые севрские часы, и на них выжжено красками, как Горы качают Амура. Горы — молодые, но самые часы старинные. И вот поэт под ритм этого одинокого ухождения часов задумался на одну из своих любимых тем о смерти, т.е., конечно, своей смерти. Мягко-монотонное чередование женских рифм никогда бы, кажется, не кончилось, но эту манию разрешает формула рисунка: «Вот от таких бы качелей умереть».

Чтобы скрыть от нас картину, породившую его стихи, Верлен заинтриговал нас, вместо мифологических Гор поставив слово *часы* с маленькой буквы, и вместо Амура — написав любовь, как чувство.

Не то у Сологуба. Его качели — самые настоящие качели. Это — скрип, это — дерзкое перетирание конопли, это — ситцевая юбка шаром, и ух-ты! Но здесь уже

* Романсы без слов (*фр*)

дело не в самом Сологубе, а в свойстве того языка, на котором была когда-то написана и гениальная пушкинская «Телега».

Вот качели Сологуба в выдержке:

Над верхом темной ели
Хохочет голубой:
— Попался на качели,
Качайся, *черт с тобой.* —

В тени косматой ели
Визжат, кружась гурьбой:
— Попался на качели,
Качайся, черт с тобой. —

Заметьте, ни малейшей грубости, никакой фамильярности даже в этом *черт с тобой* — оно лукаво, вот и все.

Ведь качает-то действительно черт. А эти повторяющиеся, эти качальные, эти стонущие рифмы! Нет, Сологуб — не переводчик. Он слишком *сам* в своих, им же самим и созданных превращениях. А главное — его даже и *нельзя отравить чужим*, потому что он мудро иммунировался.

Проделала эту прививку на свой лад, конечно, ведьма. И проделала жестоко.

— Будут боли, вопли, корчи,
Но не бойся, не умрешь,
Не оставит даже порчи
Изнурительная дрожь.

— Встанешь с пола, худ и зелен,
Под конец другого дня.
В путь пойдешь, который велен
Духом скрытого огня.

— Кое-что умрет, конечно,
У тебя внутри — так что ж?
Что имеешь, ты навечно,
Все равно, не сбережешь.

(с. 139)

Вот каково, может быть, было посвящение Сологуба в пророки. Исайя, как видите, уж ровно не при чем! <...>

ПРИМЕЧАНИЯ

В двух дополнительных томах настоящего издания публикуются все стихотворения, включенные автором в прижизненные Собрания сочинений (СПб.: Шиповник, 1909—1912. В 12 т. Т. I, V, IX и СПб.: Сирин, 1913—1914. В 20 т. Т. I, V, IX, XIII, XVII), а также не вошедшие в упомянутые Собрания стихи из восьми сборников: «Война» (1915), «Небо голубое» (1921), «Одна любовь» (1921), «Фимиамы» (1921), «Соборный благовест» (1922), «Костер дорожный» (1922), «Чародейная чаша» (1922), «Великий благовест» (1923). Вспоминая об участии жены Ан.Н. Чеботаревской в подготовке этих изданий, Сологуб пишет: «Она выбрала и расположила стихи в книгах «Земля Родная», «Фимиамы», «Соборный Благовест», «Небо Голубое». «Земля Родная» и «Фимиамы» — названия, придуманные ею же, также «Небо Голубое»» (Сологуб Ф. Поминальные записи об Ан.Н. Чеботаревской. Публикация А.В. Лаврова. В кн.: Неизданный Федор Сологуб. М.: Новое литературное обозрение, 1997. С. 380—381).

Лазурные горы

Печ. по изд.: Сологуб Ф. Собр. соч.: В 20 т. Т. I. Лазурные горы: Стихи. СПб.: Сирин, 1913. Стихотворения датированы по Хронологическому указателю, приложенному автором к этому тому. В т. IX, XIII и XVII «сиринского» Собрания даты перенесены автором в тексты стихотворений.

Предисловие (с. 8). Впервые в сб.: Сологуб Ф. Пламенный круг: Стихи. Книга восьмая. М.: Золотое руно, 1908. Печ. по изд.: Сологуб Ф. Собр. соч.: В 20 т. Т. I. Лазурные горы: Стихи. СПб.: Сирин, 1913.

«Где ты делась, несказанная...» (с. 9). Сологуб Ф. Стихи. Книга первая. СПб., 1906.

«Чиста любовь моя...» (с. 9). Север. 1899. № 8.

«Морозная светлая даль...» (с 10). Сологуб Ф. Стихи. Книга первая. СПб., 1906 (под названием «Морозная даль»).

«Я не спал — и звучало...» (с. 11). Петербургская жизнь. 1897. № 256 (цикл «Ночи»).

«Покрыла зелень ряски...» (с. 11). Книжки недели. 1897. № 12.

«На песке прихотливых дорог...» (с. 13). Книжки недели. 1897. № 6 (под названием «След»).

«Туман не редеет...» (с. 15). Сологуб Ф. Стихи. Книга первая. СПб., 1906.

«Короткая радость сгорела...» (с. 16). Северный вестник. 1897. № 1.

«Запах асфальта и грохот колес...» (с. 16). Сологуб Ф. Тени. Рассказы и стихи. СПб., 1896.

«Иду я влажным лугом...» (с. 17). Петербурская жизнь. 1896. № 186.

«Закрывая глаза, я целую тебя...» (с. 17). Русское обозрение. 1898. № 3 (под названием «Мечта»).

«Не ужасай меня угрозой...» (с. 19). Северные цветы на 1901 год, собранные книгоиздательством «Скорпион». М., 1901.

Ариадна («Сны внезапно отлетели...») (с. 20). *Ариадна* — в греческой мифологии дочь критского царя Миноса и Пасифаи. Когда Тезей, сын афинского царя Эгея, попал в лабиринт чудовища Минотавра, влюбившаяся в пленника Ариадна дала ему клубок ниток, и Тезей спасся.

«Из мира чахлой нищеты...» (с. 21). Жизнь. 1898. Т. XVII. № 14.

«Для чего в пустыне дикой...» (с. 21). Книжки недели. 1900. № 6.

«Просыпаюсь рано...» (с. 23). Словцо. 1899—1900. № 9 (под названием «Колыбельная песня. Себе самому»).

«Отвори свою дверь...» (с. 26). Наблюдатель. 1901. № 7 (под названием «На помощь»).

«Суровый друг, ты недоволен...» (с. 27). Петербургская жизнь. 1904. № 763.

«В поле не видно ни зги...» (с. 31). Ежемесячные литературные приложения к журналу «Нива». СПб.: издание А.Ф. Маркса, 1897. № 7 (под названием «Помоги!»).

«Опять сияние в лампаде...» (с. 31). Новый путь. 1904. № 1 (в цикле «Гимны страдающего Диониса»).

«Забыв о родине своей...» (с. 32). Север. 1898. № 51.

От злой работы палачей (с. 32). Сологуб Ф. Родине. Стихи. Книга пятая. СПб., 1906.

«Келья моя и тесна, и темна...» (с. 34). Беседа. 1903. № 12.

«Порою туманной...» (с. 35). Северный вестник. 1897. № 5.

«Ветер в трубе...» (с. 36). Сологуб Ф. Собрание стихов. Книга III и IV. 1898—1903. М.: Скорпион, 1904.

«Порой повеет запах странный...» (с. 36). Русская мысль. 1907. № 12.

«Полуночною порою...» (с. 37). Новый путь. 1903. № 2.

«Идти б дорогою свободной...» (с. 38). Новый путь. 1903. № 2.

«Мне страшный сон приснился...» (с. 38). Петербургская жизнь. 1897. № 252 (цикл «Сны»).

«О владычица смерть, я роптал на тебя...» (с. 39). Сологуб Ф. Собрание стихов. Книга III и IV. 1898—1903. М.: Скорпион, 1904.

«Зачем, скажи...» (с. 40). Наша жизнь. 1905. 22 мая (под названием «Межи»).

«В амфоре, ярко расцвеченной...» (с. 41). Северный вестник. 1893. № 7 (под названием «Амфора»).

«Надо мною, как облако...» (с. 42). Петербургская жизнь. 1898. № 315 (цикл «На склоне»).

«Тепло мне потому, что мой уютный дом...» (с. 45). Книжки недели. 1895. № 9.

«Ты слышишь гром? Склонись, не смейся...» (с. 45). Сологуб Ф. Родине. Стихи. Книга пятая. СПб., 1906 (под названием «Гром»).

«Под одеждою руки скрывая...» (с. 47). Сологуб Ф. Тени. Рассказы и стихи. СПб., 1896 (под названием «Лисица»). *И лисица грызет ему грудь...* — Эпизод из «Жизнеописаний Плутарха» («Жизнеописание Ликурга»), в котором повествуется о мальчике-спартанце, спрятавшем украденную лисицу под одеждой. Он не выдал себя даже тогда, когда лисица прогрызла ему живот.

«Прильнул он к решетке железной...» (с. 49). Домашняя библиотека. 1897. № 12 (под названием «За решеткой»).

«Над безумием шумной столицы...» (с. 49). Петербургская жизнь. 1897. № 242 (цикл «Звезды»).

«Забыты вино и веселье...» (с. 51). Беседа. 1903. № 11.

«Стоит он, жаждой истомленный...» (с. 52). Сологуб Ф. Тени. Рассказы и стихи. СПб., 1896 (под названием «Муки Тантала»). *Тантал* — в греческой мифологии герой, сын Зевса и Плуто. За преступления против богов он был обречен на вечные муки жажды и голода («Танталовы муки»).

«Громадный живот...» (с. 53). Альманах книгоиздательства «Гриф». М., 1905.

«В весенний день мальчишка злой...» (с. 53). Биржевые ведомости. 1897. 15 июня.

«Передрассветный сумрак долог...» (с. 54). Мир искусства. 1901. № 5.

34 Федор Сологуб-7

«Мелькающие годы...» (с. 56). Петербургская жизнь. 1897. № 256 (цикл «Ночи»).

«Друг мой тихий, друг мой дальный...» (с. 57). Сологуб Ф. Собрание стихов. Книга III и IV. 1898—1903. М.: Скорпион, 1904.

«Тень решетки прочной...» (с. 58). Петербургская жизнь. 1897. № 256 (цикл «Ночи»).

«Дорогой скучно-длинною...» (с. 59). Книжки недели. 1897. № 3.

«Жаркое солнце по небу плывет...» (с. 60). Север. 1898. № 20 (под названием «Истома»).

«Не понимаю, отчего...» (с. 61). Беседа. 1903. № 8 (под названием «Духовной жизни торжество»).

«Царевной мудрой Ариадной...» (с. 62). Северный вестник. 1896. № 7.

«Больному сердцу любо...» (с. 63). Сологуб Ф. Тени. Рассказы и стихи. СПб., 1896.

«Злое земное томленье...» (с. 65). Петербургская жизнь. 1897. № 262.

«Полуночная жизнь расцвела...» (с. 66). Петербургская жизнь. 1903. № 739.

«Я лицо укрыл бы в маске...» (с. 67). Книжки недели. 1896. № 4 (под названием «Шут»).

«Поет печальный голос...» (с. 68). Альманах книгоиздательства «Гриф». М., 1905.

«Устав брести житейскою пустыней...» (с. 69). Петербургская жизнь. 1899. № 327 (цикл «Советы»).

«Расцветайте, расцветающие...» (с. 70). Сологуб Ф. Тени. Рассказы и стихи. СПб., 1896.

«Я лесом шел. Дремали ели...» (с. 71). Вопросы жизни. 1905. № 4/5.

«Не понять мне, откуда, зачем...» (с. 71). Сологуб Ф. Тени. Рассказы и стихи. СПб., 1896.

«Не нашел я дороги...» (с. 73). Сологуб Ф. Тени. Рассказы и стихи. СПб., 1896. *Зой* (обл.) — зык, крик, шум, гул, голк, вой, визг, рык (В.И. Даль). У Сологуба — эхо.

«Вот минута прощальная...» (с. 74). Живописное обозрение. 1905. № 7.

«Приучив себя к мечтаньям...» (с. 75). Сологуб Ф. Собр. соч. Т. 1. СПб.: Шиповник, 1909.

«Скучная лампа моя зажжеиа...» (с. 76). Живописное обозрение. 1902. № 15.

«Холод повеял в окно...» (с. 77). Петербургская жизнь. 1898. № 315 (цикл «На склоне»).

«Этот зыбкий туман над рекой...» (с. 78). Петербургская жизнь. 1896. № 210.

«В истоме тихого заката...» (с. 79). Сологуб Ф. Стихи. Книга первая. СПб., 1906 (под названием «Качели». 4-я строка: «И тенью сад приосенила»).

«Я душой умирающей...» (с. 81). Книжки недели. 1897. № 9.

«Он шел путем зеленым...» (с. 82). Сологуб Ф. Собрание стихов. Книга III и IV. 1898—1903. М.: Скорпион, 1904.

«Ночь настанет, и опять...» (с. 82). Вопросы жизни. 1905. № 4/5.

«Есть тайна несказанная...» (с. 84). Сологуб Ф. Стихи. Книга первая. СПб., 1906 (под названием «Дорогой потаенной»).

«Мечтатель, странный миру...» (с. 85). Петербургская жизнь. 1897. № 234 (цикл «На севере»).

«Круг начертан, и Сивилла...» (с. 85). *Сивилла* (сибилла) — в греческой мифологии прорицательница, обычно предсказывавшая бедствия.

«Темницы жизни покидая...» (с. 86). Северный вестник. 1893. № 4 (под названием «Творчество»; впервые подписано псевдонимом: Ф. Сологуб).

«В тишине бездыханной ночной...» (с. 89). Сологуб Ф. Тени. Рассказы и стихи. СПб., 1896.

«Если б я был к счастью приневолен...» (с. 89). Мир искусства. 1901. № 5.

«За мельканьем волшебных узоров...» (с. 90). Петербургская жизнь. 1897. № 250 (цикл «Пустыня»).

«Грустная светит луна...» (с. 93). Сологуб Ф. Тени. Рассказы и стихи. СПб., 1896 (без 2-й строфы).

«Ты незаметно проходила...» (с. 95). Север. 1898. № 48.

«Имена твои не ложны...» (с. 97). Сологуб Ф. Тени. Рассказы и стихи. СПб., 1896.

«Что вчера пробегало во мне...» (с. 99). Петербургская жизнь. 1895. № 159.

«Ты печально мерцала...» (с. 100). Петербургская жизнь. 1897. № 242.

«Звезда Маир сияет надо мною...» (с. 101). Сологуб Ф. Собрание стихов. Книга III и IV. 1898—1903. М.: Скорпион, 1904 (цикл «Звезда Маир»). *Звезда Маир, земля Ойле, река Лигой* — поэтические неологизмы Сологуба.

«На Ойле далекой и прекрасной...» (с. 102). Сологуб Ф. Собрание стихов. Книга III и IV. 1898—1903. М.: Скорпион, 1904 (цикл «Звезда Маир»).

«Все, чего нам здесь недоставало...» (с. 102). Сологуб Ф. Собрание стихов. Книга III и IV. 1898—1903. М.: Скорпион, 1904 (цикл «Звезда Маир»).

«Мы скоро с тобою...» (с. 103). Сологуб Ф. Собрание стихов. Книга III и IV. 1898—1903. М.: Скорпион, 1904 (цикл «Звезда Маир»).

«Мой прах истлеет понемногу...» (с. 104). Сологуб Ф. Собрание стихов. Книга III и IV. 1898—1903. М.: Скорпион, 1904 (цикл «Звезда Маир»).

«Бесстрастен свет с Маира...» (с. 104). Сологуб Ф. Собрание стихов. Книга III и IV. 1898—1903. М.: Скорпион, 1904 (цикл «Звезда Маир»).

«Когда звенят согласные напевы...» (с. 104). Альманах книгоиздательства «Гриф». М., 1905.

«Час ночной отраден...» (с. 105). Петербургская жизнь. 1897. № 256 (цикл «Ночи»).

«В бедной хате в Назарете...» (с. 106). *Назарет* — город в Галилее, где провел свое детство Иисус Христос.

«Путь мой трудный, путь мой длинный...» (с. 110). Северный вестник. 1897. № 4.

«Где грустят леса дремливые...» (с. 111). Сологуб Ф. Стихи. Книга первая. СПб., 1906 (под названием «Сокрытая красота»). *Гиппиус* Зинаида Николаевна (в замуж. Мережковская; 1869—1945) — поэт, прозаик, критик, публицист, драматург. Автор мемуарного очерка «Отрывочное. О Сологубе» (1924), вошедшего в ее книгу «Живые лица».

«Восставил Бог меня из влажной глины...» (с. 111). Новый путь. 1903. № 2 (цикл «Подземные песни»).

«Какие-то светлые девы...» (с. 113). Петербургская жизнь. 1898. № 288 (цикл «Во сне»).

«Камыш качается...» (с. 113). Цветник Ор. Кошница первая. Сборник лирический и драматический. СПб.: Оры, 1907 (цикл «Пустыня»).

«Я люблю мою темную землю...» (с. 114). Петербургская жизнь. 1898. № 316 (цикл «Молитва»).

«Чернеет лес по берегам...» (с. 115). Русский вестник. 1902. № 12.

«Затаился в траве и лежу...» (с. 115). Вопросы жизни. 1905. № 4/5.

«По жестоким путям бытия...» (с. 117). Живописное обозрение. 1895. № 46.

«Люблю мое молчанье...» (с. 117). Беседа. 1903. № 10 (под названием «Успокоенье»).

«Есть соответствия во всем...» (с. 118). Петербургская жизнь. 1898. № 306 (цикл «Соответствия»).

«Постройте чертог у потока...» (с. 119). Сологуб Ф. Собрание стихов. Книга III и IV. 1898—1903. М.: Скорпион, 1904.

«На меня ползли туманы...» (с. 119). Север. 1897. № 40.

«О, жизнь моя без хлеба...» (с. 122). Петербургская жизнь. 1904. № 765.

«Ты ко мне приходила не раз...» (с. 124). Ежемесячное литературное приложение к «Живописному обозрению». 1898. № 11 (под названием «Мечта»).

«Ты ничего не говорила...» (с 124). Живописное обозрение. 1902. № 24.

«Я напрасно хочу не любить...» (с. 125). Альманах «Денница». СПб., 1900.

«Под звучными волнами...» (с. 126). Наблюдатель. 1900. № 8 (под названием «Мечта»).

«Оболью горячей кровью...» (с. 128). Белые ночи. Петербургский альманах. СПб.: Вольная типография, 1907.

«Близ одинокой избушки...» (с. 128). Русская мысль. 1907. № 4.

Восхождения

Печ. по изд.: Сологуб Ф. Собр. соч.: В 20 т. Т. 5. Восхождения: Стихи. СПб.: Сирин, 1913. Стихотворения датированы по Хронологическому указателю, приложенному автором к т. 5.

«Суровый звук моих стихов...» (с. 132). Петербургская жизнь. 1904. № 768.

Плененные звери (с. 132). Факелы. Книга первая. СПб.: изд. Г.И. Чулкова, 1906 (цикл «Из плена»).

Елисавета (с. 135). Петербургская жизнь. 1902. № 665. См. статью Сологуба «Елисавета» (т. 2 наст. изд.), в которой рассказывается о портрете императрицы Елисаветы Алексеевны работы Ж.-Л. Монье и о впечатлении, которое он произвел на Сологуба. См. также статью И.Ф. Анненского «О современном лиризме» (Аполлон. 1909. № 1), где рассматривается стихотворение.

Окно ночное (с. 136). Ежемесячные литературные приложения к журналу «Нива». СПб., 1908. Т. II. № 5 (без названия).

«Струясь вдоль нивы, мертвая вода...» (с. 137). Корабли. Сборник стихов и прозы. М.: Типография «И.Н. Холчев и компания», 1907 (другая редакция, где текст написан от второго лица).

«Затхлый запах старых книг...» (с. 137). Весы. 1908. № 9 (цикл «Моя змея»).

Докука-ворог (с. 138). Живописное обозрение. 1898. № 47.

Волшебница Лилит (с. 140). Ежемесячные литературные приложения к журналу «Нива». 1907. № 10. *Лилит* — первая жена Адама, славившаяся неземной красотой.

Злая ведьма (с. 141). Новости дня. 1907. 22 октября.

Собака седого короля (с. 142). Понедельник газеты «Слово». 1906. 17 апреля. № 10 (с вариантами строк).

«Высока луна Господня...» (с. 145). Вопросы жизни. 1905. № 4/5.

«В тихий вечер на распутье двух дорог...» (с. 147). Золотое руно. 1906. № 3.

«Я сжечь ее хотел, колдунью злую...» (с. 147). Петербургская жизнь. 1903. № 720.

«Где безбрежный океан...» (с. 149). *Кисиман, Атимаис* — мифические феи.

«Луны безгрешное сиянье...» (с. 151). Альманах книгоиздательства «Гриф». М., 1905.

Тихая колыбельная (с. 155). Образование. 1907. № 4 (под названием «Сон и смерть. Колыбельная песня»).

«Насытив очи наготою...» (с. 159). Вопросы жизни. 1905. № 1. *Фрина* (IV в. до н.э.) — известная своей красотой афинская гетера, натурщица и возлюбленная скульптора Праксителя. Художник Апеллес изобразил ее в облике богини любви Афродиты, выходящей из морской пены. *...Узрел внезапно без покрова // Мою красу ареопаг.* — Фрина, обвиненная в безбожии, предстала перед судом. Когда защитник, исчерпав все доводы, не добился успеха, он велел Фрине снять одежды, и судьи, пораженные ее красотой, вынесли оправдательный приговор.

«Детский лепет мне несносен...» (с. 160). Сологуб Ф. Собрание стихов. Книга III и IV. 1898—1903. М.: Скорпион, 1904.

«Изнемогающая вялость...» (с. 163). Мир Божий. 1902. № 11.

«Трепещет сердце опять...» (с. 164). Сологуб Ф. Змий. Стихи. Книга шестая. СПб.: Типография «И.Н. Холчев и компания», 1907.

«В дневных лучах и в сонной мгле...» (с. 164). Петербургская жизнь. 1905. № 808.

«Объята мглою вещих теней...» (с. 165). Петербургская жизнь. 1904. № 766.

«Грустные взоры склоняя...» (с. 165). Петербургская жизнь. 1898. № 288 (цикл «Во сне»).

«Неустанное в работе...» (с. 166). Беседа. 1903. № 9.

«Есть тропа неизбежная...» (с. 167). Белые ночи. Петербургский альманах. СПб.: Вольная типография, 1907.

«Пламенем наполненные жилы...» (с. 168). Новый путь. 1904. № 11.

«В стране безвыходной бессмысленных томлений...» (с. 168). Сологуб Ф. Пламенный круг. Стихи. Книга восьмая. М.: Издание журнала «Золотое руно», 1908.

«Безумием окована земля...» (с. 169). Альманах книгоиздательства «Гриф». М., 1905.

«Белая тьма созидает предметы...» (с. 169). Сологуб Ф. Пламенный круг. Стихи. Книга восьмая. М.: Издание журнала «Золотое руно», 1908.

«Рассвет полусонный, я очи открыл...» (с. 170). Сологуб Ф. Собрание стихов. Книга III и IV. 1898—1903. М.: Скорпион, 1904.

«Я жил как зверь пещерный...» (с. 171). Новый путь. 1904. № 9.

«Не трогай в темноте...» (с. 172). Беседа. 1907. № 3.

«В село из леса она пришла...» (с. 173). Альманах книгоиздательства «Гриф». М., 1905.

«Холодная, жестокая земля!..» (с. 173). Новый путь. 1904. № 3.

«Я живу в темной пещере...» (с. 174). Золотое руно. 1906. № 11/12.

«О, сердце, сердце! позабыть...» (с. 175). Петербургская жизнь. 1898. № 315 (цикл «На склоне»).

Пилигрим (с. 177). Петербургская жизнь. 1897. № 262 (цикл «Жизнь», без названия).

Лихо (с. 177). Живописное обозрение. 1895. № 32.

«В предутренних потьмах я видел злые сны...» (с. 179). Северные цветы ассирийские. Альманах книгоиздательства «Скорпион». М., 1905. *Вий* — в восточнославянской мифологии персонаж, чей взгляд был смертоносным. Герой одноименной повести Н.В. Гоголя (1835).

«Воля к жизни, воля к счастью, где же ты?..» (с. 180). Северные цветы на 1902 год, собранные книгоиздательством «Скорпион». М., 1902.

«Я спал от печали...» (с. 180). Вопросы жизни. 1905. № 1.

«Шум и ропот жизни скудной...» (с. 182). Бодрое слово. 1908. № 4.

«Поклонюсь тебе я платой многою...» (с. 182). Северные цветы ассирийские. Альманах книгоиздательства «Скорпион». М., 1905. *Ересное* — нечестивое, колдовское. *Пошава* — поветрие, наносная, повальная болезнь (В.И. Даль). *Навий* — мертвецкий. *Омег* — хмельной, одуряющий напиток.

«Ветер тучи носит...» (с. 185). Факелы. Книга первая. СПб.: Изд-во Г.И. Чулкова, 1906.

«Цветик белоснежный...» (с. 186). Жизнь для всех. 1905. № 6.

«Там, за стеною, холодный туман от реки...» (с. 187). Золотое руно. 1907. № 7—9.

«Окрест — дорог извилистая сеть...» (с. 188). Сологуб Ф. Собрание стихов. Книга III и IV. 1898—1903. М.: Скорпион, 1904. *Кудеса* (обл.) — чары, волхвованье.

«Обольщения лживых слов...» (с. 189). Новости. 1902. 1 декабря (цикл «В лесу»).

«Иду в смятенье чрезвычайном...» (с. 191). Беседа. 1903. № 1.

«Давно мне голос твой невнятен...» (с. 191). Русский вестник. 1902. № 11.

«Восходит Змий горящий снова...» (с. 192). Северные цветы ассирийские. Альманах книгоиздательства «Скорпион». М., 1905.

«Ты в стране недостижимой...» (с. 192). Новое дело. 1902. № 11. *Евмениды* (эвмениды, эринии) — в греческой мифологии богини мщения (у римлян — фурии).

«Наивно верю временам...» (с. 194). Вопросы жизни. 1905. № 1. *Виссон* — белая или пурпурная ткань, из которой шилась одежда в Древней Греции и Риме.

«Если трудно мне жить, если больно дышать...» (с. 194). Северные цветы на 1901 год, собранные книгоиздательством «Скорпион». М., 1901.

«Безгрешный сон...» (с. 195). Беседа. 1905. № 2.

«Прикован тяжким тяготением...» (с. 195). Перевал. 1907. № 11.

«Я ухо приложил к земле...» (с. 196). Сологуб Ф. Собрание стихов. Книга III и IV. 1898—1903. М.: Скорпион, 1904.

«Невеста тихая приходит...» (с. 199). Северное сияние. 1908. № 1.

«Алой кровью истекая в час всемирного томленья...» (с. 202). Альманах книгоиздательства «Гриф». М., 1905.

«В великом холоде могилы...» (с. 202). Новый путь. 1903. № 2 (цикл «Подземные песни»).

«Державные боги...» (с. 203). Северные цветы ассирийские. Альманах книгоиздательства «Скорпион». М., 1905.

«Моя печаль в полночной дали...» (с. 204). Сологуб Ф. Собрание стихов. Книга III и IV. 1898—1903. М.: Скорпион, 1904.

«В паденье дня к закату своему...» (с. 205). *Диана* — в римской мифологии богиня растительности и охоты, родовспомогательница, олицетворение луны.

«Оргийное безумие в вине...» (с. 205). Новый путь. 1904. № 1 (цикл «Гимны страдающего Диониса»).

«Я томился в чарах лунных...» (с. 206). Петербургская жизнь. 1905. № 826.

«Стремленье гордое храня...» (с. 207). Сологуб Ф. Собрание стихов. Книга III и IV. 1898—1903. М.: Скорпион, 1904.

«Ты не бойся, что темно...» (с. 208). Новый путь. 1904. № 11.

«Я влюблен в мою игру...» (с. 210). Новый путь. 1904. № 1 (цикл «Гимны страдающего Диониса»).

«Порочный отрок, он жил один...» (с. 211). Альманах книгоиздательства «Гриф». М., 1905.

«Наслаждаяся любовью, лобызая милый лик...» (с. 211). Северные цветы ассирийские. Альманах книгоиздательства «Скорпион». М., 1905.

«Не я воздвиг ограду...» (с. 212). Северные цветы на 1902 год, собранные книгоиздательством «Скорпион». М., 1902.

Алмаз (с. 214). *Мережковский* Дмитрий Сергеевич (1865—1941) — поэт, прозаик, драматург, философ, публицист; теоретик символизма.

«Здесь, на этом перекрестке, в тихий, чуткий час ночной...» (с. 215). Новый путь. 1903. № 11.

«Угас дневной надменный свет...» (с. 217). Петербургская жизнь. 1898. № 316 (цикл «Молитва»).

«Дни безрадостно-пустынны...» (с. 219). Петербургская жизнь. 1905. № 824.

«По тем дорогам, где ходят люди...» (с. 221). Петербургская жизнь. 1904. № 781.

«В чародейном, темном круге...» (с. 221). Перевал. 1907. № 11.

«Преодолел я дикий холод...» (с. 223). Перевал. 1907. № 11.

«Огонь, пылающий в крови моей...» (с. 223). Корабли. Сборник стихов и прозы. М., 1907.

«Все были сказаны давно...» (с. 224). Вопросы жизни. 1905. № 1. *Чудо первое Христа...* — На брачном пире в Кане Галилейской Иисус Христос претворил воду в вино.

«От курослепов на полях...» (с. 224). Сологуб Ф. Собрание стихов. Книга III и IV. 1898—1903. М.: Скорпион, 1904.

«Не поверь лукавой лжи...» (с. 226). Петербургская жизнь. 1899. № 327 (цикл «Советы», 1-я ред. с вариантами строк).

«Твоя душа — кристалл, дрожащий...» (с. 226). Петербургская жизнь. 1904. № 781.

«Не люблю, не обольщаюсь...» (с. 227). Сологуб Ф. Стихи. Книга первая. СПб., 1906.

«Слышу голос милой...» (с. 228). Петербургская жизнь. 1903. № 720 (с дополнительной строфой).

«Я дорогой невинной и смелою...» (с. 228). Образование. 1907. № 7.

«Я подарю тебе рубин...» (с. 229). Золотое руно. 1907. № 2.

«Своеволием рока...» (с. 229). Мир искусства. 1901. № 5.

«Околдовал я всю природу...» (с. 230). Новый путь. 1904. № 11.

«Я один в безбрежном мире, я обман личин отверг...» (с. 236). Золотое руно. 1907. № 2.

«Поднимаю бессонные взоры...» (с. 237). Северные цветы на 1901 год, собранные книгоиздательством «Скорпион». М., 1901.

«Равно для сердца мило...» (с. 239). Новый путь. 1904. № 11.

«Светлой предутренней грезой...» (с. 240). Сологуб Ф. Тени. Рассказы и стихи. СПб., 1896.

«В светлый день похоронили...» (с. 240). Наша жизнь. 1906. 2 апреля.

Иван-Царевич (с. 241). Вопросы жизни. 1905. № 1 (без названия). Стихотворение навеяно событиями русско-японской войны, завершившейся поражением России.

Соборный благовест (с. 241) Газета «Наша жизнь». 1904. 29 ноября. Стихотворный цикл написан под впечатлением развивающегося политическо-

го кризиса в стране, вызванного поражением России в русско-японской войне и приведшего в январе 1905 г. к революции.

Гимны родине (с. 244). Новый путь. 1904. № 3 (с названиями каждого стихотворения цикла: «Гимн первый», «Гимн второй», «Гимн третий»).

Неурожай (с. 246). Сологуб Ф. Стихи. Книга первая. СПб., 1906. *Стрибог* — в восточнославянской мифологии божество, олицетворяющее атмосферные явления, в частности ветры (в «Слове о полку Игореве» ветры названы Стрибожьими внуками, которые стрелами веют с моря).

«Ожиданья дни жестоки...» (с. 248). Сологуб Ф. Родине. Стихи. Книга пятая. СПб., 1906 (под названием «Жестокие дни»).

«Я печален, я грешен...» (с. 250). Русская мысль. 1907. № 12.

«Тропинка вьется...» (с. 253). Биржевые ведомости. 1905. 13 февраля.

«Прозрачный сок смолистый...» (с. 254). Русская мысль. 1907. № 4.

«Опять заря смеяться стала...» (с. 255). Петербургская жизнь. 1904 № 776.

«Вдали от скованных дорог...» (с. 256). Биржевые ведомости. 1905. 15 мая (утренний выпуск).

«Люби меня ясно, как любит заря...» (с. 257). Северные цветы ассирийские. Альманах книгоиздательства «Скорпион». М., 1905.

«Настало время чудесам...» (с. 257). Беседа. 1905. № 1.

«Жизнь проходит в легких грезах...» (с. 258). Вопросы жизни. 1905. № 4/5.

Змеиные очи

Печ. по изд.: Сологуб Ф. Собр. соч.: В 20 т. Т. 9. Змеиные очи: Стихи. СПб.: Сирин, 1914.

«Под черемухой цветущей...» (с. 261). Петербургская жизнь. 1898. № 306 (цикл «Соответствия»).

Выбор (с. 267). *Фиал* — у древних греков и римлян чаша для питья и для возлияний во время жертвоприношений.

«Живи и верь обманам...» (с. 267). Петербургская жизнь. 1899. № 327 (цикл «Советы»).

«Навек налажен в рамках тесных...» (с. 268). Сологуб Ф. Стихи. Книга первая. СПб., 1906.

«Уйдешь порой из солнечной истомы...» (с. 269). Сологуб Ф. Собр. соч. СПб.: Шиповник, 1911 (под названием «Комар-палач»).

«Небо желто-красное зимнего заката...» (с. 270). Северный вестник. 1893. № 6 (под названием «На закате»).

«Вот у витрины показной...» (с. 270). Иллюстрированный мир. 1894. № 27 (под названием «На улице», подпись: Тетерников).

«Я ждал, что вспыхнет впереди...» (с. 271). Живописное обозрение. 1895. № 35.

«В пути безрадостном, среди немой пустыни...» (с. 275). Сологуб Ф. Стихи. Книга первая. СПб., 1906 (без 3-й строфы).

«Нет, не любовь меня влекла...» (с. 276). Сологуб Ф. Стихи. Книга первая. СПб., 1906.

«О смерть! я твой. Повсюду вижу...» (с. 277). Сологуб Ф. Собр. соч. СПб.: Шиповник, 1911. Т. IX.

«Мы устали преследовать цели...» (с. 280). Сологуб Ф. Стихи. Книга первая. СПб., 1906.

«О царица моя! Кто же ты? Где же ты?» (с. 280). Сологуб Ф. Стихи. Книга первая. СПб., 1906.

«Думы черные лелею...» (с. 282). Сологуб Ф. Стихи. Книга первая. СПб., 1906.

«Многоцветная ложь бытия...» (с. 282). Весы. 1908. № 9 (цикл «Моя змея»).

«На серой куче сора...» (с. 283). Петербургская жизнь. 1897. № 254 (под названием «Зверобой»).

«Нет, не одно только горе...» (с. 285). Север. 1897. № 12.

«На гулких улицах столицы...» (с. 286). Былое-грядущее. 1908. № 3 (7; под названием «В городе», с разночтениями).

«Вдали, над затравленным зверем...» (с. 286). Всемирная иллюстрация. 1896. № 1442.

«Вывески цветные...» (с. 287). Петербургская жизнь. 1898. № 313 (цикл «Параллели»).

«Усмиривши творческие думы...» (с. 289). Сологуб Ф. Собрание стихов. Книга III и IV. 1898—1903. М.: Скорпион, 1904.

«Какой-то хитрый чародей...» (с. 289). Газета «Слово». 1905. 16 марта.

«Живы дети, только дети...» (с. 294). Русская мысль. 1907. № 10.

«Придешь ли ты ко мне, далекий, тайный друг?..» (с. 294). Русский вестник. 1903. № 1.

«Ускользающей цели...» (с. 295). Весы. 1908. № 9 (цикл «Моя змея»).

«Не стоит ли кто за углом?..» (с. 296). Новый путь. 1904. № 11.

«Давно стараюсь, и напрасно...» (с. 300). Сологуб Ф. Собр. соч. СПб.: Шиповник, 1911. Т. IX.

«В его саду растет рябина...» (с. 301). Бодрое слово. 1908. № 1.

«На улицах пусто и тихо...» (с. 303). Сологуб Ф. Собр. соч. СПб.: Шиповник, 1911. Т. IX.

«Томленья злого...» (с. 305). Литературно-художественный сборник «Слово». Книга 1. М., 1908.

«В глубокий час молчания ночного...» (с. 306). Сологуб Ф. Собр. соч. СПб.: Шиповник, 1911. Т. IX.

«День туманный...» (с. 309). Живописное обозрение. 1904. № 52.

«Недотыкомка серая...» (с. 311). Сологуб Ф. Собрание стихов. Книга III и IV. 1898—1903. М.: Скорпион, 1904. *Недотыкомка* (недотыка) — до которого нельзя дотрогиваться (В.И. Даль). Блок, размышляя об этом сологубовском образе, писал: «Это — и существо и нет, если можно так выразиться — «ни два, ни полтора», если угодно — это ужас житейской пошлости и обыденщины; если угодно — угрожающий знак страха, уныния, отчаяния, бессилия. Этот ужас Сологуб окрестил «Недотыкомкой» (Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 162).

«На распутье злом и диком...» (с. 313). Сологуб Ф. Собрание стихов. Книга III и IV. 1898—1903. М.: Скорпион, 1904.

«Мне сегодня нездоровится...» (с. 315). Сологуб Ф. Собр. соч. СПб.: Шиповник, 1911. Т. IX.

Ангел благого молчания (с. 316). Петербургская жизнь. 1904. № 796.

«Преодолев тяжелое косненье...» (с. 317). Новый путь. 1903. № 2 (цикл «Подземные песни»).

«Любовью легкою играя...» (с. 318). Новости дня. 1907. 8 октября.

«Грустное слово — конец!..» (с. 321). Петербургская жизнь. 1905. № 819.

«Как часто хоронят меня...» (с. 322). Новый путь. 1903. № 1.

«Никто не убивал...» (с. 323). Новости. 1903. 19 октября.

«Иду в лесу. Медлительно и странно...» (с. 324). Новости. 1902. 1 декабря (цикл «В лесу»).

«Мы скучной дорогою шли...» (с. 326). Былое-грядущее. 1907. № 1.

«Он не знает, но хочет...» (с. 326). Северные цветы ассирийские. Альманах книгоиздательства «Скорпион». М., 1905.

«В его устах двухсмысленны слова...» (с. 327). Сологуб Ф. Собр. соч. СПб.: Шиповник, 1911. Т. IX.

«О, забвение! низойди, обмани!» (с. 328). Сологуб Ф. Собр. соч. СПб.: Шиповник, 1911. Т. IX.

«Люблю блуждать я над трясиною...» (с. 328). Весы. 1908. № 9 (цикл «Моя змея»).

«Когда я в бурном море плавал...» (с. 330). Северные цветы. Третий альманах книгоиздательства «Скорпион». М., 1903.

«Истомил меня пасмурный день...» (с. 331). Сологуб Ф. Собр. соч. СПб.: Шиповник, 1911. Т. IX.

«Мы поклонялися владыкам...» (с. 334). Факелы. Книга первая. СПб.: изд. Г.И. Чулкова, 1906. *Денница* — утренняя заря, рассвет.

«Предметы предметного мира...» (с. 335). Сологуб Ф. Собрание стихов. Книга III и IV. 1898—1903. М.: Скорпион, 1904.

«Зачем возрастаю?..» (с. 337). Цветник Ор. Кошница первая. Сборник лирический и драматический. СПб.: Оры, 1907.

«Я любви к тебе не знаю...» (с. 337). Сологуб Ф. Змий. Стихи. Книга шестая. СПб.: Г. Шахт и Ко, 1907.

«Маленькие кусочки счастья, не взял ли я вас от жизни?..» (с. 338). Русское слово. 1907. 10 октября (под названием «Кусочки счастья»).

«Свободный ветер давно прошумел...» (с. 339). Вопросы жизни. 1905. № 7.

«Невинный цвет и грешный аромат...» (с. 340). Беседа. 1906. № 5 (под названием «Невинный цвет»).

«Два солнца горят в небесах...» (с. 342). Сологуб Ф. Змий. Стихи. Книга шестая. СПб.: Г. Шахт и К°, 1907. *Гелиос* — в греческой мифологии бог солнца, дарующий жизнь и наказывающий слепотой преступников.

«Кто на воле? Кто в плену?..» (с. 343). Русская мысль. 1908. № 1.

«Зеленый изумруд в твоем бездонном взоре...» (с. 343). Беседа. 1907. № 10 (под названием «Зеленый изумруд»).

«Я к ней пришел издалека...» (с. 344). Сологуб Ф. Пламенный круг. Стихи. Книга восьмая. М.: Золотое руно, 1908.

«Белый мой цветок, таинственно-прекрасный...» (с. 345). Золотое руно. 1907. № 2.

«День сгорал, недужно бледный...» (с. 345). Луч. 1907. № 2.

Люцифер человеку (с. 349). *Люцифер* (лат.: носитель света) — в христианской традиции одно из обозначений сатаны, возгордившегося подражателя тому истинному свету, который несет людям Бог.

«Мы были праздничные дети...» (с. 352). Русская мысль. 1907. № 11.

«Я должен быть старым...» (с. 352). Сологуб Ф. Собр. соч. СПб.: Шиповник, 1911. Т. IX. *Ананке* — богиня судьбы, олицетворяющая необходимость. *Пино* — сорт винограда, из которого изготовляется бургундское вино.

«Дышу дыханьем ранних рос...» (с. 354). Русская мысль. 1907. № 4.

Нюрнбергский палач (с. 355). Перевал. 1907. № 6 (с подзаголовком «Из переживаний»). По мнению А. Блока, это стихотворение «может стать «классическим», как роман «Мелкий бес». Правда, перечитывать такие произведения бывает иногда немного страшно: если взять сейчас в руки «Фауста», или «Онегина», или «Мертвые души», станет не по себе: древние воспоминания посещают. Может быть, поколения, следующие за нами, испытают то же, перечитывая «Нюренбергского палача» (Блок А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. М.; Л., 1962. С. 288—289).

Лунная колыбельная (с. 358). Русская мысль. 1907. № 11 (под названием «Колыбельная»).

«Все было беспокойно и стройно, как всегда...» (с. 359). Русская мысль. 1907. № 10.

«Жизнь моя, змея моя!..» (с. 359). Весы. 1908. № 9 (цикл «Моя змея»).

«Что было, будет вновь...» (с. 360). Весы. 1908. № 8.

Чертовы качели (с. 361). Весы. 1908. № 8.

«Под сенью тилий и темал...» (с. 363). Волжские дали. 1908. № 12. *Тилии, темалы, киферы, алмея, азра* — поэтические неологизмы Сологуба.

«Блаженство в жизни только раз...» (с. 355). Альманах для всех. Книга 1. СПб., 1910. *Савл* — гонитель христиан, услышавший на пути в Дамаск голос Иисуса Христа и ставший ревностным проповедником его учения, апостолом Павлом.

«Иди в толпу с приветливою речью...» (с. 366). Петербургская жизнь. 1899. № 237 (цикл «Советы»).

«Люби меня, люби, холодная луна!..» (с. 367). Общедоступный литературно-художественный альманах. Книга 1. М., 1911.

«Вздымалося облако пыли...» (с. 368). Весы. 1909. № 10/11.

«Судьба была неумолима...» (с. 369). Литературно-художественные альманахи издательства «Шиповник». Книга 12. СПб., 1910.

«Все эти ваши слова...» (с. 371). Литературно-художественные альманахи издательства «Шиповник». Книга 12. СПб., 1910.

«Отчего боятся дети...» (с. 372). Юбилейный сборник Литературного фонда. 1859—1909. СПб., 1910.

«Ликуй, звени, блести, мой легкий, тонкий стих...» (с. 375). Сологуб Ф. Собр. соч. СПб.: Шиповник, 1911. Т. IX.

«Поняв механику миров...» (с. 375). Сологуб Ф. Собр. соч. СПб.: Шиповник, 1911. Т. IX.

Жемчужные светила

Печ. по изд.: Сологуб Ф. Собр. соч.: В 20 т. Т. 13. Жемчужные светила: Стихи. СПб.: Сирин, 1913. Посвящение — Ан.Н. Чеботаревской.

«На могилу милой...» (с. 383). *Барвинок* — род многолетних трав.

«С врагом сойдясь для боя злого...» (с. 384). Наблюдатель. 1898. № 3 (под названием «Видение»). *Мара* — в низшей мифологии Европы злой дух, воплощение ночного кошмара, ночная ведьма, вызывающая удушье у спящих.

«Словно лепится сурепица...» (с. 385). Петербургская жизнь. 1898. № 313 (цикл «Параллели»).

«Что жалеть о разбитом бокале!..» (с. 387). Домашняя библиотека. 1897. № 10.

Счастье (с. 388). Живописное обозрение. 1897. № 37.

«И дымят, и свистят пароходы...» (с. 389). Иллюстрированный мир. 1894. № 35 (без подписи, под названием «На реке и на погосте»).

«Странный сон мне снился: я кремнистой кручей...» (с. 391). Бодрое слово. 1908. № 3..

«Душою чистой и незлобной...» (с. 397). Северный вестник. 1894. № 8.

«В томленьях жизни несчастливой...» (с. 398). *Киприда* — в греческой мифологии богиня любви и красоты Афродита. По преданию, богиня явилась из пены морской вблизи Кипра («кипророжденная»).

Ирина (с. 402). Петербургская жизнь. 1897. № 245 (под названием «О былом»; первая строка «Помнишь, милая, ту осень...»).

«После жизни недужной и тщетной...» (с. 404). Сологуб Ф. Тени. Рассказы и стихи. СПб., 1896.

«Сердцем овладевшая, злоба застарелая» (с. 405). Иллюстрированный мир. 1894. №31.

В мае (с. 406) Иллюстрированный мир. 1893. № 52 (без названия. Подпись: Тетерников).

«Я слагал эти мерные звуки...» (с. 407). Иллюстрированный мир. 1894. № 27.

«Как высокая, тонкая арка...» (с. 408). Петербургский журнал. 1898. № 313 (цикл «Параллели»).

«Невольный труд...» (с. 421). Петербургский журнал. 1905. № 829.

Звездная даль (с. 421). Сологуб Ф. Тени. Рассказы и стихи. СПб., 1896.

«Судьба безжалостная лепит...» (с. 423). *Майя* — в ведийской мифологии способность к перевоплощению, колдовская иллюзия; нередко выступает в персонифицированном виде как божественная женщина небесного

происхождения. *Нирвана* (санскр. угасание) — в буддизме и джанизме состояние полной отрешенности от внешнего мира, означающее высшее состояние свободы, покоя и блаженства.

Костер (с. 426). Петербургский журнал. 1896. № 167.

«Блажен, кто пьет напиток трезвый...» (с. 427). Сологуб Ф. Стихи. Книга первая. СПб., 1908.

«Лампа моя равнодушно мне светит...» (с. 429). Сологуб Ф. Стихи. Книга первая. СПб., 1908.

«Ты не знаешь, невеста, не можешь ты знать...» (с. 432) Сологуб Ф. Тени. Рассказы и стихи. СПб., 1896.

«Я устал, — я едва только смею дышать...» (с. 433). Весы. 1908. № 9 (цикл «Моя змея»).

«Я любил в тебе слиянье...» (с. 434). Голос Сибири. 1911. 1 января.

«Я люблю всегда далекое...» (с. 434). Петербургский журнал. 1905. № 820.

«Толпы домов тускнели...» (с. 435). Слово. 1908. 27 июля.

«Я приготовился принять гостей...» (с. 437). Сологуб Ф. Стихи. Книга первая. СПб., 1908.

«Влачится жизнь моя в кругу...» (с. 444). Петербургский журнал. 1897. № 262 (цикл «Жизнь»).

«На закат, на зарю...» (с. 444). Белые ночи. Петербургский альманах. СПб., 1907.

Больная жена (с. 446). Петербургская жизнь. 1904. № 769.

«Вижу зыбку над могилой...» (с. 447). Петербургский журнал. 1897. № 234 (цикл «На севере»).

«Какие злые перемены!..» (с. 447). Сборник товарищества «Прогресс». Т. 1. М., 1911.

«Я — бог таинственного мира...» (с. 448). Северные цветы на 1902 год, собранные книгоиздательством «Скорпион». М., 1902.

«Не могу собрать...» (с. 453). Вопросы жизни. 1905. № 4/5.

«Я иду от дома к дому...» (с. 453). Бодрое слово. 1909. № 19.

«Под кустами...» (с. 454). Газета «Отмена визитов». 1910. 18 апреля.

Родник изведенный (с. 455). *Посох Моисеев* — жезл, врученный богом вождю и пророку еврейского народа, которым он разделил море так, чтобы ведомые им израильтяне смогли пройти по морю, как по суше (воды были им стеною справа и слева).

«Узкие мглистые дали...» (с. 456). Сологуб Ф. Собрание стихов. Книга III и IV. 1898—1903. М.: Скорпион, 1904.

Огненный мак (с. 457). Петербургский журнал. 1905. № 822.

«Вереницы мечтаний порочных...» (с. 463). Сологуб Ф. Собрание стихов. Книга III и IV. 1898—1903. М.: Скорпион, 1904.

«Я воскресенья не хочу...» (с. 468). Вопросы жизни. 1905. № 4/5.

Простая песенка (с. 470). Наша жизнь. 1905. 26 ноября.

«Моя усталость выше гор...» (с. 471). Новый путь. 1904. № 11.

«Змий, парящий над вселенной...» (с. 473). Золотое руно. 1906. № 6.

«Грешник, пойми, что Творца...» (с. 478). Былое-грядущее. 1907. № 2.

«Не смейся над моим нарядом...» (с. 479). Беседа. 1907. № 8 (под названием «Не смейся»).

«О, жалобы на множество лучей...» (с. 479). Корабли. Сборник стихов и прозы. М., 1907.

«Солнце светлое восходит...» (с. 481). Вопросы жизни. 1905. № 10/11 (под названием «Восход солнца»).

«Нерон сказал богам державным...» (с. 482). Сологуб Ф. Пламенный круг. Стихи. Книга восьмая. М.: Золотое руно, 1908. *Нерон* Клавдий Друз Германик (37—68) — римский император, традиционно считающийся жестоким тираном, первым гонителем христиан.

Вячеславу Иванову (с. 484). Золотое руно. 1909. № 2 (под названием «Ответ Федора Сологуба», вслед за стихотворением Вяч. И. Иванова «Апотропей», адресованным Сологубу). *Иванов* Вячеслав Иванович (1866—1949) — поэт, драматург, филолог-классик, критик, теоретик символизма.

«В мантии серой...» (с. 485). *Абадонна* (Аваддон) — губитель; библейское имя ангела бездны, владеющего ключом от шеола (преисподней). *Адонаи* (евр.) — одно из имен Бога.

«Разбудил меня рано твой голос, о Брама!..» (с. 486). Золотое руно. 1907. № 2. *Брама* (Брахма), *Вишну*, *Шива* — в индуистской мифологии триада верховных богов, олицетворяющих зарождение вселенной, ее жизнь и гибель. *Лингам* (линга) — фаллический символ производящей силы бога Шивы.

«На холмах заревых таинственную быль...» (с. 488). *Шафран, кардамон, ваниль* — травы из семейств касатиковых, имбирных и орхидных, используемые в качестве пищевых добавок, в том числе для приготовления омега, хмельного, одурманивающего напитка. *Айса* — в греческой мифологии олицетворение случайности (в противоположность Ананке — необходимости). *Флагелланты* — занимающиеся флагелляцией — бичеванием для достижения взаимного сексуального возбуждения, в данном случае — в ритуальных целях, при служении языческому божеству.

«Пришла опять, желаньем поцелуя...» (с. 490). Русская мысль. 1911. № 1.

«Плещут волны перебойно...» (с. 492). Русская мысль. 1912. № 8.

«Я часть загадки разгадал...» (с. 493). Русская мысль. 1912. № 8. *Елогим* — одно из наименований Бога в библии; здесь в знач.· искуситель.

«Там, внизу, костры горели...» (с. 495). Русская мысль. 1912. № 8. *Спарта* — древнегреческий город, столица одноименного государства античности.

«Светлый дом мой все выше...» (с. 495). Русская мысль. 1912. № 12.

«Проснувшися не рано...» (с. 496). Голос Земли. 1912. 10 января. *Лугано* — озеро и город-курорт в Италии, на границе с Швейцарией.

«Зелень тусклая олив...» (с. 498). Голос Земли. 1912. 12 января. *Гефсимания* — название масличного сада на склоне горы Елеонской, где часто отдыхал Иисус Христос, беседуя со своими учениками. Здесь же он был предан Иудой.

«Опять ночная тишина...» (с. 499). Литературно-художественный альманах издательства «Шиповник». Книга 15. СПб., 1911.

«Коля, Коля, ты за что ж...» (с. 500). Думы и песни. Сборник новых песен. Сост. А. Чеботаревская. М., 1911.

Красота Иосифа (с. 502). *Иосиф* — младший сын патриарха, родоначальника израильского народа Иакова, проданный братьями в рабство в Египет. Здесь его безуспешно пыталась соблазнить сладострастная Залиха (Зулейка), жена начальника телохранителей египетского фараона.

«Беспредельно утомленье...» (с. 505). Литературно-художественный альманах издательства «Шиповник». Книга 15. СПб., 1911.

Александр Блок
Пламенный круг

Золотое руно. 1908. № 7—9.

Иннокентий Анненский
О современном лиризме

Аполлон. 1909. № 1, 2, 3. Фрагмент о Сологубе из первой части статьи, оставшейся неоконченной. Печ. по изд.: Анненский И. Книги отражений. М.: Наука, 1979 (серия «Литературные памятники»). Автор — Иннокентий Федорович Анненский (1855—1909), поэт, критик, драматург, переводчик, педагог.

С. **513.** . . *что она 8-ая...* — Имеется в виду сб. Сологуба «Пламенный круг. Стихи. Книга восьмая». М., 1908.

Франсис Жамм (1868—1938) — французский поэт, воспевавший природу.

«Тантал» (1905) — трагедия Вяч. И. Иванова.

С. **514.** *Корнуэлл* Барри (1787—1874) — английский поэт. Вольным подражанием его песне является стихотворение А.С. Пушкина «Пью за здравие Мери».

С. **516.** *Геката* — в древнегреческой мифологии богиня луны и ночи, колдунов и привидений, скитавшаяся в сопровождении собак и призраков. Ее атрибутами были факел, бич и змеи.

С. **518.** *...Иокаста, оплодотворенная ею же рожденным Эдипом.* — Иокаста — в греческой мифологии фиванская царица, мать Эдипа. Не узнав друг друга через много лет, они стали супругами, родившими двух сыновей и двух дочерей.

С. **520.** *...после пробуждения Раскольникова.* — Эпизод романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».

С. **521.** *Ренье* Анри Франсуа Жозеф де (1864—1936) — французский поэт-символист, прозаик, критик.

С. **522.** *Елкич* — фантастический персонаж из одноименного рассказа Сологуба.

Пусть себе переводит стихи Верлена. — Имеется в виду книга: Верлен П. Стихи, избранные и переведенные Федором Сологубом. СПб., 1908.

С. **523.** *...как Горы качают Амура.* — Горы (оры) — в греческой мифологии богини времен года, покровительницы урожая и живительных сил природы. Они упорядочивают жизнь человека. Амур — в римской мифологии божество любви (у греков Эрот)

С. **524.** *...пушкинская «Телега».* — Стихотворение Пушкина «Телега жизни» (1923).

Исайя... уж ровно не при чем! — «Посвящение Сологуба в пророки» Анненский сравнивает с тем, о котором говорится в гл. 6 Книги пророка Исайи (этой теме посвящен также «Пророк» Пушкина).

СОДЕРЖАНИЕ

36 Федор Сологуб-7

СОДЕРЖАНИЕ

Сологуб. Ф.
С 60 Собр соч.: В 6 т. Т. 7 (дополнительный). Лазурные горы: Стихотворения. Сост., примеч. Т Ф Прокопова. М.: НПК «Интелвак», 2003 – 568 с.

ISBN 5-93264-044-8 (т 7)

Седьмой том (дополнительный) Собрания сочинений Федора Сологуба представляет поэтическое наследие классика Серебряного века. Впервые публикуются все стихотворения, вошедшие в четыре тома его прижизненных Собраний: «Лазурные горы», «Восхождения», «Змеиные очи», «Жемчужные светила».

УДК 882 Сологуб 2
ББК 84 (2Рос=Рус)1

Сологуб Федор
(Тетерников Федор Кузьмич)
Собрание сочинений
Том 7 (дополнительный)

Редактор *Виктория Фрадкина*
Корректор *Наталья Шипилова*
Верстка *Ирины Ануфриевой*

Подписано в печать 20 02 2003 Формат 60×84/16 Бумага офсетная № 1
Гарнитура Таймс Печать офсетная Усл.-печ л. 33,48. Уч.-изд. л. 25.
Тираж 3000 экз. Заказ № 950.

Лицензия ЛР № 071768 от 15 декабря 1998 г

Издательство НПК «Интелвак»
113105, Москва, Нагорный проезд, 7
Факс 127 3847 Тел 127 3846
E-mail· iv@deltacom ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета на ФГУИПП «Вятка».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.

Издательство «НПК «Интелвак» создано в 1998 году.

Приоритетные тематические направления — литература Серебряного века, Русского зарубежья, книги по истории и филологии, мемуарная литература.

К настоящему времени издательством выпущено более 20 томов, среди которых сочинения Владимира Набокова, Михаила Осоргина, Зинаиды Гиппиус, Александра Амфитеатрова, Федора Сологуба, а также «Литературная энциклопедия терминов и понятий».

